

Татьяна Белова

ПРОЕКТ “МЕССИЯ”

Мир
Алькаана

Его дочери исполнилось шесть лет, когда она слепила свою первую фигурку из глины. Терранс долго крутил её в руках, но так и не понял, что или кто это.

Каттери тогда сказала: "слон". Он не понял и переспросил: «кто?»

Потом были другие фигурки и другие слова.

«Сааг — это не птица, папа, это рептилия. Хочешь, я нарисую тебе Землю? Нет, не грязь под ногами, папа, а другую планету!»

Терранс слушал дочь и все внутри него каменело, покрывалось инеем, как если бы он заблудился между двумя точками портала. Он не мог говорить об этом. Надежда и страх, мучили его, как ломота в костях при приближении грозы.

Цикл Эбо — 8 часов

Цикл Сота — 6 часов

Цикл Веда — 6 часов

Дан-Сол — солнечный, 12 часов.

Дан-Лу — лунный, 20 часов.

Суу-дан — суточный цикл, 32 часа.

Даннэ — неделя, 7 суу-дан (творение)

Даннэм — середина, 15 суу-дан (равновесие)

Даннур — месяц, 30 суу-дан (бесконечность)

Весна — синий — ринну; 4 месяца весны; фоз даннур ринну

Лето — желтый — ведду; 4 месяца лета; фоз даннур ведду

Озимь — белый — эннувин; 4 месяца озими; фоз даннур эннувинн

Часть первая. Чтобы родиться, нужно умереть.

Пролог

Она знает, Терранс лен Валлин очень любит этот дом.

Дом, пустивший корни из поваленного белого дерева.

Его чуть раздутые, шершавые бока, округлые, витражные окна, смотрящие на черно-бурую воду, ступенчатую крышу с плоской шляпкой взлётной площадки. Серый, не симметричный, местами он кажется слепленным из глины. Рядом, захваченный белыми щупальцами семяника, растет ствол маяка, подпирая серые стены бугристой спиной. Усыпанная гравием дорожка бежит от крыльца и прячется под раскидистыми ветвями альбы.

Терранс любит этот дом. Здесь он впервые взял дочь на руки и испугался её невесомости. Впервые он держал в руках что-то столько хрупкое, что страшно было дышать. Девочка кричала, красное личико сморщилось. Он еще не знал тогда, что причиняет ей боль одним своим присутствием, своим страхом, голосом.

Прошло долгих три суу, бесконечных, как сущность Творца. Умерла мать Каттери, в бреду, в горячке, сторело её тело в каменном мешке, встало беспощадное солнце, нахлынул и отступил прилив. Соль и ржавь водорослей осели на щербатых ступенях лестницы, выбитых в скале, и только тогда одна из повитух осмелилась сказать Террансу, что девочка, названная Каттери нума Ниери, аяя высокого Дома лен Валлин, родилась жить во тьме. Алькаан успел неторопливо обернуться лицом к Творцу, прежде чем Терранс узнал, что весь мир вокруг, того не желая, причиняет его дочери боль.

Весь первый год своей жизни Каттери кричала и плакала, не переставая ни днём, ни ночью. Слишком яркий свет, слишком громкий звук, слишком искренняя, неистовая молитва. И потому в доме чаще всего царили сумрак, суэта и бессонница.

Каттери исполнилось шесть лет, когда она слепила свою первую фигурку из глины. Терранс долго крутил её в руках, но так и не понял, что или кто это.

Она тогда сказала: «Слон»

Он не понял и переспросил: «кто?»

Потом были другие фигурки и другие слова.

«Сааг — это не птица, папа, это рептилия. Хочешь, я нарисую тебе Землю? Нет, не грязь под ногами, папа, а другую планету!»

Терранс слушал дочь и все внутри него каменело, покрывалось инеем, как если бы он заблудился между двумя точками портала. Он не мог говорить об этом. Надежда и страх, мучили его как ломота в костях при приближении грозы.

По вечерам в спальне Каттери всегда горел свет. Огонёк прятался под цветным стеклом лампы. Отсвет пламени отбрасывал причудливые тени на деревянные панели потолка. Большая, высокая кровать, пряталась под балдахином. Везде стояли книги. На столе, на подоконнике, на полу. Теплые, каисовые корешки.

Книги и глина.

Сколько ей было когда она стала вспоминать и лепить лица? Незнакомцы смотрели так пристально, что Терранс отворачивался, боясь встретиться с ними взглядом. Казалось, они вот-вот улыбнутся и заговорят. Каждому было дано имя, и за каждым именем, как бескрайняя пустыня, лежала история. История, отпечатанная в корнях его дочери.

Изначальных корнях.

Шумят альбы, молчит гравий.

Она поднимается по ступеням на крыльцо, толкает дверь и перешагивает порог.

Как упрёк звучат несмазанные петли, отсыревшие половицы, шорох мышей под полом. Окна открыты нараспашку. Сыро.

Дом холоден и оглушительно пуст. Ветер гоняет, сморщенные бурые листья и собирает пыль в углы.

Она подходит к окну и закрывает створки.

На подоконнике черные, маслянистые потеки, дерево треснуло и из разлома пробивается тоненький росточек — веточка альбы. Когда-нибудь её корни пробьют себе путь к воде. Пройдут насквозь камень. Глину размочит вода. Дом просядет под тяжестью пустоты. Время, которого нет, вернёт его в землю, которой все равно.

В высокий прилив, поваленное дерево унесёт водой. Берег осядет, обрушивая вниз скалу и ступени лестницы.

В сезон гнездовья прилетят киагту и растащат на свои гнезда то, что останется: куски черепицы, витражи, половицы...

Но прежде, она знает, этот дом будет гореть четыре суу, но так и не сгорит полностью. Иней укроет берег и лес, земля остынет, огонь станет серым, как пыль, как глаза харона, а на утро пятого дана придёт ураган с океана и унесёт с собой тех, кто это видел.

Каттери лен Валлин

Все из-за того, что она поспорила с Келлианой, что найдет яйцо птицы кулус.

Это случилось в первый дан весны, люди со всех окрестных поселений стекались в деревню у Трех Столбов на ярмарку, сжигать бумажное дерево и приносить дары матери Маат, прося милости и урожая. И хотя это событие вызывало у Каттери лишь головную боль и пренебрежение, она стойко переносила все: боль, свет, жару, шум, запах и даже то, что Келли упрямо держала её за руку, боясь потерять в толпе.

Тела людей вокруг мерцали, свет расходился дрожащими кругами. Каттери не могла зажмуриться и прекратить пытку, она была вынуждена всматриваться в яркие силуэты и слушать эхо из своего колодца. Колодца памяти. Словно грибница, колодец разрастался вширь и прорастал вглубь. Каттери окружали призраки как прошлого, так и будущего. Окружали лица, чужие и знакомые.

Слепая с рождения, Каттери видела мир иначе. Знала каким он был прежде и как жили люди до того, как прилетели на Алькаан. Помнила, что дан Ярмарки изначально назывался днём весеннего равноденствия. Но память корней, была не предсказуема. Каттери могла выглянуть в окно в белый дан озими и затосковать, вспомнив, как менялись времена года когда-то давно, на земле, за вечность до ее рождения. Это было страшно. Она просыпалась мокрая от пота, горящая в лихорадке от видений чужого мира.

Память причиняла ей боль.

Чаще всего видения приходили к ней в летние месяцы. Солнце светило ярче, было ближе и жарче, от жары на красных камнях проступал пот, а по утрам над водой поднимался плотный туман, в котором растворялись луны.

В такие дни, дни близкого солнца, когда Творец пристально вглядывался в неё сквозь молоко воздушного океана, Каттери сходила с ума от ожидания и ненавидела свой дар. Казалось, она вот-вот вспомнит что-то важное о движении небесных тел, о звёздах, которых не видно, что-то такое, о чем не пишут в книгах синоптики и обходят стороной многочисленные религии.

Впереди, наконец, замаячил голубой огонёк лавки мороженщика. Каттери не выдержала, вырвала руку и, ловко лавируя меж разгорячённых тел, проскользнула под тень навеса.

— Ката! Не смей убежать от меня! — закричала Келли и бросилась следом.

Келлиана Аринэ, её нянька и единственный друг, была на три года старше. Каттери отчётливо видела её яркий, горячий силуэт на фоне толпы, он был похож на раскалённую пружину. Высокая температура её тела — наследие неведомого предка — варда. Внешне полукровки Аринэ не особо отличалась от человека. У Келли были тугие, как пружины, каштановые волосы, широкие скулы, зеленые глаза и красная кожа. Основное же отличие скрывалось в глубоких переплетениях неведомых корней. От них Келли досталась синяя кровь, насыщенная сеоридом, и тело, способное к трансформации. Трансформации, которая в Дерентии была строжайше запрещена.

Келли быстро догнала её и уже почти схватила за локоть, но вдруг остановилась и отдернула руку. Каттери слышала, как она тяжело дышит ей в затылок, как распаляется от злости, но ругать её на глазах толпы она все же не посмела.

— Я хочу мороженого! — твёрдо сказала Каттери и как истинная айя высокого Дома,

гордо вздёрнула голову.

Каттери не видела лица мороженщика, но почувствовала, как по его членам прокатилась волна дрожи, когда он узнал их.

Когда он заговорил, голос его звучал неуверенно:

— Мое почтение, айя, чего желаете?

Он выбрал нейтральное — айя — «дочь дома», не уточняя, какого дома. Отец Каттери побагровел бы от злости, усмотрев в подобном обращении неуважение. Все на побережье от Красного мыса до деревни «У Трёх столбов» знали чья она дочь. Сама же Каттери равнодушно не заметила его глупой ошибки, расправила плечи и убрала руки за спину. Они просто две девочки, что зашли купить мороженого.

— Мне сырное и шоколадное! — в предвкушении сказала Каттери.

— А мне, пожалуйста, — Келли закусил губу и задумчиво склонилась над витриной, — вон то красненькое и рядом с ним зелёненькое. А что это за черные ягоды?

— Это изюм, — ответил мороженщик.

— Исиум? — переспросила Келли. Произношение давалось ей плохо, мешали боковые, острые клыки, которых она стеснялась. Из-за этого Келли редко улыбалась, а когда смеялась, то всегда старалась прикрывать рот рукой.

— Изюм, — повторил мороженщик, голос его звучал немного снисходительно. — Это такие сушеные ягоды. Вы когда-нибудь видели виноград? Говорят, — наба понизил голос, — в Ксаравии он растёт прямо на улицах города.

Каттери рассмеялась.

— Нам мороженое, пожалуйста, наба Терций, а в Ксаравии на улицах города, только грязь сама по себе растёт, и песчаный каам, растение-паразит, он очень похож на виноград, но есть его ягоды я вам не советую.

— Ката! — возмущённо зашипела ей в ухо Келли.

Мороженщик вздрогнул, выдал им выбранное мороженое в каисовых стаканчиках с ложечками и больше ничего не сказал. Келли расплатилась и они вышли под высокое, весеннее солнце.

К горлу подкатила привычная горечь разочарования. Каттери мечтала хоть раз, оказавшись среди людей, не услышать, как дрожит в воздухе суеверный страх, смешанный, как краски на палитре, с любопытством или с затаённым, жгучим стыдом.

Люди боялись её. Её, дочь наследного Дома лен Валлин. Боялись её дара, из-за которого она была для них подобна ненавистным неведомым. И все же иногда к страху примешивалась толика надежды, что она и есть та самая искра, из которой разгорится пламя. Что она, айя Дома лен Валлин, наследница синей крови Вестников, и есть тот самый символ будущего перерождения человека во что-то большее. Бесконечное, как сама милость Творца.

— Ну почему ты никак не научишься держать язык за зубами? — спросила Келли. Она злилась, но старалась говорить сдержанно. Получалось у неё плохо. — Вот зачем ты назвала его по имени? Он теперь всем расскажет, что ты ещё и мысли читаешь! Люди скоро с вилами на нас пойдут. И так шепчутся по углам.

Они неторопливо шли вверх по тропе, вдоль ярких шатров, которые Каттери виделись, как белый рисунок на чёрной доске. Узкая тропа под ногами, опоясывающая чёрный камень холма, была как горящая красная нить, а люди, что двигались вверх и вниз, как множество цветных пятен. Узнав ее и Келли, люди старались как можно скорее уступить им дорогу,

свернуть с тропы, нырнуть под навес лавки.

— Я проявила уважение, — твёрдо ответила Каттери.

— Лучше бы ты проявила осторожность!

Келли тяжело вздохнула, помолчала, а потом добавила:

— Зайдём ещё к Самаре, хочу себе пару мотков пряжи и иглы новые. Тебе глина нужна, та, красная, которую мы в прошлый раз покупали?

— Я очень устала, — сказала Каттери. Больше всего ей хотелось сейчас спрятаться в темноте и тишине своей спальни. — Давай поскорее вернёмся домой.

Но скорее не получилось.

Каттери только-только успела доесть мороженое и они с Келли взобрались на холм, где в центре устанавливали соломенное чучело и бумажное дерево. Чуть поодаль хлопали на ветру пёстрые шатры.

Под тентом слышались молотки, это строили сцену для вечернего представления. В этом году к ним приехали повелители огня, театр кукол и цирковые акробаты, так сообщали голоса мальчишек зазывал. Артисты уже готовились, что-то то и дело взлетало в воздух, слышался грохот, свист и смех. Шумно развивались над головой языки — флаги гильдий. Пахло скошенной травой и красной, смолистой древесиной.

Все это виделось Каттери, как мерцающий рисунок мелом на ослепительно чёрной бумаге.

Каттери дёрнула Келли за рукав, ей хотелось уйти, но вдруг совсем рядом заскрежетало железо и раздались крики. Она почувствовала запах тухлой рыбы и дыма, а потом услышала, как кузнец сказал кому-то:

— Беги за Бергием!

Услышала Каттери и как мальчишка-подмастерье, выполняя приказ мастера, бросился вниз с холма, поднимая волны пыли.

В темноте перед ней отчётливо проступал силуэт огромной птицы. Птица попыталась расправить крылья и женщины вокруг завизжали, застучали от страха сердца, как молотки на каменоломнях. Келли схватила Каттери за руку и попыталась оттащить в сторону, но та будто вросла в землю.

В её темноте появился свет.

— Кулус, — зашептала ей на ухо Келли. В голосе её слышался страх. — У него огромная, шипастая голова и узкая морда с клювом.

Каттери чувствовала, что кулус боялся людей ничуть не меньше, чем люди его.

В первый, весенний месяц ринну, когда птичий гомон не умолкал ни в дан-сол ни в дан-лу, кулус подкидывали свои яйца в чужие гнезда, чтобы прокормить будущее потомство. Вылупляясь, маленький и безобидный с виду серо-синий птенчик, с красивыми ярко красными пятнами на спинке, очень быстро обзаводился, тонкими, как иглы, ядовитыми зубами и съедал одного за другим своих новых братьев, а иногда и своих приёмных родителей. Вырастали кулус до двух метров, с размахом крыльев в четыре метра, и помимо своего яда, ценились ещё и за шкуру. На третий месяц они сбрасывали яркое маскировочное оперение и становились больше похожими на ящериц, чем на птиц.

Раздался громкий, ломающийся голос загонщика:

— Прошу вас, друзья, не впадайте в панику, он не опасен!

Загонщик безуспешно пытался убедить людей, что им нечего бояться, но кузнец все равно угрожающе взмахнул молотом и тот громко просвистел в воздухе.

От страха птица расправила крылья и закричала.

Звук превратился в боль, боль казалась била из самой земли ей в кости. Каттери тряхнула головой, прикусила губу и сделала шаг вперёд.

— Ката! — закричала Келли и снова попыталась оттащить её, но Каттери ловко выскользнула из горячей ладони и пошла наперерез кузнецу, прямо в распахнутую пасть. Кулус кричал от страха и бил крыльями, сухожилия были подрезаны, улететь он не мог.

«Не бойся меня» — мысленно уговаривала птицу Каттери.

Вся площадь стояла и смотрела, как слепая девочка Каттери нума Ниери айя лен Валлин подошла к огромной оскаленной голове и погладила птицу по костяным шипам. Кулус замолк, опустил голову ниже и сложил крылья. Загонщик снова пристегнул цепь. В руках он держал электрический жезл. Каттери чувствовала, как бежит ток, ей очень захотелось схватить и ткнуть этим жезлом загонщика под ребра, но вместо этого она продолжала гладить птицу и медленно оттеснять обратно в клетку, которая пряталась под тентом шатра. Когда решётка опустилась, Каттери ощутила невероятную тоску. Она чувствовала, как кулус поддаётся её воле и испытала смятение, ей хотелось одновременно подчинить его и отпустить.

И тут нагрянули пропахшие пивом полицейные.

Келли, раскалённая от ярости и страха, схватила Каттери за руку, и потащила за собой через улицу. Люди шарахались в стороны, никто не пытался их остановить.

Дома ждала тишина, тень и холодный лимонад. Домоправительница, тётушка Ринайя, увидев их, запыхавшихся, всех в пыли, лишь покачала головой и приказала явиться на обед в пять. Старый, одноглазый Феррис, охотничий цай, растянувшись, лежал у камина, положив огромную косматую голову на лапы.

Каттери искупалась, переделалась, достала уголь и бумагу, и теперь сидела перед мольбертом спиной к двери.

Келли же сначала демонстративно ушла к себе, но через час ей стало скучно, и она тихо прокралась в комнату Каттери.

— Я тебя слышала когда ты ещё на лестнице была, — сказала айя и улыбнулась этой неуклюжей попытке. Келли часто проверяла ее, пытаясь застать врасплох.

— Ну и ладно! — сказала Келли и громко захлопнула дверь. Намереваясь отчитывать её, Келли всегда ходила по комнате, как взрослая, заложив руки за спину.

— Вот рассердится мэтресс и снова отправит нас в ссылку в тот каменный мешок в Найбе. Одни камни, сырость, вонючие болота и четыре часа хода до приличной лавки. И этот ветер, от которого я спать боялась, будто огненные геенны воют, призывая Саатару.

— Это не ветер, это брачный крик изырги, они размножаются на болотах. Для ученицы академии ты невероятно примитивна. Почему ты до сих пор веришь в эту ерунду? Геенны! Саатара! Сколько раз можно говорить! Все это выдумки, Келли!

— А как же тогда твоё зрение? Ты знаешь то, чего никогда не видела!

— Это Творец, он все видит и все помнит, но он не бог, он — машина. Дерево — источник энергии, а ступени эо, уровни восприятия её потоков. И я слышу эти потоки, так Творец говорит со мной. Помнишь, как ты мне сегодня в деревне описывала, как выглядит кулус? Так и Творец помогает мне знать о том, чего я не вижу.

— Творец-машина? Как ты можешь такое говорить! — Келли оглянулась на дверь, не подслушивает ли Джосси, но Каттери точно знала, что в коридоре никого нет. Во время

таких разговоров её всегда накрывала волна разочарования. Каттери никак не могла взять в толк, почему к ней приставили именно Келли. В наказание? Или Дом Аринэ просто избавился от младшей дочери, которая умом не вышла.

— Это, Келли, настоящая история нашего мира, — сказала Каттери и тяжело вздохнула. — Творец — машина, а Вестники — обычные люди, две женщины и трое мужчин, которых Изначальные спасли после крушения корабля и пустили внутрь Предела. Холодный и мёртвый Алькаан тогда принадлежал только избранным детям Творца — инкороа! Изначальные создали все условия для людей, запустили Атмосферные станции и Сеятелей в океане.

Келли закусила губу, наклонила голову к плечу и нахмурилась. В комнате воцарилась напряжённая тишина. Каттери слышала тяжёлое дыхание и спиной ощущала жар, идущий от наследницы дома Аринэ. Келли думала и пыхла, но спорить не пыталась. Наконец, она подошла и склонилась над треногой мольберта, перед которым сидела Каттери.

— Ты рисуешь эту тварь? — спросила Келли, пытаясь сменить тему разговора. — Что ты в нём увидела?

Каттери отложила уголь, которым до появления Келли сделала набросок. Мысленно она все ещё искала решение, как показать свет, исходящий от птицы, который видела только она.

— Я коснулась его сознания, и знаешь, он очень умный. А ещё ему больно, как и мне.

Каттери вытерла руки тряпкой и твёрдо сказала:

— Келли, завтра мы идём в лес.

— Нет, нет, и нет! — закричала Келли и выпрямилась. — Ты опять затеяла какую-то пакость, за которую мне влетит. Заметь — мне!

— Спорим, я найду яйцо кулус? Сейчас ринну, самый сезон, — сказала Каттери. — Кулус обычно прилетают на северный склон заброшенной каменоломни.

— Пфф! — громко сморщила нос Келли. — Собираешься лазать в гнезда лавочника и ощупывать все яйца? Если ты не слышала Ката, то мальчишки из деревни тоже лазают на склон каменоломни. Один там и остался, сорвался вниз в старую шахту.

— Они не знают, как отличить одно яйцо от другого, а я знаю! — сказала айя. — Спорим?

— Бергий нас уже один раз поймал, — шепчет Келли, но очевидно, что она сдалась, её это полыхало всеми цветами азарта.

— А теперь не поймает! — улыбнулась Каттери.

Все началось с того, что она поспорила с Келлианой, что найдёт яйцо птицы кулус, но вместо яйца, она нашла вылупившегося птенца и тот её укусил.

Она помнит пряный сухой воздух леса, шершавую кору дерева, как Феррис рычал и кидался, не в силах порвать цепь. Как Келли сначала плакала, а потом выла, держа её на руках. Было что-то ещё, но она не помнит. Кто-то кричал. Её долго несли, в темных, кровавых сумерках соты. Она чувствовала свет красной луны на своей коже, как ватное одеяло. Страх вытеснял боль. Тогда она думала не о том, что умрет, а том, как разозлится отец и что Келли будет виновата. А потом она почувствовала кожей яркую вспышку и лес пропал. Пропал запах и звук. Мир канул в тишину. И тогда она открыла глаза и увидела.

Терранс лен Валлин

Терранс лен Валлин просыпается, некоторое время лежит, глядя в потолок, стараясь успокоить дыхание, потом откидывает одеяло, садится и спускает ноги на пол. Под ногами теплое, белое дерево. Он оглядывает комнату, видит пустые стены, распахнутое настежь окно. Ветер треплет шёлковую занавесь.

После смерти жены он вынес почти всю мебель, ковры и картины, остался только стол, кровать и её портрет в широкой раме. На портрете Алийя утопает в кресле, подтянув под себя ноги, на ней зелёное платье и взгляд из-под пушистых ресниц. Жена насмешливо смотрит на него со стены.

Терранс смотрит себе под ноги. Идеально ровные половицы выстраиваются в геометрический узор, узор этот — йондаль земли, глубокий и тяжёлый. Он чувствует его холод, холод течёт меж пальцев и Терранс сжимает кулак.

Йондали — это язык, изначальный язык, на котором говорит Творец.

Симметричный узор йондаля стягивает кожу на правой стороне лица, Терранс дёргает щекой и стискивает зубы.

За окном расцветает дан сол, медленный и тягучий. Терранс не видит, а чувствует, как жёлтый диск Веды исчезает, падая в пелену океана. Серебристые стрелки часов на столе показывают ноль пятнадцать солнечного дана. Внутри циферблат разделён на четыре круга, первые три лунные: Чёрная Эбо — восемь часов, Красная Сота — шесть часов, Солнечная Веда — шесть часов. Последний круг — солнце, которому отведено двенадцать часов. Вместе со стрелкой по циферблату двигается и тень. Тень Творца, который с каждым днем все ближе к Алькаану.

Терранс знает, как на самом деле идёт время, он чувствует его, слышит Творца, идущего по кругу. Каждый восход луны он ощущает кожей. Узор на его лице, как антенна, принимает сигнал, а сеорид в крови работает как проводник.

Солнце всё выше поднимается над водой пролива Трёх Столбов, лучи проникают в комнату и свет падает Террансу под ноги, будто пытается вырвать его из черноты сна, из удушающих объятий кошмара, но кошмар происходит наяву: в двух спальнях от его комнаты, лежит на мокрых простынях его дочь. Маленькая, хрупкая, невесомая оболочка с горячей внутри искрой. Бесконечная сущность пробивается, как росток альбы сквозь камень. Камень уступает изначальной памяти и ее глубоким корням.

По закону Ордена Хранителей он должен отдать дочь харонам, упокоить её пробуждающуюся память, дать перерезать изначальные корни. Человек должен оставаться человеком, а забвение неотъемлемое свойство смертной жизни.

Он злится и думает о матери, мэтресс Ордена Хранителей, высохшая и белая, как дерево, Ванесса лен Валлин неизменна в своей ипостаси не первую сотню лет. Терранса передёргивает от глубины лицемерия.

Дан сол вытягивает длинные солнечные лапы по полу комнаты и замирает. В воздухе клубится пыль.

Терранс встаёт, подходит к окну и щурится. Утро за окном разрастается и шумит: взрываются коробочки семянника, выбрасывая в воздух оранжевые искры, срываются птицы с веток, перешёптываются кроны альбы и красного клена. С воды поднимаются ключья тумана и скользят над землей меж острых, как бритва, стеблей соллоки.

Сквозь туманную дымку над водой Терранс пытается увидеть опасность прежде, чем она окажется на его пороге. Бури не избежать, он знает, он чувствует её. Чувствует, как сгущается воздух, как накапливается электричество. Все громче слышны крики птицы-рыбы, киатту опускаются все ниже к воде в поисках пищи, совсем скоро туман выгонит их побережью. К людям.

Это происходит каждый цикл, но в этот год ринну особенно жаркий, а значит, сезон гнездовья начнётся раньше и людям придётся уходить второпях и налегке. Деревни опустеют, земля побелеет от соли...

Терранс знает, что времени нет, но слышит его. И дело не в стрелках часов, не в крупницах песка, убегающих сквозь игольное ушко, дело в выборе, в решении, которое нужно принять.

Он может отдать дочь харонам, тогда её сущность переродится и утратит накопленную память. Если он подчинится законам Ордена, то изначальная память его дочери исчезнет, её ждёт забвение смерти и множество новых начал. Или же он посмеет бросить вызов Ордену, пойти против Дома и матери, перечеркнуть много поколений бессмысленной покорности и узаконенной лжи. Если он позволит памяти в теле его дочери накопиться, то освободит её истинную сущность, бесконечную сущность Творца.

Он уверен, что память Каттери ключ ко всему. В первую очередь к знаниям и могуществу Вестников, первых людей, осенённых бесконечной милостью Творца после Изначальных. И если Терранс правильно распорядится полученными знаниями, то власти Ордена и его лжи придёт конец. Человек, наконец, обретет свободу, а человечество навсегда избавится от мифов.

Он, Терранс лен Валлин, избавит человечество от мифов.

Он уверен, что именно об этом говорило пророчество Дома Харат.

Терранс каждый день возвращается к тому моменту, когда Елена пыталась предупредить его. Как одержимый, он каждый день просматривает тот день, боясь упустить что-то важное.

Вот и сейчас он снова идёт к письменному столу. По прозрачной поверхности столешницы, как по воде, расходятся круги. Вдоль правого края горят четыре треугольника, по левому, повторяя волну, идет шкала, прерывистые насечки и цифры.

Стол — артефакт изначального мира, большая часть его функций давно утеряна, но он наглядно демонстрирует власть технологий, напоминающих магию.

На противоположной стене темнеет экран. Сеть молчит.

Терранс всем весом опирается на стол, широкая ладонь встраивается в круг по центру, стекло вспыхивает и отбрасывает голубую завесу прямоугольной формы. Завеса пульсирует.

Терранс опускается в кресло, откидывается на спинку, глаза его сплошные, затянутые пеленой, больше не видят комнаты.

Они на приёме у Императора. Вот он протягивает Елене Харат бокал вина, улыбается ей левой стороной лица, он умеет это делать — выбирать стороны.

Он смугл, не признает моды и волосы его на дикарский манер заплетены в косу. Серая аюба без рукавов, поверх чёрной рубашки с высоким воротом и острые серебряные запонки. Терранс терпеть не может приёмы, но он недавно вернулся в столицу и его интересуют последние сплетни и слухи.

— Что вы ему такого сказали, Елена? — спрашивает Терранс и косится на серебряную мантию Его Императорского Величества в окружении черно-красных мундиров

гайоломов. — Он чуть не убил того мальчишку с подносом. Вы видели, как его отравят?

— О, нет, авар, вы не тот человек, который будет травить кого-то. Некрологи напишут: долго и тяжело болел в последний год, да примет Творец его душу.

— Вы это серьёзно, Елена? Вы только что подставили меня?

— Да, Терранс, теперь бойтесь, — говорит Елена, её дыхание сбивается. — Каждый день и каждый час, как я боюсь, бойтесь и ждите, когда они придут за вами. Я видела. Видела, как будет гореть ваш дом над обрывом, уходящий корнями в белую скалу.

Терранс слышит как стучит сердце и чувствует её страх.

В этот лунный час небо над Дерентом красное, глухое и пыльное. За городскими стенами из красного камня лежит красный песок, стоят розовые мраморные колонны, подпирающие прошлое.

За окном Императорского Дворца лежит площадь Часовых Башен, белый прямоугольник в обрамлении синих крыш, а за стенами дворца призывно колышется синий океан листвы.

Яблони.

Красный и синий. Император любит синий — цвет ринну. Почти все узники, приговорённые к смерти, ждут весны.

— Отцу не стали рубить голову, его повесили, — говорит Елена. Терранс не видит её лица. — Меня Император тоже хочет повесить на этой площади, не удивлюсь, если он выберет канун равновесия. Это так символично, отцу бы понравилось.

Она делает глоток.

Что он знает о ней?

Елена Харат, дочь последнего провидца Аррана, Евгения Харата. Её огромный городской дом в ведду всегда пуст. Она отпускает слуг, застилает мебель чехлами, даже останавливает часы. В ведду всегда очень жарко, от жары она сходит с ума и лезет на стены, видения преследуют её, она не может спать и прячется, забивается в щели, в подпол, как мышь. У неё появляется чувствительность к свету, во сне она бредит и говорит на разных, мёртвых языках. Терранс уверен, что это память корней не отпускает её.

— Последнее, что отец сказал мне: ты не представляешь, какой ценой нам далась здесь жизнь, — говорит Елена.

Она поворачивает голову и смотрит на него, но Терранс все ещё не видит её лица, оно словно скрыто от него пологом тумана.

— Хотите узнать, что случится? — спрашивает Елена. — Если бы я только могла вам объяснить, показать вам ваш дом, показать то пламя, в котором вы будете гореть. Но одно я вижу отчётливо, Терранс, именно вы станете следующим Императором Дерентии.

Терранс открывает глаза. Он снова в своей спальне. Ладонь касается круга и свет гаснет. В солнечной темноте он часто моргает и щурится, холод изнанки сгущается и течёт меж пальцев.

Он открывает верхний ящик стола, достаёт оттуда кожаные перчатки и надевает.

Никто не может помочь ему принять решение.

Никто не может погасить то пламя, в котором он горит.

На часах четверть третьего дан сол.

Терранс лен Валлин в западном крыле дома, в своём кабинете. Каттери видит его. Одетый во все чёрное, отец стоит у окна, заложив руки за спину, голова наклонена к плечу.

Он слушает. Серебристые стрелки двигаются за стеклом часов. Окна распахнуты, солнце заливает лакированный паркет, придавая дереву оттенок красного кахорского, переливающегося в бокале. Посреди кабинета на металлической треноге стоит глубокая мраморная чаша, на внутренних стенках чаши вырезана карта Алькаана. Корешки книг язвят позолотой. Феррис лежит у холодного камина, положив голову на лапы, уши растекаются по полу. Терранса лен Валлина окружает глухая тишина дома, о которую вдребезги разбивается шум живого, весеннего сада.

Терранс ждёт.

Каттери смотрит на отца и тоже ждёт.

Теперь она слышит, как Творец, знает, как Маат, видит, как тот, кому даны глубокие, изначальные корни. Здесь и сейчас, Каттери знает о своём отце многое. Ей открылась его жажда власти и ненависть к матери. У этой ненависти глубокие корни, но истоки ее скрыты в темноте. Но еще более отчетливо Каттери видит его вину и гнев. Теперь она знает, как сильно Терранс мечтает снять со стены портрет мертвой жены. Знает, что когда-то давно, он выбирал жену, как после выбирал раму к ее портрету, по цвету глаз и оттенку кожи. Она была для него просто оболочкой. Живым инкубатором, чтобы выносить плод. Как часто глубоко внутри Терранс был рад, что дочь слепая и не смотрит на него материнскими, зелёными глазами. Хотя и знает, что это невозможно, ведь в проекте конфигураций, который он создавал для её оболочки, глаза Каттери должны были быть голубые, как и у него.

Там, где отцовские чувства пробивают брешь в стене убеждений, где проступает раскалённая лава сомнений и начинается отчаянная попытка убедить себя, что он в ответе за весь мир, там Каттери видит начальную стадию фрагментации, когда-нибудь она приведёт к разрушению его личности. Сильнее всего она ощущает его ужас, он просачивается со всех сторон, как холод изнанки и сдавливает грудь, от мысли что его дочь умирает, Террансу тяжело дышать, ведь вместе с ней умирает и его надежда.

Преподобный Даниил

В другом крыле дома, у постели Каттери молится Преподобный Даниил, старик шестидесяти лет, он стоит на коленях не первый час. Он знает слова, он повторяет их снова и снова, его сухая, шершавая ладонь касается ее горячего, бледного лба. Преподобный молится Творцу освободить бесконечную сущность из плоти. Старику тяжело дышать, он кашляет, делает глоток воды из кружки, но продолжает бубнить заученную молитву на чужом языке. Колени болят, но старик упорен. Он уверен, Творец услышит его и отзовется. Так завещал Первый Предвестник, пророк Аррана.

От слов молитвы Каттери горько, она слышит такой родной и такой чужой язык канувшего мира, он тревожит глубины её памяти. Она хочет, но не может закрыть глаза. Она продолжает смотреть и слушать:

«Да придёт человек, да родится он, чтобы умереть и провозгласить для вас жизнь бесконечную. И откроется для Вас истина Искры Творца и увидите Вы, что все мы равны между собой и перед Ним. И нет отличий, ни в образе, ни в подобии, потому что все мы — пыль. Оболочка, что есть не более чем плащ, одежда для души вашей и нет смысла проливать кровь, если она — вода. И много состояний знала эта вода»

Преподобный устало вздыхает, замолкает и тянется к трости. Руки дрожат, коричневый, высокий лоб задумчиво морщится, он ищет и не находит причины своего плохого самочувствия. Выпрямляется, отряхивает складки аюбы. Чёрная, хлопковая ткань протёрлась на коленях.

Каттери видит узкое лицо Преподобного и два углубления, два черных провала, там, где должны быть глаза. Старик слеп. На шее у него висит чёрный диск. Церковь Предвестия не признает крестов, алтарей и других символов веры. Вера — это искра внутри. Слушай и жди, Творец укажет тебе путь. Каттери слышит щелчки диатона в унисон биению его сердца, слышит путеводную нить. Жизнь Преподобного разматывается перед ней, как свиток, падающий в темноту бездонного колодца.

Окончив монастырскую школу в восемнадцать лет, Даниил поступает на службу в канцелярию порта младшим логарием, где пишет грамоты и составляет списки гостеприимства. В двадцать один год он покидает этот пост, чтобы поступить в только что отстроенный, первый в Дерентии, университет. Идёт 1885 год от Исхода. Позже это время назовут эпохой просвещения, веком надежды, последним лучом света перед закатом великой Империи.

За двадцать семь лет до этого Императорскую диадему Дерентии принял упорный, молодой авар наследного Дома де Рент Арекий де Севан. Своё правление он начал с того, что распустил партию Красных Братьев, и забрал земли у монахов-сотарианцев, он также запретил им проповедовать в черте городских стен и назвал путь Искупления еретическим учением. Так началось возрождение просвещения. Появилась первая городская еженедельная газета — Свободный Вестник, а веддары впервые с разгромным перевесом голосов уступили эборитам на выборах в Сенат. Победа технократов упрочила позиции Императора и тот начал строить новую столицу в Малеоке. Он пригласил в Дерентию архитекторов, преподавателей, ученых, врачей и аптекарей из Латирии, Ксаравии, Шаоса и Халирута. Он поставил перед ними цель вернуть величие некогда могущественной Дерентийской Империи, он мечтал увидеть ее такой, какой она была на гравюрах всего два

поколении назад. Арекий стремился отнять монополию на знания у Ордена Хранителей и возродить веру в Ветвь Единого Древа. Император верил книге Начал, которая рассказывала историю людей второй волны, вестников, что обрели бессмертие и силу. Арекий был убежден, что именно кровь, голубая кровь наследных Домов Дерента и есть суть настоящей власти. Он верил, что когда-нибудь Ветвь отзовется на зов этой крови, пустит корни, расцветет, и Творец вновь осенит человечество своей бесконечной милостью. Через шесть лет после начала своего правления, Арекий возрождает культ Возложенной ветви и сам принимает сан Первосвященника.

В двадцать пять лет Даниил успешно заканчивает университет и в чине архилогария остаётся преподавать и преподает вплоть до третьего дана первого даннур ведду 1895 года, когда под красным полумесяцем сотарианцы с факелами приходят требовать обратно свои земли, а не получив желаемое, поджигают университет. Тридцать семь лет спустя мечта Императора Арекия за одну ночь оборачивается кровавой смутой.

За два дана до сожжения университета, Арекий, словно выживший из ума старик, прилюдно отрекается от Возложенной ветви и от сана первосвященника. Император пишет обращение к народу «О помиловании и покаянии», где объявляет, что к нему явилась сама Кровавая троица. Три дана спустя Дерент погружается в кровавое бессилие. Искру просвещения беспощадно затаптывают тяжёлые сапоги слепого невежества. Сотарианцы, беспощадные на своем Пути Искупления, выступают против технического прогресса.

Тридцатого дана первого даннур ведду, под палящим солнцем Дерентии официально объявлена гражданская война и Даниил оказывается в самом её сердце, в Малеоке, где одни жгут храмы и святилища, а другие школы, библиотеки и лечебницы.

В середине лета сотарианцы нападают на воздушные верфи в Найбе и захватывают недостроенный Императорский дворец, но удерживают его недолго. К власти в Деренте приходит Дариус де Ван, юный принц, без возложения диадемы, но при полной поддержке гвардии и трех наследных Домов, он коронуется в крови казнённых мятежников. И первое, что он делает — сжигает новую столицу в Малеоке, потом насильно запирает отца-императора в лечебницу, а веру в Возложенную ветвь объявляет единственной истинной религией.

Не успевает Дерент остыть и отмыться от крови, как через два года, Дариус обвиняет консулов халиров в оскорблении его веры, когда те отказываются в знак уважения войти в Изначальный храм и преклонить колени перед Возложенной ветвью. Так начинается четырёхлетний крестовый поход во имя Ветви, изнурительный и смертельный для остатков Дерентийской Империи, который опустошит не только казну, но и саму землю. Будто сама милостивая мать Маат восстанет против корней и под ногами дерентийцев вдруг окажется мертвая, не дающая плодов земля. Закончится этот поход на бумаге, позорным договором о сдаче неба, разоружением и потерей Дерентией месторождений дамариита.

1900 год от Исхода, Даниилу тридцать шесть лет, он покидает Дерентию и отправляется в Ксаравию, чтобы паломником уйти с миссионерским караваном в Махарскую пустыню. Даниил отправляется туда слушать голоса мёртвых. Там он открывает для себя другой мир, мир, где существует наука и медицина, где живут Неведомые расы, осенённые милостью Творца, в своих бесконечных воплощениях. Лишь после десяти лет скитаний он решает вернуться домой, в Дерентию, раздираемую религиозными распрями и кровавыми чистками. Вернувшись же, без колебаний принимает сан священника церкви Предвестия. Принимает сердцем, не побоявшись ни эшафота, ни костров, горящих по всей, бывшей теперь, Империи.

Будь ты сотарианец, веддар, предвестник или эборит, все едино. Дариус де Ван, именующий себя Императором, обращенный своей сутью к корням, к Единому Древу и Возложенной ветви, огнём насаждает в Дерентии веру в свою наследную, голубую кровь.

1915 год от Исхода, Даниилу 51 год, это смутное и тяжёлое время, год казни Евгения Харата, последнего Пророка Аррана. Даже кровь наследного Дома, кровь Вестников не защитила его. Последователи Предвестия, те, кому хватает веры и смелости, бегут из столицы и скрываются, пока горят их церкви, но неустанно продолжают проповедовать истину, завещанную им Первым пророком, истину о Мессии и Перерождении. И год спустя, чудо находит истинно-верующих, у авара Терранса лен Валлина рождается дочь, слепая девочка, Каттери лен Валлин.

Каттери все ещё в своей спальне. Она видит, как слепой старик без труда пересекает комнату, выходит и спускается по лестнице в холл.

Каттери оглядывается на своё тело, на хрупкую, как кокон суузы, оболочку и слушает, как капля за каплей изначальная память колодца вытесняет незначительные двенадцать лет жизни айи лен Валлин.

Бабочка вот-вот покинет кокон и расправит крылья.

Доктор Кейзо наба Гаару

В холле царит полумрак. Окна зашторены. Свет проникает сквозь приоткрытую дверь. На ступеньках крыльца топчется Бергий, то снимая, то надевая кепку на загорелую лысину.

Его полицейеры стоят поодаль, под деревьями, и с любопытством поглядывают на зашторенные окна дома. От солнца песок вплавляется в камень крыльца, но на них ватные куртки и высокие сапоги. Большая вода не бывает милостива и не знает хорошей погоды.

Руперт Авари, коренастый, курчавый парень, с волосатыми руками, открывает настежь широкие двери и вносит чемодан, ставит его на пол и объявляет на весь дом:

— Прибыл доктор Кейзо наба Гаару.

Доктор медленно поднимается по ступенькам, обходит Бергия, тот кивает, приподнимает кепку, доктор кивает в ответ, стягивает мокрый капюшон и входит в двери вслед за Рупертом. Вместе с ними в дом просачивается запах водорослей. Бергий провожает доктора горящим взглядом и кусает губы. Как и все в деревне, он боится.

Первые три дня после того, как Каттери укусил кулус, все ждали, когда умрёт, а не дождавшись, принялись усердно молиться. Когда неделю спустя тайно прибыл Преподобный Даниил, в деревне всю ночь горели свечи, звучал гул молитвы, но когда и на утро смерть за ней не пришла, люди стали в страхе перешёптываться — окойо! Страх, как пожар, быстро охватил деревню — девочка проклята!

Неупокоенные считались проклятием исключительно синей крови наследных домов, это — которую люди называли «душа», не могла покинуть оболочку без помощи харонов.

Руперт захлопывает перед Бергием дверь и в тёмном холле загораются сцеры. Доктор морщится и прикрывает глаза рукой, глаза у него красные от ветра. Вернувшиеся с воды чувствительны к потокам энергии, многие начинают видеть в ином спектре. Моряки часто теряют зрение в молодом возрасте, но как утверждает молва, вместо него они обретают способность видеть с помощью прикосновений. Последователи Аррана считают это даром Творца, так и среди священников родилась традиция добровольно лишать себя зрения, Преподобные отцы Церкви Предвестия Творец хочет, чтобы я видел его, говорят предвестники.

Слепая паства, слепая вера.

Терранс выходит из гостиной раздвигает шторы и открывает окна, поворачивается к гостю и искренне улыбается ему.

— Добро пожаловать, доктор! — говорит Терранс лен Валлин. — Вы скоро согреетесь. Не стойте там, проходите. Руперт, разожги камин. Я иногда забываю тонкости гостеприимства. Моя дочь отругала бы меня сейчас.

Доктор Кейзо наба Гаару растерян. Плечи согнуты, руки он прячет в карманы, он боится говорить, стесняется заикания. Он выглядит жалким, съёжившимся, лишённым дара речи. Доктор неуклюже вытряхивается из мокрого пальто, снимает шляпу и смотрит на свои дырявые ботинки, шнурки порвались и он обмотал голенище верёвкой.

Авар поворачивается и смотрит на Преподобного. Терранс лен Валлин не тот человек, который прощает ошибки.

— Здравствуйте, доктор Гаару, — густым, уверенным голосом говорит Преподобный. — Меня зовут Даниил, я Преподобный церкви Предвестия, это авар Терранс лен Валлин, вы его гость.

Доктора вдруг делает шаг назад, хотя отступать ему некуда, двери за его спиной уже закрылись, он смотрит исподлобья на авара. Как и все, кто занимается наукой в эти смутные времена, доктор недоверчив. Он, конечно, слышал про опального авара лен Валлина, который открыто поддерживает партию эборитов и много раз выступал против Императора в Сенате. Смелость, граничащая с безумием.

Спасёт ли наследная кровь Вестников от ножа в спину или от яда в бокале? Стоит ли связываться с человеком, который нарисовал на своей груди мишень? Но неоднозначная репутация авара создавала вокруг него ореол загадочности и силы. Он бросил перчатку в лицо Императору и все еще жив, значит ли это, что в тайне его поддерживает мать, мэтресс Ордена? Скромная надежда на скорые перемены теплилась в каждой новой сплетне, в слухах, что разрастались подобно грибнице.

— Ч-ч-чем я могу... быть вам... п-п-полезен, — каждое слово даётся доктору с трудом.

— Это долгий разговор, полагаю, сначала вы захотите отдохнуть, — отвечает авар. — Прощу вас, не беспокойтесь, проходите. Вы здесь в безопасности. Преподобный проводит вас в вашу комнату. Мы поговорим за ужином.

Терранс умеет внушать доверие. Он очарователен, когда ему это выгодно. Он спокоен, уверен в себе, на нем его любимая чёрная шёлковая рубашка и брюки, заправленные в сапоги, руки в перчатках, волосы заплетены в косу, словно он только с верховой прогулки, но гнезда вот уже несколько месяцев как пусты. Он продал всех саагов.

Доктор Гаару делает нерешительный шаг вперёд, кивает, каким-то своим мыслям и идёт за Преподобным.

Он все ещё прикрывает глаза рукой.

Грязные ботинки оставляют следы на ковре.

Терранс останавливается у лестницы и смотрит, как его гость тяжело ступает, как вжимает голову в плечи. Этот маленький, жалкий человек не внушает ни надежды, ни доверия. Авар задумчиво тербит кончик косы.

Сколько у них осталось времени?

Он чувствует грозу за несколько суу и всегда знает, какой силы будет ветер. Сейчас он знает, что этого урагана дому не пережить.

Каттери смотрит, как доктор топчется на месте, он не может решить, что надеть. В шкафу висит фрак, но он не носил их уже лет пятнадцать и кажется себе смешным.

Перед ним вещи разложенные в две стопки. Чёрное и белое. Чёрного больше.

Одежда на нем грязная, он пахнет водой, гнилью, кровью и железом. В ушах доктора до сих пор звучит крик киагту, он видит два глаза в темноте и как лезвие хвоста вспарывает шею матроса, сидящего рядом с ним в лодке.

Птица-рыба пришла не из воды, она упала с неба.

Доктор кидается от кровати к окну, где стоит ведро, его тошнит.

Есть совсем не хочется. Страх и толика надежды, скорее всего ложной. Столько крови пролито ради всего лишь одной капли, думает доктор, а что если Каттери лен Валлин — та самая?

Конечно же, он не верит в мессию и легенду о Предвестии, но наследственность...

Он долго стоял над кроватью и смотрел на бледное худое тело девочки, глаза ее ввалились, кожа натянулась на скулах, губы синие, он засомневался, что она дышит, наклонился и взял ее за руку, она была очень холодная, еле — еле пробивался пульс.

— Понимаю ваши сомнения, — сказал Преподобный. — Но эта девочка особенная!

Доктор завидует священнику, завидует его вере в чудо. Сам доктор верить не может. Он знает, что даже если внутри Каттери горит та самая, призрачная искра бесконечной сущности, то сейчас эта искра в агонии бьётся и не может освободиться из оков плоти. Такое часто случается с носителями артефактов Изначальных, с хранителями Ордена. Каттери лен Валлин определённо не обычный ребенок — она дочь авары лен Валлина, а он, насколько помнит доктор, хранитель — привратник, открывающий двери. Холод пронизывает доктора насквозь при воспоминаниях о том, как однажды он вошел в Портал. Желудок снова сводит судорога, и он склоняется над ведром.

Доктору Кейзо наба Гаару сорок семь лет, он могильщик, потрошит трупы в самом сердце Дерента, под площадью Независимости, горожане называют её просто — Каменный мешок. Он не может позволить себе покупать рабов для своих экспериментов, поэтому по ночам он ходит по городским трущобам, помойкам и свалкам. Он ищет свежие трупы или тех, кто готов им стать. Беглые рабы, рыбаки в Низовье, в сезон нашествия пауков. Когда в тебя отложили яйца, ты готов на все, только бы умереть до того, как кладка вылупится.

В сезон дождей клиентов ему приносит прямо к порогу, вода течёт вниз по улице Авида, мимо табачной лавки, мимо сапожника, мимо борделя Дядюшки Тома Маккави по сточной канаве в его закуток.

Доктор человек одержимый и тщеславный, но слабый. Он хочет расправить плечи, но боится поднять глаза. Во сне доктор часто видит яблони. Он то сажает их, то безжалостно вырубает. Его преследует листопад — синие слезы, когда мать Маат плачет и насылает ветра, срывать листву с яблонь. Доктор не помнит историю, кто и когда привёз в Дерентию яблони, кто посадил, откуда взялась традиция Яблочного дана. Шумный праздник конца второго даннур эннувин. Ярмарка, песни на закате. В его снах все всегда заканчивается одинаково, он тащит сырые ветки и бросает в костер. Пламя поднимается высоко, разгоняя темноту. Вокруг него белая земля и белые стволы деревьев. Он смотрит на свои руки в перчатках, на свой серебристый комбинезон. У костра сидят люди. Они смотрят на него, они ждут чего-то. Доктор видит корабль, всем правым боком он утопает в белом, мелком песке. Видит тень над головой и стену воды. Стена живая. По ту сторону мечется что-то, огромное, резкое, как вспышка света, оно хочет прорвать стену, оно кричит и по воде идет рябь. Люди у костра зажимают уши руками. Огонь резко гаснет, как если задуть свечу.

Память говорит Каттери, что он тот самый. Тот, кто ей нужен.

Солнце растворяется в молоке за окном комнаты, вокруг дома сгущаются алые сумерки. Уже нельзя рассмотреть пристань, только горящие столбы. Ветер усиливается и все чаще доносится с воды крик птицы-рыбы. Доктор сменяет грязный костюм на чистый, смотрит на себя в зеркало и морщится.

В соседней комнате Преподобный все ещё молится об освобождении сущности из оков плоти. Каттери видит как старик встаёт с колен, разгибает спину, тяжело дышит, справляясь с болью и нащупывает трость у стены.

Гудит колокол в часовне, а внизу звенит колокольчик тётушки Ринайи, у неё в этом доме своё время и оно пришло — время ужина.

Преподобный и доктор почти одновременно покидают комнаты и спускаются по широкой лестнице в гостиную.

Через массивные, деревянные двери Терранс входит в гостиную и под потолком вспыхивают сцеры. В голубоватом свете рубашка авара выглядит ослепительно белой, смуглая кожа кажется темнее и отчётливые проступают круги под глазами.

Видно, что он почти не спит.

Широким шагом авар пересекает комнату, подходит к окну и раздвигает тяжёлые гардины.

Окно высокое, полукруглое, в обрамлении широкой деревянной рамы. Дерево красное, тёплое. По бокам створки украшены причудливым узором, узор словно светится изнутри.

За окном туманная мгла подбирается к ограждению сада. Белеют в темноте гипсовые клумбы с фиолетовыми ирисами, красно-коричневые кроны клёнов выстроились в ряд. Этот сад принадлежит его матери, и Терранс часто задумывается, как он растёт на каменистом, пористом склоне, откуда корни берут воду, если от воды их отделяет скала, а вокруг сплошной красный песок, где растёт одна соллока. Надо уходить дальше, глубже, и только там, за каменоломней, начинается чернозём и лес. Тот, самый лес, где нашли Каттери...

Двери за его спиной открываются, в гостиную входит сначала неуверенный доктор, в мятом, сером костюме. Он все время отводит глаза, будто стыдливый послушник, взгляд его бегаёт из угла в угол и ни на чем не останавливается надолго. Следом за ним входит Преподобный, который сменил чёрную, потертую аюбу, на белую хламиду с капюшоном, во всем его виде величественность и гордость, но щеки запали от многочасовых бдений, и рука слишком сильно стискивает набалдашник трости.

— Белый, значит, — Терранс дёргает правой щекой. — А как же мессия, Преподобный? Я думал, вы верите.

В голосе его проскакивает искра иронии. Он и сам бы не прочь во что-то верить, но уже знает и знание это убивает веру. Он знает, что должен сделать.

— Я уважаю вас достаточно, авар лен Валлин, чтобы не давать вам ложных надежд. Если ваша дочь отмечена печатью Изначальных, то мы это узнаем и полагаю, скоро. По легенде, избранный умрёт на четырнадцатый дан, а в даннэм, в предлунный час равновесия, сущность его вернётся обратно.

Терранс продолжает внимательно рассматривать туман за окном.

— Доктор? — обращается Преподобный к растерянному наба Гаару. Тот замер у стола и в упор смотрит на красно-синюю скатерть, по краю её синий орнамент, по центру алый, как языки пламени, раздвоенный язык аррана, символа старой Империи. На столе уже лежат приборы и стоит графин с водой.

Доктор поднимает взгляд на Преподобного, будто видит его в первый раз.

Огонь вызывает у доктора тошнотворные воспоминания о войне. Знамя, оставшееся на поле боя, загораясь, высвобождало газ. Доктор видел страшную смерть, как вытекали глаза, съёживалась кожа...

— Простите, — шепчет доктор и выбегает из гостиной.

— Простите, авар, — говорит Преподобный. — Полагаю, у нашего доктора не прошла морская болезнь.

В комнату входит Руперт и спрашивает:

— Уже можно подавать, авар-лен?

— Да, Руперт, но ограничьтесь супом и салатом, полагаю, мы сегодня постимся. Преподобный?

— Это вовсе не обязательно. Ваш стол никак не влияет на ситуацию.

— Ценю я этот ваш... широкий взгляд на вещи, — и Терранс снова обращается к Руперту: — Тогда, ещё красного мяса и вина, белого.

Руперт послушно кивает.

— И проверьте, как там доктор, не нужна ли ему помощь.

— Нет, нет, не-не в-в-волнуйтесь, я в-в-в порядке, — говорит доктор, возвращаясь в гостиную.

Руперт разворачивается и исчезает.

— У в-в-вас есть е-ещё дети, авар? — спрашивает доктор, падая на стул.

Брови Преподобного поднимаются на смуглый, складчатый лоб.

— Нет, — мягко отвечает авар. Он кажется уже смирился со странностью доктора и теперь находит её даже забавной. — Полагаю, вы видели Джосинаю, чёрную, кудрявую, это дочь моей домоправительницы.

— В Дерентии р-редко в-в-стретишь здоровых детей, ав-вар. Вы з-з-знаете, почему?

Доктор выпрямляется и смотрит на Терранса. Авар оборачивается и встречает его взгляд. В докторе клокочет еле сдерживаемое возмущение, граничащее со смелостью.

— Полагаю, это риторический вопрос, доктор, увы, накормить всех детей в Дерентии я не в силах.

Терранс отходит от окна и садится за стол, но не на своё место, во главе, а прямо напротив доктора.

Доктор качает головой.

— Вода, — не унимается он. — С-с-система очистки от-т-т-казала ещё при императоре Дарв-вине из дома Чо-чодари. И знаете ли вы, что до того, как на трон сел Д-д-дариус, мы покупали воду у Л-л-латирии?

Авар молчит, доктор кивает, в его голове идёт какой-то внутренний диалог, он хмурится и кивает.

— Ваша дочь, — вдруг говорит доктор. — Что я могу с-с-сделать в этих у-с-с-ловиях, — доктор говорит медленнее и меньше заикается. — П-п-переливание крови, но б-б-боюсь уже слишком поздно, яд распространился и угнетает все органы, в особенности лёгкие, если так п-п-пойдёт дальше, она... она... з-з-захлебнётся.

Доктор замолкает, ожидая бурной реакции отца, но её нет, Терранс спокоен, и тогда доктор продолжает:

— В-ваш лу-лучший вариант это попробовать доставить д-дочь в подпольную больницу к эб-б-боритам, они за-за-просят цену, но у них есть технологии и лекарства. Удивлён, что вы до сих пор этого не... не сделали. И Орден... почему вы... вы не обратились к вашей матери?

— Доктор, — вмешивается Преподобный, — вы ведь читали курс лекции в кахорском университете? Почти двадцать лет назад. Как так вышло, что вы вернулись в Дерент?

Доктор непонимающе смотрит на Преподобного, но вдруг на его помятом лице проступает подобие догадки, лицо озаряется. Доктор делает глубокий вдох и переводит взгляд на авара. Терранс терпеливо ждёт.

— Вы... з-з-знаете о моих ис-с-ледованиях?

Терранс кивает.

— Вы здесь не за тем, чтобы спасти мою дочь, доктор.

Бесшумно в комнату проскальзывает Руперт и ставит на стол суп, за ним в белом красивом платье Джосинайя вносит поднос с мясом. Ее черные кудри пружинят по плечам. Терранс откидывается на спинку стула, но продолжает смотреть на доктора, чей взгляд мечется между всеми по очереди.

Пока Руперт разливает суп, все молчат.

Наконец, слуги уходят, они снова остаются втроём: авар, преподобный и доктор. Дымится суп в тарелках. За окном клубится туман. Сад полностью скрылся за пеленой и на стеклах окна проступает тонкая изморозь, изнутри стекло пузырится влагой. Сцеры перемигиваются, и кажется вот — вот погаснут. В воздухе чувствуется напряжение. Туман несет с собой не только соленый ветер с воды, но и электричество.

Звенит колокольчик.

— Руперт! — требовательно произносит авар. — Принесите свечи.

Пока тётушка Ринайя хозяйничает на кухне, а Руперт и малышка Джосинайя накрывают на стол в гостиной, бегая туда-сюда по узкой каменной лестнице, спрятанной за тяжёлыми бархатными портьерами, Келли, зло и громко топая, поднимается по другой лестнице, старой, металлической, винтовой, ведущей на башню маяка. Ей поручено залить масло в лампы.

(И только попробуй послушаться, дурья твоя башка!)

Но более вероятно, убраться подальше с глаза авара лен Валлина и его гостей, не путаться под ногами и не совать свой нос, куда не просят.

Келли пыхтит, поджимает губы и останавливается у каждого смотрового окна. Её зрачки расширяются, она отлично видит в темноте и потому не взяла с собой ни лампу, ни сцер.

Солнце уже спряталось в ложбине млечного каньона, щербатого, похожего на хребет спящего саага. В сумерках хорошо просматривается башня синоптиков на воздушной пристани и три высоких Столба над чёрной водой. С воды поднимается молочно-белая, клубящаяся волна. Туман тянет тонкие, ядовитые щупальца туда, где теплится жизнь, а вместе с ней приходят птицы-рыбы, киатту, наводящие ужас на всех жителей побережья.

Келли ёжится от мысли об этих мерзких созданиях и начинает шептать оберегающую молитву Творцу. Проговорив её почти до половины, Келли вдруг замолкает и в страхе оглядывается вокруг.

Как и весь ее Дом, она сохранила верность корням единого Древа и верует в бесконечную сущность — эо и в её перерождение, дарованное Творцом. Дом Аринэ с рождения несет на себе печать неведомой изменчивости. Их корни глубоки, а сущность бесконечна, но память прошлых жизней, увы, предается забвению. У Келли, как у Каттери, синяя кровь, она способна слышать потоки энергии Древа и потому стоит сейчас, морщится и трясет головой, сначала правой стороной, потом левой, будто вода в уши попала.

Каттери смотрит на ту, что была ей самым близким человеком последние два года. Она хочет подбежать к ней, дёрнуть за уши, обнять, насколько хватит рук, растрепать жёсткие рыжие кудри, выпустив огонь на волю. Келли такая яркая, резкая, вся как живое пламя, жаль только ума не достаёт: стоит, дёргает себя за уши и с глупым выражением на лице, и крутит головой, будто ищет кого-то.

В это момент снаружи раздаётся страшный лязгающий звук и что-то с криком ударяется в смотровое окно. Окно круглое, с каисовыми стёклами, стекла одинарные и с лёгкостью поддаются под тяжестью удара. Против стекло под ноги Келли падает киатту, разбрасывая вокруг себя электрические искры и осколки. Бичеобразный хвост, заканчивающийся костяным острым треугольником, стегает каменный пористый остов башни, выбрасывая в воздух белую пыль.

Келли, выронив бутылку с маслом, с воплем бросается вниз по лестнице.

Бутылка на её счастье не разбивается, масло не проливается и потому будущее остаётся таким, каким и должно быть.

Каттери смотрит туда, где лежит киатту и видит агонизирующее, умирающее животное. Глупое животное, чем-то похожее на земного ската. Увидев поток энергии, исходящий от Келли, оно приняло её за добычу. Тот, кто создал эту тварь, по-своему Творец, но он не

всесильный и не всевидящий. И пока ядовитый, искрящийся туман висит над побережьем и ни одна луна не просматривается на небе, Творец этот слеп.

Келли, так и не найдя в себе сил вернуться туда, где бьётся в агонии умирающее животное, вместо этого она решает спрятаться в доме и дожидаться утра. К утру, она уверена, буря стихнет, тогда можно будет подняться на маяк и залить масло в лампы. Так она думает, пробираясь в дом через чёрный ход, но Каттери знает, что этого не случится.

Вероятности будущего мерцают в темноте, такие же яркие, как молнии над водой. Она уже знает, как будет.

«Вы здесь не за тем, чтобы спасти Каттери, доктор» слышит Келли, проходя на цыпочках мимо дверей в столовую, и замирает. Сердце все ещё стучит, как бешеное, Келли прижимает руку к груди, будто желая заглушить его. Она боится, что авар услышит. Бесшумно она крадется вдоль стены, аккуратно проскальзывает в дверь за портьерой, ведущую в боковой коридор, дом пронизан тайными проходами для слуг, там Келли замирает, прижавшись к стене. Здесь темно, но теперь, голоса в столовой звучат отчётливее. Она слышит звон колокольчика, уверенные шаги Руперта, и как часто дышит их очень важный гость, доктор Гаару. Он так нервничает, что Келли чувствует запах его пота. Какое-то время ей слышно только дыхание, как льётся вино в бокалы, как Руперт уходит и за ним закрывается дверь. На некоторое время в столовой воцаряется тишина. Звенят серебряные приборы о фарфор тарелок. Доктор все так же потеет. Келли слышит, как от напряжения потрескивают и мигают сцеры в тяжелых медных гнездах светильников, будто угли в камине. Потом раздаётся звон колокольчика и голос авара лен Валлина:

— Руперт принесите свечи.

Снова шаги.

— Что же, — говорит Преподобный. — Позвольте мне поднять бокал за веру, в эти тяжёлые для всех времена, путь она горит в сердце каждого, не давая душе кануть в темноту.

Келли качает головой и поджимает губы. Она знает, как Каттери презирала любую религию, считая, что именно священники порождают тьму. Тьму для разума, создавая завесу из страхов и суеверий.

В столовой звенят бокалы.

Келли опускается на пол и прижимается к стене. Сердце успокоилось, но её силуэт в темноте все также напоминает сжатую пружину. Келли замерла в ожидании.

Раздаются шаги, это возвращается Руперт и приносит свечи.

Молчание по ту сторону утомляет, Келли начинает нервничать, не поймает ли её здесь тётушка Рина, если поймает то точно заставит всю неделю драить котлы и ночные утки.

С тех пор как Ката впала в беспамятство, Келли не находит себе места, потому что другого места в этом доме для неё нет. Её обязанностью было следить за дочерью авара и защищать её, и она не справилась. Что будет, когда об этом узнает отец? Она станет позором для семьи Аринэ. Ее наверняка отправят в глушь, в семейное поместье на границе с Халирутом, откуда она уже никогда не вернется в Дерент. Оттуда никто не возвращается.

Терранс лен Валлин

— Расскажите про ваши исследования, доктор! — говорит Терранс и подносит бокал к губам. Белое вино кажется ему кислее, чем обычно, авар недовольно морщится и отставляет бокал.

Доктор молчит. Терранс смотрит на него и сожалеет, что доктор ему нужен.

Это слабый, ничтожный человек, тот, кто, сидя за его столом, смеет презирать его и одновременно трястись от страха.

— Вас ведь выгнали из университета Лиина из-за вашей одержимости, — говорит авар. — Странно, что только выгнали, а не вздёрнули. Расскажите же нам, ради чего вы распотрошили того беднягу?

— В-всё б-было не так, как вы д-д-дуу-маете, — отвечает доктор и обильно потеет от страха. Авару кажется, что доктор вот-вот исчезнет, превратившись в лужу на полу. — Его му-му-чали к-к-кошмары, од-д-долевали жу-жу-жуткие картины п-п-прошлого, — говорит доктор очень эмоционально. Он начинает сильно тянуть гласные и входит в ритм, его речь все больше напоминает заунывные, молитвенные песнопения.

— П-после п-пробуждения он не-не мог понять где н-находится. Перестал уз-знавать себя в зеркале. Я с-спросил его, когда начались видения и он рас-с-сказал о подпольной клинике... по его словам ему провели операцию... заменили... лёгкое. Он у-утверждал, что д-донором был... неведомый! Я не мог в это поверить, он не должен был пережить такую операцию, н-но он показал мне это жуткое место и там оказалось м-множество таких же как он. Людям переливали кровь неведомых! Это было ж-жуткое место! Я д-думал что не выберутся оттуда жи-живым. Меня с-спасли эб-бориты, они тайком вывезли меня из Ксаравии, м-мне пришлось отдать им все... все свои ис-с-следования! Все, что я с-смог узнать за тот короткий п-п-промежуток времени.

— И что же вы узнали, доктор? — спрашивает Преподобный.

— Вы з-задумайтесь, — говорит доктор. — Одна кровь! Одна плоть! Тогда п-почему неведомым дана возможность м-менять оболочку, а человеку нет? Почему у Неведомых п-поток п-памяти непрерывный, а человек не способен перелить своё содержимое в новый сосуд? От чего это з-з-зависит?

Доктор поднимает голову от салфетки, которую все это время мнёт в руках, и смотрит на Преподобного, потом его взгляд перемещается на авара. Он будто бы вспомнил, что нужно бояться.

— Здесь, в стенах моего дома, вам нечего бояться, доктор, — говорит Терранс. — Вы задаёте правильные вопросы. Те, которые люди разучились задавать. Память — основа всего, а оболочка всего лишь сосуд, но от сосуда зависит многое. Орден присвоил себе знания, которые оставили после себя Изначальные и Вестники, они подменяют истину суевериями. Прошу прощения, Преподобный, несколько не хочу обидеть лично вас, но я точно знаю, что религия ослепила людей, заставив отвернуться от разума и научных способов познания мира!

— Вы приписываете дар бесконечности научным достижениям наших предков, я правильно вас понимаю, авар лен Валлин? — спрашивает Преподобный. Его голос не выражает ни осуждения, ни скепсиса. — Но если человек бесконечен изначально, а не милостью Творца, то зачем Ордену скрывать это от людей?

— Орден был создан для этого, — отвечает Терранс. — Создан хранить смертность человека. Смерть — последний предел, так гласит древний кодекс. И чтобы узнать почему, открыть истинную причину, мы должны сохранить память в теле моей дочери!

Терранс снова берет бокал вина и делает глоток.

— Н-но чем я, м-могу вам помочь, авар? — спрашивает доктор. — М-м-мои ис-с-следования д-далеки до практических выводов. В-в-все это только теория. Я так и не нашёл мех-х-ханизм за-за-запускающий процесс накопления и сохранения памяти, ни одна оболочка не прожила... д-д-достаточно долго.

— Вы здесь, доктор, потому что моя дочь то самое доказательство, которое вы ищете. Бесконечная сущность, застрявшая в смертной оболочке. Она только начала накапливать память прошлых жизней и если мы сможем сохранить содержимое её сосуда, то она станет истинной мессией для человечества! Вы только представьте, как много она сможет нам рассказать!

Вилка в пальцах доктора дрожит, он кладёт её на стол и смотрит на авара, будто не верит. Ни один хранитель до этого момента не смел пойти против Ордена.

— Вы... вы... собираетесь... использовать...

— Вы лишитесь всего, авар, — говорит Преподобный и касается пальцами диска на груди. В тишине слышны щелчки. — Орден объявит вас вне закона. А ваша дочь... Вы осознаете, что обрекаете её на мучения? Сущность не сможет уйти под сень Единого Древа, Каттери никогда не познать милости Творца. Вы хотите превратить ее оболочку в каменный мешок?

— Если я прав, Преподобный, то когда Каттери накопит память, она сможет сама управлять своей оболочкой и трансформировать её, — говорит Терранс лен Валлин, в его голосе нет сомнения, время сомнений прошло. — Где же ваша вера в Предвестие? Разве не в этом смысл пророчества Аррана? Мессия не может умереть! Моя дочь выйдет за предел плоти, так же как это сделали когда-то Вестники, а до них Изначальные.

— Не может б-б-быть, что все так просто, — бормочет доктор. — Во всех моих ис-с-следованиях я на-на-тыкался на предел! Н-не-неведомые называют это п-п-проницаемостью оболочки. Если в крови в-вашей дочери есть что-то что изменяет ее проницаемость, позволяя памяти сохраняться, я мог бы п-попытаться в-выделить это.

Доктор кашляет и прикладывает салфетку к губам.

— Вот поэтому вы сейчас здесь, доктор Гаару, — говорит Терранс. — Вы понимаете что нас ждёт? Вы к этому готовы? Орден не отступит, они будут преследовать нас, они пойдут на всё, чтобы сохранить свои тайны!

Доктор бросает салфетку на стол и шурится, его перестаёт бить дрожь, он кладёт руки перед собой и смотрит на них.

— Мне те-те-рять нечего, — отвечает доктор. — Если есть хоть ма-ма-лейший шанс узнать... Я г-г-готов.

— А вы что скажете, Преподобный?

— Моя вера крепка, авар, — твёрдо говорит старик. — Если это испытание, возможно, моё последнее испытание, то я готов. Думаю, ради этого вера и пришла ко мне.

Уже когда они расходятся, каждый в свою комнату, Преподобный, стоя на ступеньках лестницы, кладёт руку на плечо авара и спрашивает:

— Вы знали, что ваша дочь особенная?

Лицо авара каменеет, взгляд становится отстранённым.

— Таких, как моя дочь, Преподобный, рождается ни один десяток в год, но Орден всегда решает эту проблему. Для этого у них есть хароны. Неупокоенные okay придуманы не зря. Хароны не провожают души мёртвых на тот свет, они изгоняют изначальную память, когда та проявляет себя. Наше время на исходе, Преподобный, скоро они придут за моей дочерью, придут за ее памятью. И за нами тоже.

Келлиана трёт пол на кухне, а тётушка Рина ходит туда-сюда и бормочет:

— Дурья твоя башка! Пойдёшь у меня, потом котлы чистить! Высечь бы тебя похорошему, чтобы неповадно было уши греть! Вот ещё чего удумала! Да ты хоть представляешь, что авар с тобой сделал, если бы поймал? Дурья твоя башка!

Шея ещё болит, уши горят. Руперт так тряс ее, что казалось, голова вот-вот отвалится, потом тащил по коридору и рычал. Он был так зол, что Келли и правда испугалась: высечь, да пусть высечет, но ведь может и в ночь выгнать, а там эти страшные, голодные птицы-рыбы, да еще туман, как назло, все гуще. Но сейчас, ползая по полу в кухне, Келли думает не о себе, а о Каттери. Она трёт пол и все прокручивает в голове слова Преподобного:

«Вы осознаете, что обрекаете её на мучения? Сущность не сможет уйти под сень Единого Древа, и Каттери не познать милости Творца. Вы хотите превратить её оболочку в каменный мешок?»

Она так силится понять, что аж морщины на лбу пролегли. Как же так может быть, думает она, чтобы он так поступил со своей дочерью? Вот её отец никогда бы так... Как бы он не злился на неё, но тропа под Сень Древа священна! Как же авар не понимает? Ведь Творец не примет душу Каттери, не пустит её сущность в круг единения. Она навсегда будет проклята! Будет неприкаянно блуждать по миру живых!

Келли бросает тряпку и тяжело дышит.

Тётушка Ринайя топает тяжёлыми башмаками по каменному полу, перемещаясь между столами. Тягает котлы и мешки с рапой, будто и не знает об усталости.

Под низким потолком висят медные черпаки и сковороды. Над печкой сушатся пряные травы на верёвке.

В кухне пахнет чесноком и раскалённым маслом, ещё Келли чувствует резкий запах моющего средства. Кожа на ладонях сморщилась от воды.

— Устала, дурья твоя башка? — спрашивает тётушка, голос её теплеет. Она вытирает руки о передник и ставит на стол миску. — Иди, вот, поешь, я тебе оставила. Хоть ты и не заслужила!

Келли выпрямляется, тянется, чувствуя, как болят мышцы, будто палками били и радуется, что не били. Садится за стол, подтягивает ноги под себя, так, как это делала Каттери, и вдруг понимает, что должна её защитить. Она вдруг очень ясно видит, как ей смыть свой позор. Она подтаскивает к себе деревянную миску, морщится от запаха варёной капусты и смотрит на потрескавшийся край посуды.

А вот авар ест исключительно из фарфоровых тарелок, все столовые приборы серебряные, а бокалы должны скрипеть от чистоты. Джосинайя только и делает, что трёт их полотенцем.

— Чего морду кривишь? — раздаётся над ухом голос тётушки. — Думала, мясо тебе достанется? Дома будешь мясо есть! Не заслужила! Ешь, а то и этого больше не дам! Дурья твоя башка!

Не заслужила, думает Келли.

Мясо, это понятно, отец всегда говорит, что надо жить скромно, что чревоугодие — грех. А чем интересно в этом доме можно заслужить нормальную тарелку?

Дому Аринэ всегда приходилось туго в Деренте. Полукровки, они выгрызали себе права

клякками. Келли выросла с ощущением, что все в этом мире надо заслужить. Даже ее учеба в Академии была просто еще одним испытанием. Аринэ должны доказать, что достойны, говорил отец. Достойны чего, думает Келли? Жить среди людей? Эта мысль тяжело ей даётся, она трясёт головой, будто опять вода в уши попала, морщится, берет ложку и ест. Возможно, это ее последний ужин, но внутри вдруг становится спокойно. Она уверена, что в этот раз все сделает правильно. Отец будет гордиться.

А все из-за того, что когда-то Мариус де Рент, пятый Император Дерентии, привёз из Адара наложницу — маори Эриен. Краснокожую, как демоны в пустыне, зеленоглазую ведьму, способную изменять своё тело. Само воплощение неведомого, она делила ложе с человеком и родила ему сына. Времена те, по праву можно называть благоденствием, золотой эпохой. Империя была огромна и могущественная, а главное едина, но единство это рухнуло в один миг, стоило только Мариусу объявить своего выроodka наследником трона. Наследные Дома не стали ждать его естественной смерти. Императора отравили, а его неведомая наложница и маленький сын вынуждены были бежать и скрываться. Но бежать из Дерентии им было некуда, варды никогда не простили бы предательства кровосмешения и пришлось уживаться с людьми. С тех пор потомки Мариуса де Рента и маори Эриен, носят фамилию Аринэ, как символ отречения от своих корней и от власти.

Каттери уже знает, как все случится. Слышит время, которого нет, и ветер, который воет в трубах. Она знает, чтобы родиться в этом мире, сначала надо умереть.

Келли не взяла с собой ни сцера, ни лампы, она двигается уверенно и тихо, она знает этот Дом, как свою ладонь, знает каждую щель, каждую половицу и ступает аккуратно, чтобы не скрипели. Она выбрала северную лестницу, подальше от кабинета авара, где все ещё горел свет. Она не могла ждать, но не знала почему, она чувала, что надо действовать, что времени почти не осталась. Вместе с туманом с воды надвигались киатту и хотя Келли мало что смыслила в науке синоптиков, но опасность она умела распознать. По спине бежали мурашки, волосы вставали дыбом, что-то зудело, навязчиво, как мошкара, из-за чего она постоянно трясла головой и стискивала зубы. Напряжение росло, тело сжималось, как пружина, ее постоянно мучила жажда. Келли вряд ли смогла бы понять, что с ней происходит, увидеть тоненькие нити паутины, в которую угодил её разум. Чужие мысли, как вода просачивались в её сознание, но она принимала их за свои.

Разве не её обязанностью было защитить Каттери? Разве это не она виновата, что так случилось? Теперь она должна все исправить. Освободить Катту из плена оболочки, спасти ее душу, смыть свой позор. В этом ее высокая миссия.

Миссия, думает Каттери, да она и слово то такого не выговорит. Келли суеверна и примитивна, но мысли о великих свершениях и подвигах не входят в список дарованного ей Творцом. В ней нет ни капли тщеславия. Но одного Каттери не учла: то самое отречение, что заставляет семью Аринэ много сотен лет терпеть угнетение и доказывать свою преданность людям. А еще чувство вины.

Келли двигается очень тихо, дверь в комнату Каттери открывается и она проскальзывает внутрь, долго стоит, стараясь дышать ровнее. Сердце частит, она прикладывает руку к груди и облизывает пересохшие губы. Перед глазами цветные пятна, голова кружится, но отступить некуда, на ватных ногах Келли подходит к кровати. Ката такая маленькая и хрупкая. Белое лицо, запавшие щеки, испарина на лбу. Слепые глаза завязали алой лентой, запястья примотали к кровати, чтобы она не навредила себе в горячем припадке.

Келли вдруг понимает, что даже не думала, что будет делать, но руки уже сами тянутся

к подушке. Тянутся и трясутся. От неожиданной боли сводит запястья. Келли моргает и смотрит на свои руки, словно они чужие, потом переводит взгляд на маленькую девочку в постели и вспоминает, что Каттери говорила о потоках энергии, о людях, о Творце.

Что она сказала бы сейчас? Хотела бы она вот так...

Освободиться, звучит внутренний голос в голове Келли.

Ты освободишь её сущность из клетки.

Келли смотрит, как медленно опускаются ее руки, как подушка закрывает лицо Каттери. Всем весом она наваливается сверху. Пытается и не может заставить себя убрать руки. Хочет закричать и не может. Не может двигаться, дышать. Только сердце стучит, как бешеное. Келли сопротивляется, но тело больше ей не принадлежит. Всем своим немалым весом она давит на подушку. Совсем скоро Каттери нечем будет дышать и тогда... По телу проходит волна дрожи. Келли мысленно кричит, но во вне не прорывается ни звука. Тело Каттери начинает дёргаться. Келли мысленно воет и бьётся, будто хочет пробить насквозь кирпичную кладку, но руки все ещё давят на подушку.

Думай, Келли, думай, что ты можешь сделать!

И тогда Келли заставляет себя расслабиться.

Там, где ты больше не властен над собой, доверься инстинктам. Тело само знает, что ему делать. И тело Келлианы Аринэ начинает мерцать в темноте и раскаляться, как угли в очаге, а ткань, по краям наволочки, тлеть и дымиться.

Терранс лен Валлин

Терранс лен Валлин сидит в своем кабинете. Перед ним мерцает голубой экран Сети. По ту сторону, словно призрак, еле просматривается контур фигуры. Ему не надо видеть мать, чтобы угадать выражение на ее лице. Оно всегда одинаковое: равнодушное, застывшее, только глаза блестят, наполненные влагой, будто сейчас заплачет. Мало кто выносит этот прозрачный, стеклянный взгляд.

Ванесса лен Валлин избегает солнца, оно беспощадно к плоти. Не снимает перчаток, заматывает волосы, открывая высокий лоб. Температура её тела всегда на грани, пульс еле слышен. Печати ошейником окольцовывают горло, стягивают запястья, на груди, на серебряной цепочке висят длинные, костяные четырехгранники — ключи. Длинная, в пол, аюба, укрывает худую, почти невесомую фигуру от чужих глаз. У этого тела давно вышел срок годности, и она тратит непростительно много сил для поддержания в нем искры жизни. Непростительно много для человека.

Терранс не помнит ее другой. Как не помнит и времени, когда он ее не ненавидел. Ненависть в нем горела ровно и неутомимо, как огонь в факелах на пристани, ее не смог бы потушить ни один ветер, ни одна буря. Если бы кто-то спросил его, откуда взялась его ненависть, он бы не ответил. Он будто с ней родился.

Ванесса лен Валлин, его мать, мэтресс Ордена хранителей, женщина, чей возраст мало кто взялся бы угадать, стоит у окна, повернувшись к нему спиной. Она что-то говорит, но он не слушает, он думает. Обмануть ее, как он знал, сложно, но он должен хотя бы попытаться выиграть немного времени.

— Синоптики прогнозирует ухудшение погоды, Терранс, — говорит мать, но не оборачивается. Он моргает и пытается заставить себя сосредоточиться на разговоре. Погода?

Он кладет руки в перчатках на стол и сжимает кулаки.

— У меня все хорошо со зрением, достаточно выглянуть в окно, — отвечает Терранс. — Может, скажешь мне что-то, чего я не знаю? Например, когда придут хароны? И почему тебя здесь нет, твоя внучка умирает.

Его начинает раздражать, что она стоит к нему спиной.

— Мы оба знали, что этот день придет. И если бы ты не был так упрям...

— Оставь свои лекции для университета. Мы оба знаем, что ты можешь ее спасти, но не хочешь. Просто признай это.

— Терранс, я всегда заботилась о твоём будущем, — мэтресс давит на его слабое место. — Я сделаю все для того, чтобы оно сбылось, если конечно ты сам не будешь мне мешать. Разве Елена Харат не предсказала тебе трон Дерента? Пророчество Дома Харат никогда не ошибается.

Терранс чувствует, как внутри поднимается волна гнева. Он не говорил матери о пророчестве, так откуда она узнала? Может она сама это и подстроила? Теперь ему кажется, что все это просто манипуляция, и он попался на ее удочку, как глупец! А может все еще проще, она заставила Елену Харат сказать Императору о видении, чтобы этот суеверный дурак решил избавиться от него и тем самым пошел против Ордена. Так его мать хочет заставить магистрат Ордена, который всегда против открытого вмешательства в политику, разрешить ей сменить Императора.

Со стороны власть мэтресс кажется единоличной, но Терранс знал, как крутятся шестеренки в этом механизме. И что для нее тоже существуют ограничения.

Мэтресс все еще стоит к нему спиной. И тут он вдруг понимает, что не так. Картинка не меняется. Он отталкивается от стола, встает из кресла и выходит из поля зрения Сети.

Ничего. Мать что-то говорит и никак не реагирует на него.

Ее здесь нет. Она подсунула ему запись.

Но зачем?

Мать пыталась отвлечь его внимание.

Он выбегает из комнаты.

Уже подбегая к спальне дочери, он чувствует запах дыма и явственный поток эо. В ярости он рычит и выбивает дверь.

Полукровка Аринэ лежит на полу, скорчившись от спазма, ее тело полыхает. От яркости и жара, исходящих от нее, в комнате расплавились свечи и опалились корешки книг. По полу комнаты стелется густой дым. Рядом с Аринэ валяется обугленная подушка. Авар кидается к дочери, рвет алые ленты на запястьях, вытаскивает дочь из постели и выбегает из комнаты. Терри холодная, как лед, но он слышит дыхание и как медленно бьется ее сердце. Терранс прижимает ее к груди, и от злости каменеет лицом.

Во всю силу легких он кричит:

— Будь ты проклята! Будь ты проклята! Будь ты проклята!

Эхо от его крика разбегается по дому.

Он держит на руках хрупкое, невесомое тело Каттери и словно вновь оказывается в том дне, когда она родилась, когда плакала у него на руках. Тот день пропитал его, будто яд, пропитал надеждой.

Холодный и равнодушный внутренний голос, голос его матери говорит ему: чтобы родиться, нужно умереть.

Через час авар, Преподобный и доктор собрались вокруг тела Аринэ. Девочка была еще жива, но неудачная трансформация местами прожгла плоть до костей.

— Будьте благоразумны, авар, — говорит Преподобный, глядя, как лицо авара, при виде полукровки, наливается кровью. Татуировка йондаля на правой стороне его лица светится в темноте, он сжимает руки в кулаки и в тишине раздается отчетливый скрип кожаных перчаток.

Келли лежит на белых простынях — черный, дымящийся силуэт. Кожа потрескалась и кровоточит, губы шевелятся, она что-то говорит, но слов не разобрать.

— Тут я б-бессилен, — говорит доктор. — Не-не-закон-н-ченная транс-с-сформация, так бы-бы-ваает у полукровок.

— Полагаю, мы можем только молиться, — говорит Преподобный. — Ее жизнь в руках Творца.

Терранс подходит к кровати и склоняется над телом Келлианы, он методично осматривает ее, сначала запястья, потом шею, грудь, лодыжки. Он ищет печать, точку контакта. Он знает, что его мать использовала девочку, но не понимает как. Он ищет, но не находит ответа. Он наклоняется еще ниже и вслушивается в шепот. Губы у Келли серые, как пепел, лоб покрылся запекшейся кроваво-черной коркой. Одежда местами прогорела, местами сплавилась с кожей.

— Вы можете разобрать, что она говорит, авар? — спрашивает Преподобный.

— Вы п-п-подозреваете, — оборачивается на Преподобного доктор, — что ее ус-с-

стами г-г-говорит Творец?

— Пути Творца неисповедимы, доктор, в предсмертной агонии у неведомых такое случается. В своем паломничестве я был свидетелем многих удивительных вещей.

— Язык, на котором она говорит мне не знаком, — отвечает Терранс. Выпрямляется и смотрит на Преподобного. — Я бы избавил ее от страданий, раз ничего нельзя сделать.

Авар говорит вслух то, что думает, но Преподобный и доктор одновременно качают головами.

— П-п-лохая идея, — пугается доктор.

— Если она умрет сама, авар, — говорит Преподобный, — то это будет просто не удачное перевоплощение. Она юна, никто не усомнится в несчастном случае, но если вы оборвете ее жизнь намерено, то Дом Аринэ встанет против вас и, поверьте, Император этим воспользуется. Не много ли нам врагов?

— Вы как всегда очень разумны, Преподобный, — говорит авар. — У нас больше нет времени, это была первая попытка, но не последняя, чем быстрее мы покинем этот дом, тем лучше. Я отпущу слуг и отправлю Руперта в порт, нанять корабль.

— И где же мы собираемся укрыться от всевидящего ока Ордена, авар? — спрашивает Преподобный.

— В единственном месте, где оно не видит, — отвечает Терранс. — За Белыми Хребтами.

Лицо доктора вытягивается, он открывает рот, но вместо слов из горла вырывается хрип. От страха он забывает, как говорить, хватая ртом воздух и мычит что-то. Даже непроницаемое лицо Преподобного идет рябью, но он лишь кивает и ничего не говорит.

— На две четверти уже как, — говорит кузнец, укладывая последние сумки в телегу, чешет щетину на подбородке и осеняет себя знаком Веды. — Да убереги нас Яснолика! — Кузнец хлопает Бергия по плечу своей огромной ручищей и запрыгивает на козлы.

— Ну, будь праведен, Бергий!

— И ты будь, Эгор! Доброго пути! — отвечает Бергий и отходит в сторону.

Телега со скрипом медленно удаляется по пыльной дороге.

Бергий смотрит вокруг: деревня пустеет. Люди собирают то немногое, что могут увезти и отправляются кто куда: кто в столицу, кто к границе с Халирутом. Там говорят, земля плодоносит. Черная, как кость саага, куда палку не ткни, везде прорастет.

Но люди у пролива Трех Столбов живут много поколений и к холодам всегда возвращаются на свои разоренные земли. Чтобы там не говорили неверные, а леса здесь живые и густые, как нигде на всем побережье Дерентии, есть ради чего вернуться. С третьего даннур ринну на кулус охотятся, в первые два даннур энну на дичь и кабана. В канун эннувин вода покрывается льдом и приходят пятнистые нерапы. Тогда раздолье: и шкуры, и жир, и мясо. Земля здесь может и скромна на урожай, зато камень и металл отдает с охотой.

Бергий одергивает серый китель и потирает ладонью лысину.

Он уже решил, в этом году полицейеры уйдут последними. Дома надо проверить, двери, да окна заколотить, мало ли кто забыл. Все ценные вещи перетащить в убежище. Хранилище зерновое проверить, да колодцы закопать, а то киятту всю воду пометом отравят. Работы много.

Бергий щурится и смотрит вдаль, туда, где сквозь туман еле пробивается огонек маяка. Дом авара лен Валлина. Проклятый дом, как теперь говорят. Многие и уезжают то так рано, торопятся, бегут, вовсе не от тумана с воды, а от скверны. Дочь авара все никак помереть не может. Суеверные плюют через плечо, да окойо через слово поминают. Что ж ты, Бергий говорят, выжидаешь, того и гляди встанет проклятое отродье, да на охоту выйдет. Его люди хоть и молчат, но тоже нервничают. У всех семьи. Самим бы поскорее отправиться, но служба такая, приказано ждать, будешь ждать.

Бергий четыре раза перечитал письмо, что принес почтовый сааг, прежде чем понял: не дать авару лен Валлину покинуть дом до приезда харонов предстоит именно ему и его отряду. И печать то на бумаге не простая, Ордена печать. А внизу приписка: с одобрения его святейшества, Императора Дариуса Дерентийского.

В сердцах Бергий, конечно, сплюнул. Подумал, походил по кабинету, выглянул в окно, где его лучники тренировались, а потом уселся обратно в кресло и принялся писать ответ.

Так, мол, и так, ограниченное количество солдат, гарнизон не укомплектован, почти все сплошь новобранцы, в силах ограничены, требуется посильная помощь. Со своей стороны сделаем все, что сможем.

В этот же день отправил лейтенанта Йона Кадилиса в порт, следить, не решит ли авар корабль нанимать. А остальным так ничего и не сказал. Разбегутся же, только заикнись. Авара здесь бояться, он же Хранитель Ордена, кто знает, на какие фокусы он способен, веде кровь в его венах синяя, кровь Вестников. Да и гость у него в доме не кто-нибудь, а сам

Преподобный церкви Предвестия, Даниил Полонник. Император и гвардейцы далеко, в столице, как и крючоктворы из соборной канцелярии, а гневить Творца, да еще в такое смутное время, никому не хотелось. А еще в служках у авара не кто-нибудь, а девчонка Аринэ, полукровка краснокожая. Вот и какой дурак, скажите, туда сунется?

Бергий подумал, подумал и ничего своим людям и не сказал. Теперь стоит, смотрит на огонек маяка и думает: как бы ему так сделать, чтобы и приказ выполнить, и людей своих не подставить?

Бергий поворачивает голову и видит своего младшего, десятилетку, бронзового от пыли, тот несется по улице, перепрыгивая мешки, да ящики, машет ему кепкой, а сам весь в мыле.

— Перехватили! Перехватили! — кричит Регий. — Лейтенант послал за тобой!

Длинный, как не в отца, он тормозит и складывается пополам, хватая ртом воздух. Вокруг него клубится пар. Рубашка нараспашку. Белые кудри рыжие от пыли.

— А ну застегнись! — командует Бергий. — И сколько раз говорил: не кричи на всю улицу. Что случилось?

— Увальня перехватили, в порту, корабль пытался нанять! Как ты и сказал! Лейтенант везет его сюда. Послал меня вперед! А еще Джоси, курчавую, в деревне видели, у молочника. Отослал их авар из дома.

— Может и рыжую в деревне видели? Полукровку? — спрашивает Бергий у сына.

Тот качает головой.

— Ее бы точно не пропустили, краснокожая же!

— Молодец, а теперь беги-ка ты домой, матери скажи, пусть вещи собирает, пора вас опрашивать, а мы уж тут сами как-нибудь. Давай, поторапливайся!

Сын выглядит разочарованным, но отца слушается, кивает и бежит дальше по улице.

Бергий опять одергивает китель.

Значит, бежать надумали, авар лен Валлин.

Бергий хмурится.

Да поможет им Ясноликая в их непростом деле.

Увальня Бергий знает с детства, чернявый Руперт Авари потерял сначала мать, сгинула в горячке, потом отца, охотника, унесло в эннувин на льдине, последним к корням отправился старший брат, так Руперт и оказался у тетушки Ринайи, она то его и пристроила прислуживать в доме авара.

Руперт сидит напротив него, руки на груди сложил и ухмыляется пухлыми губами, как у барышни. Масло с его волос давно выветрилось, черные кудри топорщатся в разные стороны. Помял его лейтенант, видно, вот синяк зреет на скуле, да и глаза красные. Бергий опять вздыхает и тоже руки на груди складывает.

— Может, рассказал бы мне чего интересного, а, Руперт? Ты подумай, что делать то будешь, когда авар улетит, кто тебя защитит, когда гвардейцы императора придут? Злые придут, а уж когда авара здесь не найдут...

Увалень молчит, но больше не улыбается.

— Может, задумал авар чего? Зачем ему корабль в порту нанимать, есть он порталы открывать умеет?

Каморка у Бергия тесная, хоть он ее кабинетом и называет, потолок низкий. Вот сидят они друг напротив друга, да стол в углу стоит, да больше и не поместится никто. За окном опустела тренировочная площадка, все набились в караулку. Курят, засранцы, дым сквозь щели тянется к потолку. Курят и ждут приказа.

А Бергий все медлит.

— Худо будет, если по душу девочки харонов пригонят, — продолжает говорить Бергий. — Слышал я, еще когда на границе служил, что проклятье окойо огнем из плоти изгоняют, были случаи даже когда деревни выжигали, чтобы скверна не распространилась.

Руперт качает головой и смеется. Зло и беспомощно. Голову опускает, за кудрями своими лицо прячет.

— Ты мне Бергий сказки то не рассказывай, — говорит увалень и трясет головой. — Я не такой тупой буду. Пусть приходят твои гвардейцы, с меня взять нечего. Мое дело маленькое — подай, принеси, серебро почисти.

Дверь распахивается, в каморку втискивается лейтенант Кардилис, широкое лицо его влажное, липкое и бледное от страха.

— Капитан, — больше он сказать ничего не успевает, в проеме за его спиной появляются две фигуры в белых плащах. Бергий медленно поднимается со стула, но ног уже не чувствует, сердце заходится в груди от дурноты. Капюшон одного из гостей откидывается и Бергий видит сначала два серых глаза, потом бледную, натянутую на череп кожу. С виду может показаться, что перед ним человек, только болен чем-то, может горячка его в дороге прихватила, если бы ни голый череп и татуировка на нем. Правильный, симметричный узор с двух сторон.

Такие Бергий уже видел раньше, когда служил на границе, там от восставших мертвецов спасу не было, потому на трех солдат по одному харону приходилось.

Бергий стягивает кепку, мнет в руках и кивает, будто сам себе. С облегчением даже. Теперь авар лен Валлин больше не его забота. Он поворачивается и видит лицо Руперта, тот аж посерел. Сначала Бергий думает, паника парня накрыла, но тут увалень начинает дергаться, как в припадке, глаза закатывает и падает лицом вниз, на грязный пол. Один из харонов отталкивает лейтенанта, кидается вперед, опускается на колени, поворачивает Руперта лицом к себе, но мальчишка уже не дышит. Лицо его, до этого круглое и упитанное, буквально провалилось, на вогнутых щеках проступили борозды и круги. Харон отдергивает руки и к удивлению Бергия брезгливо вытирает их о плащ.

— Собирайте своих людей, — командует тот, кто остался стоять по другую сторону двери. — Мечи, кольчуги и доспехи оставьте. Только луки и стрелы с костяными наконечниками. Кто ослушается — умрет.

Бергий механически кивает, а сам взгляда отвести не может от лица увальня.

Мертвец он и есть мертвец, вот только этого словно бы вчера из земли достали, весь высох, кожа сморщилась, словно солью покрыли.

Пока Бергий кусает губы и трет лысину, лейтенант Кардилис уже на тренировочной площадке командует сбор. Бергий с трудом заставляет себя сдвинуться с места. Порог вдруг кажется ему невероятно высоким, он с трудом понимает ногу и делает шаг. Петли на дверях скрипят непривычно громко. Бергий хватается за дверной косяк и трясет головой. Звон колокола с тренировочной площадки, команды лейтенанта. Звук причиняет боль. Он пытается сделать шаг и выйти на крыльцо, но свет с той стороны слишком яркий. Бергий закрывает лицо руками и морщится. Спасительная тень загораживает собой дверной проём. Бергий часто моргает, трясет головой и по привычке трет лысину. Гладкое, как стекло, лицо харона стынет напротив. Татуировки на гладком черепе чуть мерцают. Когда харон наклоняется вперед, вытягивая подбородок, Бергий еле сдерживает гримасу отвращения, но не отступает. Он еще на границе заметил, что харонам нравится человеческий страх. Страх

подчеркивает разницу между ними, как между хищником и добычей. Бергий не собирается становиться добычей и делает шаг вперед. Харон неуловимым движением сливается с тенью, пропуская его вперед, на крыльцо, залитое светом.

— Мы ждем вас, капитан, — говорит харон, говорит медленно, словно каждое слово требует усилий.

Бергий делает глубокий вдох и решительно идет вперед. Он должен позаботиться о своих людях.

Пророчество

Над домом висит серая мгла. Вдалеке, над черной водой, мелькают молнии и гаснут. Ветер все крепче треплет голубое пламя маяка. Ставни на первом этаже скрипят и рвутся с цепи. Все двери и окна закрыты. Внутри не горит ни сцер, ни свеча, только тонкие контуры охранных печатей над входной дверью, да под каждым окном, светятся. Дом погружен в тишину. Келли больше не мечется в бреду, она уснула, кожа остыла, почернела и теперь отваливается хлопьями. Она дышит ровно и спокойно.

Преподобный все так же молится у постели Каттери.

Доктор сидит в пустой столовой и гладит пальцами скатерть, похожую на флаг.

Авар в своем кабинете, смотрит на карту на внутренней стороне мраморной чаши. Мысленно Терранс уже проложил маршрут и теперь ждет.

И Дом ждет.

Авар знает, что Руперт, посланный нанять корабль, не вернется, но продолжает излучать уверенное спокойствие. Терранс ждет харонов. Корабль, который пересечет границу Хребтов он нашел, но кто-то должен указать им дорогу. Без проводника его план добраться до Предела обречен на провал.

Терранс смотрит на карту. На ее пустой, белый край, туда, откуда ни один обычный человек еще не возвращался. Эбориты каждый год засылают туда смельчаков, но пока безуспешно. Если кто и возвращается живым, то в состоянии помешательства. Терранс перерыл всю библиотеку Ордена, пытаясь найти ответ как преодолеть этот невидимый барьер безумия. Он знал, что это возможно, ведь кто-то же привозит дикарей из племени харонов, живущих на берегу реки Стикс. Белых дикарей, без отпечатка возраста, которых почти невозможно убить, ткани так быстро регенерировали, что никаких следов не оставалось. Их ценность была в том, что они умели извлекать память прошлых жизней. Окойо, так называемые восставшие мертвецы, одержимые памятью, говорили истину, которую тысячелетиями скрывал Орден. Хароны были самым надежным оружием против них.

Каста харонов в Ордене занимала особое место, никто кроме мэтресс, не знал, как она устроена и на чем держится. Хароны отличались дисциплиной, слепой преданностью, и отсутствием каких-либо чувств. Они были скорее функцией, чем живым организмом, и сейчас Террансу была нужна эта функция, чтобы сбежать от Ордена и спасти свою дочь.

Терранс то и дело наклоняет голову и прислушивается. Он уже знает как все будет и теперь ждет.

Он видел вероятность будущего, хароны придут из деревни и приведут с собой Бергия и его полицейеров, бросят их вперед, как кусок мяса и попытаются выманить его наружу. Хароны в отличие от людей знают, на что способен хранитель и будут осторожны. Не от страха, а выполняя приказ мэтресс. Ванесса лен Валлин так заостенела в своей самоуверенности, что отказывается видеть опасность. Как там, в древних текстах? Уходить, уступать место. Кажется, упиваясь властью, она совсем забыла о кодексе Ордена. О том самом последнем пределе — смертности. Она ведет себя как Неведомые, не признающие ограничений плоти. Она отказывается уходить.

Если он станет Императором, как суждено, ведь пророчество Дома Харат никогда не

ошибается, то он заставит мать уйти. Он освободит людей от гнета Ордена. Даст им выбор. Сейчас люди выглядят не лучше, чем в тот год, когда остатки второй волны были изгнаны из Адара в пустыню Ардиб. Жалкие, запуганные, голодные, ради куска хлеба они не задумываясь отнимают жизнь и продают детей в рабство, потому что их нечем кормить. Они забыли, что значит гордость, что значит быть человеком. Терранс заставит их поднять головы и твердо смотреть в глаза любому под этим небом. Они — наследники людей второй волны. Людей, что преодолели холод и темноту в поисках нового дома, тех, кто бросил вызов Изначальным и кому покорились магия бесконечности. Но прежде он должен спасти дочь, спасти ее память, именно она откроет ему двери.

Вероятности все ближе, Терранс отчетливо видит, как будет дальше. Как сбудется пророчество Елены Харат.

Каттери то приближается, то отдаляется, как спутник вокруг планеты. Времени нет и смерти нет, сущность мерцает между вдохами и выдохами, между ударами сердца. Сердца в груди маленькой, слепой девочки Каттери лен Валлин. Сердце все еще бьется, но девочки больше нет. Память капает, как вода в колодец, превращая ее в кого-то другого.

Времени нет, но время почти пришло.

Каттери видит, как полицейные, пригибаясь, выходят из тумана.

Их человек пятнадцать. Они разделяются на группы и расчехляют луки. Под ногами у них красный песок. Вверх, извиваясь, уходит тропа, ведущая к маяку и широкая дорога сквозь альбы, к крыльцу дома. Дом утопает в тумане, огонь на маяке погас, видно только торчащую башню и несколько ступеней крыши.

Четверо тащат тяжелый котел с крышкой, металл дымится, люди в перчатках, их лица замотаны тканью. Котел ставят в песок, снимают крышку и она видит его содержимое. Тяжелое, как расплавленный металл, и очень холодное. И очень горючее. Теперь она понимает почему Дом будет гореть четыре дня, в котлах дымится яд из грудного пузыря кияту. Ее топливо. И стрелы у полицейных необычные, вместо наконечника шипы птицы-рыбы. Как только шип встретит препятствие, горючее вспыхнет. Стрелки окунают наконечники в котел, натягивают луки и опускаются в ряд на одно колено. Они целятся в небо, первая стрела срывается и летит, как искра в тумане. А вслед за ней в небе вспыхивает огненный дождь. Стрелы ударяется в крышу и застревают в плексе посадочной площадки для саагов. Несколько ударов сердца и будто опрокинули чан. Голубое пламя охватывает крышу и течет вниз, плекс плавится, раскаленные капли падают на газон и клумбы. Она знает этот ядовитый запах и видит клубы дыма вокруг крыши.

Терранс лен Валлин в своем кабинете, из окна ему хорошо видна вся площадка перед домом и аллея невысоких альб, он видит как из-за деревьев выходят все новые лучники, только на них не серая форма полицейных, а ярко-синяя. Ему не надо видеть нашивки, чтобы понять — дом со всех сторон окружают гвардейцы Императора.

Терранс ищет харонов и не находит. Чувствует жар от крыши и едкий дым, но не двигается с места. От ярости у него белеют скулы.

Мэтресс лен Валлин переиграла своего сына.

Ложная вероятность будущего заставила его ждать пока ловушка захлопнется.

Авар стягивает перчатку с одной руки, медленно сжимает кулак, это требует усилий, будто воздух внутри его ладони сопротивляется, а потом бьет кулаком в стену. Деревянная панель трескается и проваливается внутрь, на костяшках пальцев видна кровь. Он снова надевает перчатку.

По краю пробитой трещины закипают голубые капли крови наследника Вестников, Хранителя Ордена, будущего Императора Дерентии, Отца Бесконечности и Привратника у дверей Несбывшегося. По стене вдоль пролома ползет холод изнанки, покрывая стены голубым инеем.

Каттери смотрит на отца и помнит. Ревизия памяти, будто шарик в темной комнате фонариком, выхватывая бесформенные части целого.

Она помнит, что все началось с того, что последняя провидица Аррана предсказала Террансу, что он станет Императором.

Помнит, что все началось с того, что Каттери лен Валлин, его названная дочь поспорила с Келлианой, что найдет яйцо птицы кулус.

Все началось здесь, под куполом Предела, где времени нет и смерти нет, где Творец видит, а Маат знает, как глубоки ее корни, и что Тропы несбывшегося всегда ведут под сень Древа Алларих.

Все начинается сейчас.

Сейчас доктор сидит в столовой, нажимая ладонью на красное пятно Аррана посреди скатерти, от напряжения у него всегда случаются судороги, он смотрит на свои руки и ждет. Иногда он отрывает взгляд и смотрит в окно. За ледяными узорами на каисовом стекле двигаются синие тени. Каис очень плотный и заглушает звуки. Доктор не слышит шагов, не слышит, как натягиваются луки, вынимаются клинки из ножен, перезаряжаются метатели, хотя возможно, ничего этого и нет, просто у доктора от страха разыгралось воображение.

Зачем посылать людей на верную смерть, если можно просто замкнуть кольцо и не выпускать добычу. Довести ее до отчаяния и тогда она сама кинется на копья.

Доктор будто снова сидит в окопе. Он чувствует, как по ногам ползет холод, вода доходит до середины голенища, влажная земля обхватывает лодыжку, не давая без палки сделать и шага. Ему кажется, что он плывет внутри глубокой траншеи, отталкиваясь палкой то от стен, то от земли. Каска мешает, она ему велика, платок, который он намотал на голову, весь пропитался потом. Он давно не видел солнца. Мешает высокий лес, густые, плотно переплетенные кроны высоко над головой. Невидимый архитектор воздвиг черно-красный купол и украсил его хищными лианами и огромными паутинами. Эта та самая граница, ее еще называют Низовье, между Дерентией и Халирут, труднопроходимая и недружелюбная местность. С воздуха зрелище впечатляет: красная земля резко обрывается, будто кто нарисовал ровную линию палкой на песке, а дальше начинается чернозем и зелень. Прямые линии напоминают швы, черно-зеленая заплатка на огромном красном полотне. Чужая земля. Земля, где доктор был уверен, ему суждено умереть от паучьих лап, от вывернутых наизнанку внутренностей, когда вылупится потомство. Или если попадет в ловушку халиров, то сгорит в пламени. Способов умереть было так много, что он примерял их, как костюмы перед торжественным приемом и оценивающе крутился у зеркала.

Подходит?

Какая смерть тебе подходит?

Доктор человек слабый и трусливый, на войне оказался случайно. Новобранцев не хватало, людей выкупали из долговых тюрем или хватали прямо на улице за малейшее нарушение. Война уже очевидно была проиграна, но молодой Император не мог склонить головы, он бросал все больше и больше дров в этот бессмысленный костер. Это напоминало доктору жертвоприношение, как в ранней версии религии Изначального, когда люди решили, что кровь заставит Творца услышать их и проливали ее по поводу и без. Особенно

этим отличались братья сотарианцы.

На войне доктор почти смирился со смертью, смирился со страхом, который преследовал его постоянно. По ночам он дрожал так сильно, что закусывал палки или тряпки, только бы не прикусить себе язык. Он не хотел умирать, внутри него горело пламя, он был одержим поисками истины, а страх смерти лишь подогревал его рвение. В тот год, в окопе, он казался себе червем, а не человеком, он постоянно был в грязи, то копал, то закапывал, его преследовал запах гниющей плоти и крики умирающих. Это была и не жизнь вовсе, а механическое, тупое существование, но доктор упорно продолжал просыпаться и двигаться, продолжал хотеть жить, даже так, копаясь в грязи и с руками, красными от крови.

Сейчас, сидя в столовой авара Терранса лен Валлина, он снова примерял на себя разные одеяния смерти, но теперь он не чувствовал себя червем, он был человеком. Впервые за многие годы, он вдруг ощутил себя им в полной мере. Он был важен. И не только для авара, но для всего человечества. Он откроет эту дверь, найдет ответы. Он знал, что человек может обрести бесконечность, доказательство тому Вестники, да и сам авар, вполне реальное доказательство, что магия Изначальных все еще здесь. Она в его крови. А кровь, это то, что поддается изучению. Это материальное доказательство, а не легенда из книги Начал или Предвестие, кровь — это истина.

Доктор делает один вдох за другим, и сжимает кулаки. Слабый, трусливый человек, одержимый идеей и он хочет жить, хочет жить бесконечно.

Он поворачивает голову, и тут его уверенность вдребезги разбивается о черный силуэт.

В дверях стоит неведомое отродье, полукровка Аринэ, которая пыталась убить дочь авара лен Валлина. Она стоит и смотрит на него зелеными глазами, чуть склонив голову на бок. Вместо кожи у нее черные струпы, во все стороны разбегаются кровавые трещины, голый череп с остатками опаленных волос. Она само воплощение изменчивости, как граница Низовья, где красное перетекает в зеленое, мертвая земля в живую. Кто-то создал ее. Сложил два кусочка мозаики. Человек и неведомое породили чудовище. Или чудо?

Доктор не может оторвать глаз, внутри него полыхает любопытство и зависть.

Неведомые не вынашивают детей внутри утробы, они создают новые оболочки в инкубаторе и переносят в них свою сущность и память. И еще много столетий после вспоминают свои прошлые жизни. А полукровки Аринэ размножаются как люди. Новорождением. У существа, что стоит перед доктором, есть мать. Та, что ее выносила, выносила и умерла. В Дерентии женщины часто умирали при родах, но в случае с Домом Аринэ — всегда. Главой семьи был отец, тот, кто дает семя, а дети всегда рождались парами. У двоих больше шансов передать гены и сохранить род.

— Двери, ведущие внутрь, откроют путь наружу, — раздается голос, очень высокий и звонкий. Аринэ повторяет одни и те же слова. — Когда ты не видишь кожей, ты слеп. Научись слушать. Двери, ведущие внутрь, откроют путь наружу. Когда ты не видишь кожей, ты слеп. Научись слушать.

На лбу Аринэ проступают раскаленные, как расплавленный металл, капли пота. Она падает на четвереньки, спина выгибается дугой и выкрикивает, будто из последних сил:

— Беги!

Доктор вскакивает со стула и тот с грохотом падает.

Доктор до последнего не может оторвать взгляда от трансформации. Тело меняется очень быстро, обнажается до мяса и костей и заново зарастает шкурой. Бегут искры. От затылка, вдоль позвоночника, тело облизывают языки пламени. Доктор пятится, но смотрит,

смотрит до тех пор, пока чудовище не поднимает на него глаза, в которых горит пламя.

И только тогда доктор бежит.

Бежит из столовой вверх по лестнице.

Времени нет, но время почти пришло.

Каттери смотрит на свое тело и ждет, ждет, когда придет её время.

Преподобный, не разгибая колен, молится над телом маленькой девочки. Его сухие губы без устали повторяют и повторяют слова, смысл которых он не понимает. Он заучил их наизусть. Он не помнит корней, не знает, кто написал эти слова и к кому они обращены, он просто знает, что должен говорить, он — проводник. Последний оплот истины в мире, где люди забыли, где память коротка, как и жизнь.

На крыше бушует пламя, ослепительно яркое в тяжелых, влажных сумерках, но Преподобный не прерывает молитвы. По лицу его течет пот. Голос нарастает, тянет все выше и выше, пока звук его голоса не пробивает насквозь набухшее, низкое небо, и тогда сердце в груди Каттери лен Валлин, наконец, останавливается.

Преподобный чувствует это и прерывает молитву. Старик устал, он хватается за край кровати, чтобы не упасть, руки его дрожат. Он давно стоит на коленях один на один с темнотой и верой. Он смотрит в бледное лицо девочки и ждет. Преподобный верит в пророчество и ждет пришествия мессии.

В коридоре слышны мягкие шаги Терранса лен Валлина. Он выходит из кабинета и бережно затворяет дверь, будто собирается вернуться. Воздух вокруг него клубится, стены расцветают тонкими ледяными узорами, пол под ногами зарастает инеем. Татуировка на правой стороне лица пульсирует. Авар не торопится, останавливается на верхней ступени лестницы и начинает стягивать перчатки.

В этот момент из столовой выбегает доктор, кидается к лестнице и взбегает по ступенькам. Лицо перекошено, глаза горят от возбуждения. Доктор Гаару машет руками, трясется и указывает на дверь в столовую. Он хочет что-то сказать, но не может. Он открывает и закрывает рот, жадно глотает воздух, но слова застревают в горле.

Авар видит горящий силуэт в дверях столовой. Трансформация Аринэ завершилась, красные, раскаленные капли сползают по черной, матовой шкуре на лакированный паркет и прожигают насквозь. Поднимается едкий, черный дым.

Тварь поднимает голову и смотрит на авара яркими, как пламя, глазами. Внутри красного зрачка прячется голубая искра. Тварь открывает пасть, будто улыбается и садится, как цай, на задние лапы.

Над дверью взрывается печать.

В окне холла с глухим звуком лопается каисовое стекло.

Авар поднимает руки и воздух над лестницей превращается сначала в тонкую стену мокрой взвеси, а потом резко схватывается. Терранс не сводит взгляда с огненного силуэта зверя по ту сторону. Лед, слой за слоем, уплотняется и вырастает стена.

— Мы уходим, — говорит Терранс доктору. — Доктор, заберите мою дочь!

Доктор кивает, бежит по коридору к дверям спальни, где лежит Каттери и распахивает дверь, за ним шлейфом тянется запах паленой плоти.

Доктор боясь забыть, быстро произносит:

— Двери, ведущие внутрь, откроют путь наружу. Когда ты не видишь кожей, ты слеп. Научись слушать.

И в этот момент слепая девочка Каттери лен Валлин открывает глаза.

Мэтресс Ванесса лен Валлин

— Наша девочка открыла глаза, — говорит человек в серой форме Латирийского флота. Он сидит в глубоком кресле, кресло услужливо принимает форму его грузного тела. В руках он держит планшет и иногда касается экрана толстыми пальцами. На лице его блуждает довольная улыбка.

— Ваш мальчик, попался, мэтресс. Я же говорил, — он густо смеется. — Проект “Мессия” безупречен! Пророчество Аррана сбудется.

Ты не отвечаешь ему. Стоишь и смотришь, как снаружи корабля разыгрывается буря. Твоя буря. Хищник, который ест с руки. Буря бросает в вас молнии, грохочет от недовольства, но молнии никогда не попадают в цель. Темно-синие, набухающие гневом облака ширятся и не могут вас достать. Щиты линкора трещат от электричества. Ты знаешь где-то там, далеко внизу, полыхает синим пламенем крыша твоего дома.

Дом будет гореть четыре суу, но так и не сгорит полностью. Белый иней укроет берег и лес, земля остынет, огонь станет серым, как пыль, как глаза харона, а на утро пятого дня придет ураган с океана и унесет с собой тех, кто это видел.

Ты знаешь, что этот лысый человечек, возомнивший о себе слишком много, скоро умрет от болезни сердца. Скоро — это такой отрезок времени, которого нет, но для человека он пугающе реальный. Для тебя же время ничего не значит. Для тебя этого просто еще одна вероятность. Тропа под сень Древа.

Ты видишь множество вероятностей, они проскальзывают мимо, как молнии вдоль корпуса корабля. И сейчас ты лишь в одной из них. Это как бросить якорь. Но якорь, если надо, всегда можно поднять. Картинка только-только начинает складываться, но ты смотришь дальше, глубже. Туда, где Терранс станет Императором, а его названная дочь символом новой жизни. Бесконечной жизни.

Девять-четырнадцать

Голос в динамике. Она не разбирает слов, только шипение и фоновые помехи. Первой, как и сказано в инструкции, приходит боль. Сенсорная система работает исправно, она чувствует новое тело. Как там в инструкции? Дыши спокойнее, расслабься, почувствуй тяжесть?

Руки лежат, как плети. Во рту горечь. Оболочка сопротивляется, точка контакта срывается, она глохнет и слепнет, но всего на пару секунд, а потом снова голос в динамике. Очень далекий голос.

Она знает, оператор удобно устроился в кресле, система посылает ему сигнал ее биометрии на бес и он видит маленькую, красную фигурку, прямо на сетчатке. У него есть стол, огромный экран и чашка кофе, а у нее — чужое тело, боль и неуверенность.

Она сжимает кулаки, пытаясь почувствовать мышцы. Все как на испытаниях, но не так: она не чувствует себя в безопасности. В любой момент ее может выбросить обратно в систему оптоларса. В невесомость, где она всего лишь мысль и образ. Она не может заставить тело двигаться, тяжесть прижимает ее к кровати.

Голос оператора: Система стабильна. Точка контакта стабильна. Девять-четырнадцать, просыпайся, папочка ждет!

Для оператора она всего лишь номер в левом углу экрана и постоянно изменяющийся поток данных: пульс, сердцебиение, уровень адреналина. Он знает как работает ее тело, лучше чем она, находясь внутри. У нее нет биометрии, нет информации, только тяжесть, боль и холод.

Голос оператора: Открой глаза, нам нужна картинка!

Оператор недоволен ее реакциями и по телу проходит слабый электрический разряд.

Голос оператора: Печати по периметру дома распадутся через восемь минут и тридцать девять секунд. Натяжение поля неравномерно, под крышей растет давление, а вокруг аварии слепая зона, сенсоры не реагируют, зонд не может передать картинку. Девять! Отвечай! Мы должны вытащить вас оттуда!

Осталось восемь минут, а она даже глаза открыть не может.

Еще один разряд, тело выгибается дугой.

Фильтрация от яркого света. Наведение.

Она открывает глаз и моргает. Цветовой спектр ещё не восстановился и картинка черно-белая.

Голос оператора: Есть! Работаю!

Цвет возвращается резко и она чувствует боль. Цвет насыщенный, как на экране мониторов.

Она видит лицо старика, коричневое, с глубокими бороздами на лбу. Тонкие, костлявые пальцы сжимаются на ручке трости, человек тяжело поднимается с дрожью в ногах и наклоняется над ней. Она чувствует гнилой запах изо рта, видит чёрные провалы глаз, слышит щелчки диатона. Старик радостно и устало улыбается ей.

Она знает его, она выучила его файл наизусть, это Преподобный Даниил, он же Паломник. Один из отцов Церкви Предвестия.

— О, Творец! — выдыхает он и без сил опускается на край кровати. — Вот и пришел час истины. Да будут твои корни глубоки, дитя! Пророчество сбылось!

Голос оператора: Семь минут! Вставай! Пора валить отсюда!

Она видит рядом с собой еще одно лицо, это доктор Кейзо наба Гаару. Могильщик.

У доктора карие глаза, вялый, дрожащий подбородок, он болезненно бледен и от него сильно пахнет потом. Доктор бережно укутывает её в одеяло, берет на руки, крепко прижимает ее к себе и идет к выходу.

— П-п-преподобный! — кричит доктор. — И-и-идемте!

Они выходят в коридор. Ледяной холод клубится вокруг белым паром. Пол и стены затянута инеем. Ее предупреждали о способностях Терранса лен Валлина. Он — привратник, тот, кто открывает порталы. Двери в царство белого холода и тишины. Порталы разбросаны в пустоте и постоянно меняют свое местоположение. Мерцают. Смысл порталов в том, чтобы перемещаться когда и куда тебе надо. Это и умеет делать привратник. Создавать точки контакта и перекидывать мост через пропасть. Четырнадцать символов печатей, собранные воедино и один йондаль пространства. Привратник видит печати, помнит в какой последовательности собирать структуру, как детский конструктор, и даже если он сам не понимает как, оно все равно работает.

Почти пятьдесят лет ученые в Латирии безуспешно пытаются взломать эту сложную, языковую систему. Но несмотря на то, что в последние десятилетия они сильно продвинулись в изучении технологий людей второй волны и даже научились строить корабли по образу и подобию, магия Изначальных все еще оставалась магией. Никто пока не понял принцип работы Печатей. Ученые только-только научились их идентифицировать.

Голос оператора: Не закрывай глаза!

Фокус размывается.

Она слышит только сердцебиение доктора.

— Авар! — говорит Преподобный. — Девочка очнулась!

Девять-четырнадцать не видит реакцию авара лен Валлина, только слышит хриплое дыхание и чувствует сладкий, цветочный аромат его духов.

— Все вниз! — командует уверенный голос авара.

Твоя цель — его доверие, — так говорил ей доктор Нада.

— Где...где оно? — спрашивает голос доктора.

— Расчищает нам путь, — отвечает авар.

Девять знает эри в совершенстве, но сейчас сомневается в себе и запрашивает перевод.

Голос оператора: Полагаю вырвано из контекста. Не нервничай.

Они спускаются по обледеневшей белой лестнице в главный холл.

Это было в программе подготовки, ей дали план дома, заучить расположение комнат. Даже закрыв глаза, она знает где они находятся. Впереди дверь и два огромных панорамных окна по бокам, у лестницы стоят колонны, они напоминают два высоких дуба с мраморными кронами, которые держат на своих плечах полукруглый зал. Справа двери в столовую, слева в гостиную. Пол под ногами — деревянный, дерентийцы называют его паркет. Поначалу она не могла в него поверить, словно он тоже создан магией, ведь в Латирии деревья священны. Никто не посмел бы даже подумать сделать пол из дерева!

Голос оператора:

“Речь идет о Келлиане Аринэ. Трансформ расчищает вам дорогу на побережье. Хорошо, что это чудовище на вашей стороне. Всех гвардейцев распугало! Эта тварь размером с бронемашину! Девять-четырнадцать, ты слышишь?”

Она слышит, но ответить не может.

Ее оператор, старший офицер связи, дай Гемони, прекрасно знает об этом.

Терранс снимает со стены защитные комплекты, они предназначены для полетов на саагах, но мало чем отличаются от защитной экипировки рыбаков. Это водонепроницаемые плащи и кислородные маски. Авар помогает Преподобному надеть маску и закрепить мешок на поясе. Маска прозрачная с длинным шлангом-хоботом. Преподобный тяжело дышит, опираясь на палку.

— Доктор, вы тоже наденьте! — говорит авар.

— Д-девочке от-дайте, — отвечает доктор.

Авар сует кислородный мешок между складок ее одеяла.

— Терри, надень маску и не снимай!

Ей не нужен кислород, для вида она прикладывает маску к лицу, но закручивает вентиль подачи.

— Преподобный, постарайтесь не отставать, — говорит авар. — Доктор идите строго за моей спиной.

Голос оператора:

“Система просчитывает варианты. Активных групп — восемь, по четыре человека. Численное преимущество, но из-за тумана и огня, они держатся в стороне от дома. В основном граница периметра — аллея. На плане есть лестница вдоль обрыва. Зонд сканирует скалу на предмет обвала”

Авар уверенно шагает по дорожке, он видит в темноте и знает куда идти, он сворачивает направо и ведет всех вниз, вдоль красных камней — это граница сада, за которой начинается песок и сухой колючий кустарник. Над головами шелестит красная листва, вверх тянутся пятнистые, серые стволы клёнов. В свете фонарей она видит красные коробочки семянника, перезрелые они взлетают и взрываются. Девять четырнадцать выросла под искусственным небом купола, среди бетона, стекла и пластика, и никогда не видела столько жизни в одном месте.

Дальше тропа ведет их вдоль обрыва, острой стеной вокруг встает соломка. Трава сочно-зеленая, как вывеска супермаркета напротив ее дома, и доходит доктору до плеча. Они идут медленно, цепочкой друг за другом. Долго спускаются вниз по лестнице. Никто их не преследует. Тропа ведет в темноту, вниз, где не горят фонари и шумит глубокая вода, темная и маслянистая.

Выбитая в скале лестница узкая, слева резкий обрыв, доктор опасно жметя к скале, тяжело дышит и потеет. Девять слышит его сердце и его страх.

Преподобный, не доверяя диатону, стучит палкой впереди себя и часто останавливается.

Голос оператора: “Координаты пропали! Зонд вас не видит. Местоположение на сетке постоянно меняется. Девять, отправь мне свои координаты! Биометрия пропала!”

В эфире наступает тишина.

Девять-четырнадцать убирает маску от лица и делает глубокий вдох. Воздух терпкий, пресный и пахнет водорослями.

Берег совсем близко. Девять слышит как большая вода шумно накатывает на него из темноты.

Доктор, задыхаясь, ставит ее на песок. Девять все еще закутана в одеяло, но босыми ступнями чувствует его, песок мелкий и мягкий. Полоска берега узкая. Позади возвышается отвесная скала, нависающая, как козырек. Вода отполировала камень скалы до серебряного блеска.

Девять смотрит и не может оторвать взгляда от черной, неторопливой волны набегающий на берег.

— Как ты себя чувствуешь, дитя? — спрашивает Преподобный.

Она молча выпутывается из одеяла и берет его за руку.

Вместе они стоят и слушают волны.

Преподобный снимает маску с лица и поднимает голову, словно хочет увидеть звезды за пеленой воздушного океана. Дно низкое, плотное, клочьями ваты цепляется за скалу. Преподобный смотрит невидящими глазами в небесную глубь и молится заученными словами на чужом языке.

Старику тяжело дышать и, закашлявшись, он снова надевает маску. Он устал, но выглядит удовлетворенным. В нем горит неиссякаемая вера. Он верит в пророчество Аррана, оно говорит людям, что они станут другими, как и неведомые, обретут бесконечную сущность. Бесконечную память. Весь смысл жизни Преподобного обещать людям другую жизнь. Когда-то потом, где-то не здесь.

Катери лен Валлин его надежда на исполнение пророчества. И Девять сделает все, чтобы оправдать его надежду. Она — ложь во спасение. Она должна стать той, кто спасет его мир.

Прогноз ученых не утешает: меньше, чем через сто лет, начнется война за ресурсы, за воду и воздух, и люди на Алькаане погибнут. Единственный шанс спастись — освоить технологии Изначальных, их магию, но Орден Хранителей хорошо охраняет древние тайны и знания.

Берег — тонкая полоска обнаженного, белого песка вдоль скалы. Сейчас отлив, самое безопасное время. Берег пуст и тих. Их никто не преследует. Голос оператора исчез, как и фоновый шум. Она осталась одна.

Авар заходит по пояс в черную воду и вытаскивает на песок лодку, привязанную к причальному камню.

— Залезайте, — кричит Терранс.

Девять все еще держит Преподобного за руку, вместе они подходят к кромке воды. Пока авар помогает Преподобному забраться в лодку, из темноты появляется доктор и не спрашивая, подхватывает ее на руки.

— Н-н-надень м-м-маску! — говорит ей доктор, — Д-держи од-деяло крепко, на воде х-х-холодно.

Девять не спорит и послушно надевает маску.

Авар стоит по колено в ледяной воде и держит лодку, ждет пока доктор посадит ее на скамью и неуклюже заберется сам. Когда все кроме него оказываются на борту Терранс сталкивает лодку в воду и запрыгивает внутрь.

На нем черные брюки и черная рубашка, длинные волосы заплетены в косу, татуировка на лице выгорела и еле просматривается. Авар заматывает косу и берет весло.

Терранс лен Валлин такой, каким она его себе представляла. Тщеславный и гордый человек. Человек, которого ей приказали обмануть.

— Что ж, я вас поздравляю господа, вы спустились с дерева, — говорит мэтресс лен Валлин.

В тот день девять видит ее первый раз, и не на экране монитора, а всего в нескольких метрах от себя. Мэтресс сидит в кресле и демонстративно смотрит в окно, на город, игнорируя присутствующих.

За окном серо-желто-красная неоновая панорама. Не понятно впечатляют ли мэтресс стеклянные, высотные здания, флаеры, автомобили и скоростные магистрали, но смотрит Ванесса лен Валлин очень внимательно.

В комнате пять человек, в том числе премьер-министр Латирии, Кодао Нигири. Кадао очень высокая, а кресло маленькое и ей некуда девать ноги. Премьер-министр в белом строгом костюме, ее жесткие черные волосы подняты, чтобы открыть тонкую шею, украшенную серебряными кольцами. Она не сводит взгляда с мэтресс, как и её охрана.

Еще двое, глава корпуса Нику Федера и доктор Сэмюэль Ларс Нада. Тот самый который и создал андров и систему оптоларса, а точнее, живой вирус, с помощью которого они скопируют её память в Сеть, а после загрузят сохраненную личность в оболочку.

— Вы прибыли сюда насмеяться? — спрашивает премьер-министр.

— Это не насмешка, это факт, — отвечает мэтресс. Ванесса лен Валлин кажется очень маленькой в этом большом, мягком кресле, но слишком высокомерной. На ней белая, длинная хламида, которую называют аюба и белые хлопковые перчатки. Волосы замотаны по всей длине в шелковую ткань, как принято в Дерентии.

— Вы только слезли с дерева, у вас в руках палка, а вы уже собрались в космос, — не поворачивая головы, говорит мэтресс. — Сколько лет вы посылаете корабли за Предел? Сколько из них вернулись в целости и с живым экипажем? Хорошо спите по ночам, Кодао? Столько ресурсов выброшено в пустую, а ведь скоро очередные выборы.

— Предлагайте или не тратьте мое время, у вас его много, у меня — нет.

Мэтресс разворачивается вместе с креслом и теперь сидит к ним лицом.

— Мистер Федера, — обращается мэтресс к главе Корпуса. — Прошу вас!

Федера растягивает рот в улыбке, демонстрируя всем свои белые зубы и ямочки на пухлых щеках. Он неприятен по многим причинам, но главная — он равнодушен. За его неторопливым, насмешливым обаянием пустота. Каждый день он отправляет людей на смерть ровно так же, как выбрасывает фантик в урну. И она один из таких фантиков.

— Госпожа премьер-министр, я считаю, что мы могли бы объединить наши усилия, взаимовыгодное сотрудничество, как говорит история, двигатель прогресса.

— А еще война двигатель прогресса, — встречает доктор Нада. — Да и в чем тут выгода для Ордена? Расскажите нам мэтресс, с каких пор вы интересуетесь прогрессом? Нику, возможно, что-то перепутал?

Доктор Нада пришел на собрание прямо в рабочем халате. На груди пятна от кофе, очки висят на веревочке, грязь под ногтями. Его широкие кустистые брови то сходятся, то расходятся на переносице.

— Это мой проект, решение принимать мне! — Повышает голос доктор Ларс Нада. — Мне не нужны ваши поправки!

Лицо мэтресс невозмутимо. Ее бесцветный, стеклянный взгляд останавливается на лице доктора.

— Вы собираетесь сидеть в теплом кабинете и смотреть через монитор, доктор. Может спросить того, кого вы планируете выбросить на ту сторону? — Мэтресс поворачивает голову и смотрит на неё. — Двенадцать километров, кажется это не очень много. Там ровное плато и в хорошую погоду нулевую станцию отлично видно невооруженным взглядом. Она как палка торчит из песка. Вот только это иллюзия, прямой дороги нет. Вы видели поверхность, голубые кристаллы и это, как вы знаете, не лед. Пешком не дойти, значит, нужен корабль. Сколько вы уже убили там кораблей? У меня есть тот, который

долетит.

Премьер-министр подается вперед. Нику Федерера кажется равнодушным, но его толстые пальцы слишком сильно вцепились в подлокотники кресла.

Доктор Нада опять сводит брови и складывает руки на груди.

— Ну и что вы за это хотите? — спрашивает доктор.

Мэтресс улыбается, белая кожа натягивается на лице и выглядит жутко.

— Оболочка, в которую вы загрузите память.

— Что вы хотите сказать? — доктор готов к драке, он снова опирается руками на стол. — Я не отдам вам своих людей!

— Я вас об этом не прошу, — говорит мэтресс. — Я отдам вам своих. Мой сын — привратник, он открывает порталы, так корабль безопасно преодолеет двенадцать километров между Пределом и станцией.

На лице доктора проступает изумление.

На лице премьер-министра скепсис.

— И зачем вам это? — спрашивает Нигири Кодао.

— Времени нет, но время пришло. У Алькаана нет ресурсов для еще одной войны, значит, мы должны объединиться. У меня есть то, что нужно вам — информация. Думаете, никто до вас не пытался выбраться с Алькаана? Но это не удалось ни Изначальным, ни Вестникам. Вы думали, почему?

Она не должна говорить, но слова срываются сами собой:

— Им некуда было лететь?

Ванесса лен Валлин смотрит на нее. Долго смотрит, а потом встает из кресла.

— Там бесчисленное множество звезд, девочка. Там всегда есть куда лететь, но главное — кто полетит. Лететь то некому.

Мэтресс медленно обходит стол и идет к выходу.

— Буду ждать вашего ответа.

И не дойдя двух шагов до двери, мэтресс рассеивается как дым. Нет ни столба ослепительного света, ни даже вспышки. Ее просто нет здесь больше, а может и не было никогда. Тогда ей впервые и приходит в голову мысль, а существует ли на самом деле мир вокруг? Не снится ли ей все это?

Девять до сих пор не понимает, случилось ли это на самом деле или, как сказал тогда доктор Нада, это было когнитивное искажение.

Чтобы родиться, нужно умереть

Лодка покачивается на воде. Воду можно потрогать, она черная и маслянистая. Вокруг тьма и тишина, только волна мерно бьётся о борт.

Авар снял перчатки и теперь сидит, смотрит на свои ладони, стертые до крови. Кровь у него синего цвета. Преподобный рвётся занять его место и грести, но авар жестом пресекает его попытку. Доктор даже не пытается.

Девять-четырнадцать не знает сколько прошло времени, ни одна луна не пробилась сквозь толщу воздушного океана и они плывут в крошечной темноте. Она кутается в одеяло, поверх которого доктор набросил тяжелый, скользкий плащ и думает, как странно, слепая девочка вдруг прозрела, а никто даже не удивился.

Слепо верят в ее избранность?

В то самое Предвестие перерождения человека во что-то большее или же наоборот, в то, что уже нельзя будет назвать человеком.

Она помнит слова мэтресс — некому лететь. Теперь она думает, что Изначальные перестали быть людьми, а иначе трудно объяснить почему обладающие таким могуществом люди просто ушли. И не в космос, к другим звездам, а за предел плоти. Отказались жить.

Доктор Нада восхищался Изначальными, он считал, что они создали идеальную форму, создали мир, где могли существовать вечно. Нашли способ взаимодействия с Творцом и планетой, не выжигая её ресурсы. А это именно то, что нужно сейчас людям. Экологи постоянно ведут разговоры о том, что атмосферные станции вот-вот откажут, что сеятели в океанах заглохнут, а без воздуха и воды, человеку не выжить. В таких условиях, кажется разумным решением ограничить рождаемость. Жить долго и не иметь детей. Неведомые пошли именно этим путем.

Перерождение — это сохранение стабильной численности. Система Инкубатора создаёт новую оболочку, но самой большой тайной оставалось как в ней загорается искра жизни. Как переносится бесконечная сущность Творца.

Доктор Нада был одержим идеей воспроизвести этот процесс, итогом чего и стал его проект “Оптоларс”- копия памяти. Восстановленная личность, способная загружаться в разные оболочки с помощью “вируса памяти”.

— Терри, что ты видишь? — спрашивает авар.

Девять с ужасом ждала этого момента. Её пытались подготовить к недоверию, к вопросам, на которые придётся отвечать, но сейчас воспоминания о той, другой жизни, тонули в крошечной тьме. Она была совершенно одна здесь, в этом теле, один на один с пристальным взглядом голубых глаз авара.

Он смотрит на нее, очень спокойно и очень холодно.

Что он видит? Дочь? Маленькую, напуганную девочку? Мессию? Инструмент?

Девять сможет ответить, если поймет, что он хочет услышать.

Девочка, которая с рождения была слепой, что она может видеть? Как она может знать, что видит? Что для нее цвет и форма? И все же Каттери лен Валлин не обычный ребенок, она лепила фигурки из глины, знала о том, чего никогда не видела.

Холодно.

Даже в коконе из одеяла она чувствует ледяной воздух, он касается щек и проникает до

костей.

Доктор, что сидит рядом с ней, дрожит, натягивает пиджак на подбородок и прячет руки в рукава. Преподобный закрывает голову капюшоном плаща. Из них четверых только авар никак не реагирует на температуру воздуха.

Девять меняет длину волны. Система искусственного глаза позволяет переключаться между спектрами. Авар превращается в пятно и его широкая фигура почти сливается с холодным воздухом. Бес выдает параметры и биометрию на внутренний интерфейс. Показатели говорят, что сердце авара бьется очень медленно. Хорошо, что в ее крови коктейль успокоительных. Терранс не должен заметить ее страх, не должен насторожиться.

— Будь конкретней, — отвечает Девять-четырнадцать. — Я не понимаю.

— Терри, ты помнишь, что случилось в лесу? — уточняет авар.

— Зачем ты спрашиваешь? Ты же видел.

Ей объясняли это так: проекция или инсайт — фрагменты памяти, их можно собрать в последовательность, как кадры на ленте. Так можно смотреть сквозь время и сохранять события.

Неведомые говорят — Творец сохраняет всё.

— Я хотела найти яйцо кулус, я поспорила с Келли... Кулус был мне нужен.

Авар кивает. Он кажется расслабленным, но что-то неуловимое в его позе, в его взгляде. Он ей не верит.

Конечно, не верит! — звучит голос в её голове, звучит без помех и это не её оператор. — Без Инкубатора конфигурации оболочки с трудом поддаются изменениям. И это точно не случается само по себе. Вам ли не знать, что нет никакой магии! Технологии, которые вы не понимаете, тоже подчиняются правилам!

— Авар, — выдыхает Преподобный. — Холод скоро убьет нас.

Терранс и сам это знает. Раны на его руках затянулись и авар снова налег на весла, они двигаются медленно и непонятно куда. Вокруг сплошная однообразная темнота.

— Вы... вы же... п-п-привратник! — восклицает доктор Гаару.

Авар качает головой.

— Вы видели порталы в Ксаравии и думаете, что это просто, как открыть дверь, но Изнанка убьет вас быстрее холодной воды.

И снова голос в голове:

Авар не открывает портал, потому что никто кроме него не сможет им воспользоваться. Изнанка — это смертельный холод для человека. Нужна или другая оболочка или специальная защита, костюм или Печати. А порталы в Ксаравии это другая технология. Там точки контакта соединены в единую сеть и стабилизированы, за каждым таким порталом стоит десяток Ткачей, реагирующих на малейшее изменение поля.

Она посылает сообщение через интерфейс беса:

Кто ты?

Голос не отвечает.

— Скоро будут столбы, — говорит авар. Весла с плеском опускаются в воду.

Скоро — это сколько? У Девять нет часов, нет терминала, нет оператора в ухе. Над головой не просматривается ни одной луны и она не понимает, как идет время и сколько его они уже потеряли.

Темнота и плеск укачивают, голова падает, глаза закрываются.

Весло в очередной раз ударяется о борт, она вздрагивает и оглядывается.

Она не должна терять бдительность, не должна спать, но тело устало и сознание путается.

Доктор рядом с ней уже спит, Преподобный раскачивается под ритм диатона и бубнит себе под нос слова молитвы на чужом языке.

Столбы вырастают неожиданно, серо-стальные, они теряются высоко в темноте. Вода отполировала поверхность до блеска, сгладила углы. Не видно ни окон, ни дверей. Лодка ударяется о стену, от удара доктор с криком просыпается.

Эхо его крика разбегается над водой.

— Тише! — шипит на него авар. Он встает и ощупывает гладкую поверхность, но зацепиться не за что.

Доктор морщится и трет лицо руками.

— Н-н-надеюсь, в-в-внутри те-те-пло, — шепчет доктор.

Девять-четырнадцать запускает сканирование. Даже если связи нет, должен остаться доступ к сохраненным файлам. Она ищет план или схему. Зонд сканирует и обновляет данные каждые несколько часов. Оператор молчит, а ее неуверенность растет. Бес перебирает файлы, но ничего не находит.

— Поплывем вдоль стены, — говорит Терранс. — Где-то должен быть вход.

— Когда устанавливали эти столбы, — говорит Преподобный. — Здесь была пустыня, и если где-то и есть вход, то он глубоко под водой.

Девять подползает к краю и протягивает руку, чтобы коснуться стены. На ощупь она не похожа ни на камень, ни на металл, которые используют люди. Не похожа и на серебрум, тот пористый, как губка, от воды он бы слоился и отравлял воздух ядовитыми парами газа. Это скорее стекло или керамика. Черная вода не оставляет на стене следов: ни коррозии, ни ржавчины. Местами под пальцами попадаются еле заметные углубления. Возможно, это места крепления между плитами. Швы от сварки, как на старых кораблях, выглядели бы продольными линиями, а это похоже на точечные заклепки. Плавные линии, закругленный нос, заклепки. Девять задирает голову и смотрит вверх, на столбы.

Терранс берет весло и отталкивается им от стены, лодка медленно двигается вперед, стена плавно изгибается.

— П-п-почему з-за нами не в-в-выслали патруль? — спрашивает доктор.

— Доктор прав, вам не кажется это странным, авар? — спрашивает Преподобный. — Нас будто намерено вытеснили к воде, но на берегу не было ни одного гвардейца, — вслух рассуждает Преподобный. — Странная ловушка, скажу я вам!

Терранс смеется.

— Творец видит, а моя мать знает и этого достаточно!

— Вы думаете, авар, мэтресс нас отпустила?

— Вы кое-чего не знаете о мэтресс, Преподобный, она никогда никого не отпускает, — говорит авар, вынимает весла из воды и склоняет голову, прислушиваясь. Рука доктора замирает с платком в руках, он как раз хотел высморкаться, но передумал, и теперь медленно убирает платок обратно в карман пиджака. В полнейшей тишине, где слышно только легкое касание волны о борт и стук диатона, авар снимает перчатку.

Он стоит во весь рост, лодка покачивается, невесомые искры красиво срываются с его пальцев в воздух. Они взлетают все выше, пульсируют и, наконец, освещают закругленный край стены. Все напряженно всматриваются в смутные границы света и темноты.

Девять смотрит и вдруг видит раскаленную фигуру в темноте. Воздух вокруг нее дрожит

и закручивается по спирали. От копны рыжих волос не осталось и следа. Там, где кожа заросла, на черепе пробивается белый пушок, голубой свет делает ее череп пепельно-серым, но от подбородка до ключиц, похожее на огромную заплатку, растекается красное пятно рубцовой ткани, в сердцевине сплошного черного зрачка тлеет алый уголек.

Обнаженное тело от плеч до щиколоток покрыто шрамами. Красные на черном, они не похожи на татуировки аvara, но тоже светятся в темноте.

Келлиана Аринэ расправляет руки, как крылья, отталкивается от стены и прыгает, в полете она поднимает руки и почти без всплеска входит в воду. Вода идет кругами, но кажется никто кроме Девять этого не видит.

Она наблюдает как расходятся неторопливые круги по воде и ощущает головокружение и тошноту.

Проходит минут пять и призрак Келлианы Аринэ вновь оказывается на стене. От горячего тела идет пар, черная жидкость сползает тонкими струйками по белому камню.

Отвесная, гладкая стена в высоту метров пять и в глубину, скорее всего, не меньше.

Если верить Аринэ, то вход под водой, но вода слишком холодная для человеческого тела и скорее всего убьёт их.

Или нет?

По данным экологического форума, черные воды Сеятеля умеют менять свои свойства, чаще всего это происходит в третьем триместре годового цикла. Зимой большая вода вдоль побережья Дерентии, прячется под лед и вдруг, невероятным образом, наполняется жизнью. Не смотря на холод, пробуждаются микроорганизмы, водоросли, рыбы и животные. К странностям вод Сеятеля можно еще отнести тот факт, что у берегов Ксаравии, например, черная вода кишит жизнью круглый год и там намного теплее, а у берегов Ардарии — никогда.

— Вход под водой, — говорит Девять-четыренадцать. Терранс поворачивается и смотрит на нее. Он мог бы попытаться. Холод воды не убьет его, как не убивает холод Изнанки.

Преподобный качает головой.

— Мы и здесь благополучно замерзнем. Полагаю, доктор со мной согласится.

— Я не... я не... хочу умирать з-здесь, — говорит доктор.

— Возможно, нам стоит вернуться? — осторожно предлагает Преподобный.

Авар качает головой.

— Некуда возвращаться, — твёрдо говорит Терранс лен Валлин. — Мы может двигаться только вперед.

Если все идет по плану, по плану мэтресс лен Валлин, значит это она выбрала для них именно этот путь. Но почему?

Испытание верой?

Второй раз она видит мэтресс лен Валлин когда ей уже присвоен номер 9/14. В пластиковой, стерильной обстановке девятого испытательного корпуса. Корпуса похожи на ступени лестницы, с первой по десятую, где она, как новорожденный ребенок, делает свои первые шаги в материальном мире. Где учится, где умирает. Она умерала трижды, прежде чем попала на предпоследнюю, сенсорную ступень.

Первое, что замечаешь, когда просыпаешься в новой оболочке, это как изменились цвета и запахи. Виртуальность оптоларса дает неестественно четкую картинку, но размывает все запахи, будто не попадаешь в ноты: хлеб пахнет рыбой, а мыло резиной.

Каждый раз после пробуждения, она ведёт себя как цай, и нюхает: свои руки, искусственные цветы в вазочке и даже пятна от кофе на столе.

В тот день, после воплощения, она сидит в столовой и так дезориентирована, что не замечает мэтресс лен Валлин, пока та не садится за стол напротив нее. Мэтресс складывает руки перед собой и барабанит пальцами по пластику стола, как по клавишам. От нее веет ледяным холодом воздушного побережья Рану Вербе и трудно отвести взгляд от серого океана в глубине ее глаз. Она думает, что раз мэтресс здесь, значит доктор Ларс Нада согласился на ее предложение.

Она ожидает услышать предостережение или слова поддержки. Как минимум речь, после которой она обязана выжить и во что бы то ни стало вернуться обратно, но вместо этого мэтресс спрашивает:

— Во что вы верите?

Она не понимает, наклоняет голову и вопросительно поднимает брови.

— Ваша осевая личность лишена религиозности, она отрицает как латирийского Единого бога, так и Творца. Вы же можете отличиться, вы знаете это? Вы не просто фрагментарная копия ее памяти, вы — другая вероятность, а значит, свободны менять мировоззрение. В самом вашем появлении заложен фундамент для веры. Каждое новое воплощение вам надо заново учиться верить в реальность, как себя, так и мира вокруг. Верить новым органам чувств. Воспринимать мир иначе, чем прежде. Подумайте об этом. Когда вы окажетесь там, по ту сторону Предела, наука вам не поможет.

— Вы предлагаете опираться на веру в чудо?

— Если вы чего-то не понимаете, то это не чудо, это брешь в ваших знаниях. А я сейчас говорю о вере. Вера — это признание чего-либо истинным, вопреки всему. Допустите мысль, что Творец сохраняет всех, что смерти нет и времени нет, и чтобы родиться, надо умереть. Попробуйте представить себе эти догмы, как кнопки на терминале, нажав одну вы получите овсянку, нажав другую, кусок мяса. Вы же понятия не имеете как это работает, просто определенное действие приводит в определенному результату, вне зависимости от понимания процесса. Здесь точно так же. Перестаньте пытаться объяснить все. Откажитесь от желания подчинить себе мир, просто примите его.

Тяжело смотреть на это слишком ровное лицо с натянутой улыбкой, в тот момент она впервые рада, что глаза временной оболочки лишены цифровой четкости. Бес мог подкорректировать изображение или размыть его, но она просто отводит взгляд. Так делают люди.

— Вера во всемогущее существо, который следит за тобой и влияет на твою судьбу, это примитивная точка зрения.

— А что для вас значит "всемогущее"?

Пальцы мэтресс больше не барабаниют по столу, она разворачивает руки ладонями вверх.

— Смотрите!

Кожа на ладонях мэтресс гладкая, матово-белая, руки выглядят как у манекена в магазине. Она смотрит и видит, как на гладкой поверхности кончиков пальцев проступают отпечатки, четкие линии на ладони. По всей длине рук всплывают синие вены, появляются возрастные пятна, будто невидимый художник добавляет объёма, прорисовывает детали и тени, и вот перед ней на столе уже лежат худые, узловатые руки старухи.

Она поднимает глаза на абсолютно ровное лицо. Мэтрэсс больше не улыбается ей.

— *Когда-то давно, на земле, — говорит она. — Информация заменила сначала чудо, потом бога, а после и саму жизнь. Люди подчинили себе все, но их мир погиб, а мы лишь его далекое эхо. Отголоски памяти. Не можете поверить, так хотя бы подумайте над этим.*

И она думает, но чем больше думает, тем сложнее решиться. Девять встает и выпутывается из кокона одеяла, на ней все та же ночная сорочка и она босая. Холод, заметив добычу, мгновенно хватает ее за щиколотки.

Авар смотрит на неё и его зрачки сужаются, он уже понял, что она задумала. Она не слышит его пульс, но чувствует напряжение. Какое-то время они смотрят друг на друга, ледяной воздух между ними словно бы сопротивляется и дрожит. Выгоревшая татуировка отчетливее проступает на лице аvara, вспыхивает в последний раз и исчезает. Терранс отводит взгляд, достает нож из-за голенища сапога и делает три зарубки на каждой руке, кровь быстро сворачивается и из ярко голубой жидкости превращается в темно-синюю кристаллическую корку. Девять не понимает как это работает, но знает что в его крови — сеорид. Проводник для быстрой регенерации и скорости реакций.

Терранс наклоняет голову, прислушивается и бросает мимолетный взгляд в сторону берега, в прошлое, куда возврата нет. Терранс пошел не только против Императора, но и против Ордена, на берегу их ждет смерть и даже хуже того — забвение.

— Двери, ведущие внутрь, откроют путь наружу, — говорит Девять-четырнадцать. Сердце её колотится, живот крутит, как в центрифуге на предполетных испытаниях. Если она права, то перед ней тот самый корабль, а значит, она любой ценой должна попасть внутрь.

— Смерти нет, — говорит она и голос ее звучит уверенно. Для нее смерти нет, ведь она просто память, записанная в оболочку. Сделав глубокий вдох, она повторяет еще раз:

— Смерти нет, а чтобы родиться, нужно умереть.

Преисполненный веры, Преподобный Даниил поднимается. Снимает плащ и отбрасывает в сторону. Отстегивает пояс и начинает снимать с себя аюбу. Она длинная и будет мешать ему в воде. Пояс он застегивает поверх нижней рубахи, поправляет маску на лице и мешок с кислородом.

— Аяя, позвольте взять вас за руку, — просит Преподобный. Девять-четырнадцать кивает и нащупав в темноте его руку, она сжимает сухую, горячую ладонь.

— Доктор, придется прыгать, — говорит авар, но доктор от страха только мычит.

— Н-н-н-нет, я... не ...!

— Помните, доктор, пути назад нет, — говорит Терранс, хватая доктора за ворот пиджака, встряхивает и прижимает к себе. — Сделайте очень глубокий вдох, доктор!

Она смотрит на темную, маслянистую воду. Вода густая и холодная. Совсем не похожа на бассейн в научном городке. Если она ошиблась, то они все умрут, а ее выбросит обратно в оптоларс.

— На счет три, — и она начинает считать. — Раз, два...

— Три, — выдыхает Преподобный и вместе они делают шаг за борт.

Холод впивается в тело. Она отпускает руку Преподобного и открывает глаза, вокруг нет ничего, кроме темноты. Вода слишком густая, слишком холодная и она утягивает ее вниз. Тело тяжелое и каждое движение требует огромных усилий. Она пытается всплыть на поверхность, но лишь тратит силы и кислород. Инструктор говорил ей — выдохни, расслабься и не сопротивляйся. Опустись на самое дно и оттолкнись.

Ее накрывает паника и она забывает все, чему ее учили.

В ушах раздается оглушительный писк, это бес подает сигнал тревоги. Ногу сводит судорога, Девять кричит и выпускает остатки воздуха. Красный сигнал беса на сетчатке вспыхивает ослепительно ярко. Она делает судорожный вдох и черная вода заполняет легкие.

Мэтресс Ванесса лен Валлин

На дисплее мигают цифры, но ты не можешь их разобрать. Лицо закрыто маской. С тихим шелестом по трубкам сливается соленый раствор. Камера считывает показания с беса и посылает сигнал, терминал начинает автоматическую разгерметизацию. Шипит воздух. Ты хватаешься за поручни вдоль стен камеры, сжимаешь их изо всех сил и чувствуешь холодную поверхность под пальцами. В невесомости нужно за что-то держаться.

Каждое пробуждение напоминает тебе: материя не бесконечна. Ты распадаешься. Медленно, но неотвратно, тело превращается в песок, мелкий, белый песок. Требуется все больше ресурсов и времени на восстановление.

Крышка камеры отползает в сторону.

Яркий свет. Гудение фильтров и запах очистителя. Мир вокруг растекается черно-белыми кляксами. Надо смыть раствор и закапать в глаза реконструктор для сетчатки. Пройдет несколько часов, прежде чем ты сможешь назвать это тело своим.

Размытый силуэт в белом комбинезоне наклоняется над камерой. Ты узнаешь едкий запах синтетика. Тебя берут на руки, словно ребенка и вынимают из утробы.

Кровь начинает стучать в теле, тепло бежит по венам, мышцы сокращаются.

Тебя усаживают в кресло и закидывают голову. Ты чувствуешь жжение, моргаешь, по щекам текут слезы.

Времени нет и смерти нет, но есть боль, она вытянулась вдоль позвоночника и грызет тебя.

Сохраняться все сложнее. Памяти слишком много, и чем глубже проникаемость, тем быстрее тело приходит в негодность. Последние несколько лет ты меняешь оболочку каждые сутки. Забвение для тебя роскошь. Времени нет, но время еще не пришло.

Теплая ванная, мягкий халат и кресло. И вот ты, наконец, в своей каюте. Панорамные окна зашторены. «Лик Аурелии» висит очень высоко, система зеркальных фильтров защищает каюту от температуры и яркого света. Еще пара часов и ты сможешь самостоятельно встать и одеться, а пока тебя бережно пересаживают на мягкую кровать, укладывают и подключают к системе. Одна игла входит в шею, вторая в бедро, жесткий каркас кровати принимает форму твоего тела, ты опускаешь голову в ложбинку и закрываешь глаза. Бес запускает восстановительную процедуру каждые сутки. Это еще несколько часов, но для тебя времени нет. Только те, чья жизнь коротка, не умеют ждать.

Двое — неживые, системные координаторы, покидают твою каюту. Их программы идентичны. Их память обновляется каждые четыре часа. Никто не должен знать о твоей уязвимости. О темноте и холоде, из которого ты воскресаешь каждый раз. Слой за слоем система восстанавливает твою оболочку, но вес тела, звуки и ощущения не способны заполнить пустоту внутри. Впереди грозowymi раскатами и вспышками молний расцветают вероятности, надо бросить якорь, иначе унесет.

Ты давно забыла, что такое отчаяние, но в первый час после пробуждения, ты ближе всего к его подобию. Приходится призывать разум к смирению и успокаивать сердцебиение. Невозможность вспомнить, невозможность вернуться в то самое мгновение, когда все началось.

Твои корни глубоки, но ты не можешь опуститься на самое дно колодца, не позволяют

Тени. Когда живешь слишком долго, память приходится ампутировать, как гниющую конечность.

Определяет ли форма суть или суть определяет форму, но память здесь определяет все.

Здесь и сейчас тебя зовут Ванесса лен Валлин, чужое имя из сотен чужих имен, которые ничего не значат. Кто она? Кем она была? Ты знаешь, но не можешь дотянуться, ты призываешь память, словно духа из глубины колодца.

....Здесь и сейчас узкий зал литотеки залит ярким, искусственным светом. Ты поднимаешься на цыпочки и пытаешься снять контур с полки. Контур плоский с золотыми буквами термопечати на корешке и тонкими бороздками для проигрывателя. За спиной раздаются шаркающие шаги. Надо оглянуться, но ты не можешь повернуть голову...

...Здесь и сейчас ты слышишь скрежет металла. В темноте, за иллюминатором, вспышками света метет снег. В динамика оглушительная тишина, только писк беса на запястье.

Вы падаете, а ты думаешь лишь о том, что прокладка опять стерлась и шлем натирает подбородок.

Под кожей вдруг разливается острое и неожиданное, как порез, тепло.

Система компенсации просчитывает вероятности и пытается, предугадав возможные травмы, спасти тебе жизнь.

...Здесь и сейчас ты просыпаешься от крика, боль в сломанной ноге не позволяет вскочить. Рука нащупывает рукоять метателя прежде, чем ты открываешь глаза. Последнее, что ты видишь — лицо, видишь, но не успеваешь даже сделать вдох. Вспышка. И больше ничего нет. Никого нет. И времени нет и смерти нет. Все — ничто.

Загорается дверь. Система идентификации выводит информацию на экран. Панель встроена в изножье кровати.

По ту сторону стоит лейтенант Лара Икелла Аринэ.

Она убрала руки за спину, подбородок вздернут, глаза серые и пустые.

Ты берешь планшет и вводишь свой личный код. Система выдает список обновлений. Ты не доверяешь памяти и тщательно следишь за тем, что должны помнить окружающие. Обновление было инициировано больше трех часов назад. Лейтенант еще немного не в себе, но уже стоит под твоей дверью.

— Открыть.

Голосовая команда и три секунды на отдачу. Дверь открывается.

Лейтенант делает шаг и опускает глаза.

— Прошу прощения, мэтресс, — говорит Аринэ. На ней серый бесформенный комбинезон. Видимо новость застала ее в зале реабилитации.

— Говори.

— Императора отравили.

Ты обхватываешь ладонями мягкие подлокотники фиксаторов, чтобы скрыть дрожь.

Седьмая попытка за год и первая удачная, никаких сомнений, это латирийцы сделали свой ход. Поторопились, фигуру Дариуса еще слишком рано убирать с доски.

— Тело обнаружил его личный врач, — продолжает Аринэ. — Протокол запущен, будут ли дополнительные корректировки для его новой оболочки?

Ты моргаешь и фокусируешься. Мысленно посылаешь сигнал на бес и он выводит твое сообщение на дисплей терминала. Между тобой и лейтенантом загорается экран Сети. У тебя давно создан протокол на случай смерти Императора, ты уверена, что все пройдет

гладко.

Аринэ пробегает глазами текст, кивает и делает шаг назад.

— Будет исполнено.

Ее протест еле заметен. Напряжение в мышцах. Зрачки. Лейтенант не согласна с твоим решением.

Корректировка прошла неудачно?

Дверь загорается, ты видишь черный силуэт на фоне ослепительного света. Аринэ пригибается и перешагивает порог.

Вероятности клубятся. Пути несбывшегося. Тропы под Сень Древа.

Глубокий вдох. Ты должна вернуться. Опуститься на самое дно колодца. К истокам. К изначальному. Твои марионетки ждут тебя.

— Активировать систему “Аватара” Протокол 7630.

Корабль

Здесь и сейчас она призрак из темноты изначального, сущность, не ушедшая под сень Древа Алларих. Ее окружает чудовищной глубины колодец, где очень трудно удержаться на поверхности. Её качает на волнах памяти и прошлые жизни тянут вниз, на самое дно, к истокам, туда, где все началось, туда, где все всегда происходит сейчас.

Терранс вытаскивает её из воды, Девять кашляет и хватается ртом воздух. Открыв глаза, она меняет длину волны. Звучит резкий сигнал беса, на сетчатке появляется строка показателей. Она наглоталась черной воды, но оболочка стабильна, система беса эффективно борется с переохлаждением и отравлением тяжелыми металлами. Красный цвет иконок медленно сменяется светло-желтым.

Терранс снова ныряет в черную воду. В этот раз он возвращается с Преподобным. Старик с трудом выбирается на островок, кашляет и тяжело дышит. Руки по привычке ищут на груди диатон, диск на месте, но механизм не издает ни звука. Преподобный снимает цепочку и трясет его, но ничего не меняется. Старик садится, сбрасывает пояс, дырявый кислородный мешок и маску. Ему больно, но он переполнен смирением.

Последним выныривает доктор, он шарит в темноте руками, ища опору. Когда зрение возвращается к нему, он видит охладительные леса вдоль стен реактора и плывет к ним. Хватается за металлические поручни, подтягивается и неуклюже плюхается животом на решетку мостков, охает от боли и тяжело дышит. Чтобы всплыть, ему пришлось избавиться от одежды. От серого костюма осталась только подштанники, рубашка и носки. Доктор садится, обхватывает себя за плечи и щурится, пытаясь разглядеть в темноте остальных.

— Мы родились, — говорит Терранс лен Валлин. Его слова падают, как камни в колодец, порождая гулкое эхо. Он опускается перед дочерью на колени и обнимает ее за плечи. Девять бледна, она трясет головой, чтобы вытряхнуть воду из уха и часто моргает. Ее раздражает искусственно выращенный зрительный нерв, в который загружена программа беса. Сейчас бес пытается пробиться сквозь глубокую воду, чтобы поймать сигнал зонда-ретранслятора, для связи ему нужен доступ, но зонд не отвечает и точка контакта мигает в углу красным крестом.

Все четверо выжили и сейчас они в самом сердце корабля, в камере реактора. Из стен торчат ребра охладителей, покрытые плотной пленкой зелёной слизи, в центре белеют четыре пустых стержня. Самый высокий, упирается в темноту над головой, остальные ведут к нему, словно ступени лестницы. У самого основания черная, маслянистая вода.

Эру-вак спит уже много тысяч лет.

Девять чувствует холод, обнимающий тело Каттери снаружи и холод, идущий изнутри. Здесь и сейчас она всего лишь наблюдатель. Её память, собрана, как осколки разбитого зеркала, склеена в нужном порядке, и с помощью вируса, загружена в тело маленькой девочки. И она искренне верит, что должна спасти мир. Мир, о котором ничего не знает.

Бегут строчки кода на сетчатке. Интерфейс беса мигает, система с трудом пробиваясь сквозь глубокую воду, ищет и не находит сеть. Девять часто моргает, меняя длину волны. Она дрожит от холода, чувствует горечь на языке, запах металла и как авар обнимает ее за плечи. Приходит осознание — все живы. А голос мэтресс лен Валлин в ее голове все повторяет и повторяет: подумайте над этим. И выплевывая черную горькую воду, она правда думала, насколько было бы проще обрадоваться и помолиться, увидев свет в конце тоннеля,

чем пытаться понять, как он горит, кто его зажжет и зачем.

На сетчатке, в углу экрана, ее личный номер — 9\14, и запрос системы на удаленный доступ, но в эфире тишина. Бес запускает поиск, запускает его снова и снова, но никто не отвечает. Связи нет, но есть тело и оно слушается. Есть тело и цель, она должна выполнить задание, но чтобы все получилось авар должен верить ей, верить, что она — та самая мессия, вестница перерождения, которой доступна изначальная память. Но как убедить его, что она та самая, не имея доступа к информации? В ее ухе сейчас должен быть голос оператора, по ту сторону должна ждать команда, система без сбоев выдавать анализ данных об их местоположении. Но так вышло, что она совершенно одна и все ее знания ограничиваются программой подготовки. Это база от которой сейчас нет никакого толка. Из-за чуда новообретенного зрения, авар ей не доверяет и даже самая маленькая ошибка может стоить всего проекта. А на кону вода и воздух для будущего человечества.

Голос мэтресс лен Валлин продолжает навязчиво преследовать её:

"Вам надо поверить..."

И она вынуждена признать, что мэтресс права, вера нужна ей.

Терренс лен Валлин, доктор Гаару, Преподобный Даниил. Они должны поверить в нее.

А вера это признание чего-либо истинным, вопреки всему.

Вера Преподобного Даниила в Творца так же крепка, как и слепая. Он шепчет молитву, поднимая черные провалы глаз к крошечной тьме, он не сомневается. Он просит и его невидимый бог отвечает ему.

И девять-четырнадцать должна стать для них такой же непоколебимой истиной. Никто не должен сомневаться, что она тот самый сосуд для изначальной памяти. Мессия — предвестница нового мира. Только вера поможет ей повести людей за собой, чтобы спасти их.

Терранс касается пальцами ее подбородка и поворачивает лицом к себе, чтобы видеть в темноте ее новые глаза. Он долго смотрит в них, а потом спрашивает:

— Что ты помнишь, Терри?

Тут же раздаётся и голос Преподобного:

— Да, дитя, скажи, Творец говорит с тобой?

Терранс раздраженно дергает щекой, но не отводит взгляд. Девять смотрит в темную бездну ожидания авара лен Валлина. Ожидания чуда.

— Что ты помнишь, Терри? — повторяет свой вопрос Терранс, теперь он говорит тихо, чтобы слышала только она.

Наконец ей хватает смелости и она качает головой. Он отпускает ее и отстраняется. Она замечает, как появляется и исчезает тень разочарования на его лице.

— Терри, мне очень жаль, что мы не смогли спасти Келлиану, — неожиданно говорит авар. — Я знаю, ты очень переживаешь, но твои воспоминания все еще очень важны для нас. Только ты можешь рассказать людям правду! Ты справишься?

Она растерянно кивает, она совсем забыла о чувствах маленькой девочки. Забыла, что Келлиана Аринэ была лучшим другом Каттери и такая потеря должна сделать ей больно. На мгновение она видит в аваре отца, беспокоящего о своей дочери. Видит живого человека и что-то внутри сжимается, она начинает дышать чаще и система указывает ей на это сменой цвета иконок на экране. Бес переживает, что ее пульс слишком быстро растет.

Терранс кладет руку ей на плечо и говорит:

— Мы справимся.

— Ав-вар, — кричит из темноты доктор. Эхо его крика оставляет рябь на маслянистой воде. Терранс отпускает ее плечо, поднимается и поворачивается к доктору.

— Д-д-думаю, н-надо п-п-попробовать за-за-лезть на-на-верх, — говорит доктор Гаару и устремляет взгляд в высоту, туда, куда уходят охладительные леса. Мостки под ним скрипят, но держатся. И хотя авар стоит к ней спиной, Девять чувствует, как он напрягся. Доктор же на удивление бесстрашно подпрыгивает, цепляется за нижнюю трубку охладительных лесов и пытается подтянуться. Уставшая конструкция стонет и в тот момент когда доктору все же удастся перекинуть руку на следующий уровень, она с треском вылетает из крепления. Доктор с криком летит в воду, вслед за ним с гулким эхом падает часть охладителя, в воздухе кружится зеленая пыль из водорослей и плесени.

Девять моргает и не может выбрать соответствующую реакцию: закричать? Зажмуриться? Она не может заставить себя двинуться с места, словно потеряла контроль над оболочкой. Мысленно она приказывает бесу запустить диагностику.

Островок, на котором они сидят, омывает приливная волна, Преподобный пытается отползти назад и кричит:

— Расскажите что случилось!

Авар выпрямляется, делает шаг вдоль скользкого края и смотрит в черную глубину, в которой скрылся доктор.

— Доктор героически упал в воду, проверяя наше убежище на прочность, но не волнуйтесь, Преподобный...

Не успеваает авар договорить, как голова доктора появляется на поверхности. Он выплевывает воду и нервно смеется.

— П-п-п-лохая б-б-была и-и-идея, — говорит доктор. Подплывает к краю островка и пытается вытащить себя на поверхность, но постоянно соскальзывает. Авар наклоняется над ним, хватая за ворот некогда белой рубашки и вытаскивает из воды. С доктора ручьями течет черная вода, его колотит то ли от холода, то ли от страха.

Доктор проявил неожиданную смелость, граничащую с отчаянием, и впервые во взгляде авара нет презрения, а уголки губ его поднимаются в подобии улыбки.

— Просто в следующий раз вспомните сколько лет этим конструкциям, — говорит авар. — И мне не хочется вас огорчать, доктор, но думаю там наверху выхода нет, система кажется замкнутой. Мы попали внутрь через открытый шлюз, а не пробоину в корпусе, скорее всего эта часть корабля затоплена специально.

В ее голове эхом отражаются слова авара: затоплена специально. И да, она знает, что он прав. Она всматривается в черноту воды, ее взгляд скользит по стенам резервуара, теперь Девять помнит слово “эру-вак”, и знает, что они на самом его дне. Если приблизить стены, то отражающая поверхность реактора напоминает чешую. Серебристую чешую под плотной пленкой зеленой слизи. Изначально этот корабль построили для погружения в океан. Ледяной океан, спрятавшийся под белым панцирем планеты. Девять так же знает, что эру-вак работает на биотопливе, и он был законсервирован, прежде чем его затопили. Но затоплен только технический, нулевой уровень, который отделяет от воды легкий корпус, а один внешних шлюзов оставили открытым. И раз корабль не лежит на дне пролива, значит внутри отсеков все еще остался воздух и внутренний прочный корпус герметичен. Если корабль жив и есть запас воздуха, то можно закрыть шлюз, продуть нулевой уровень и всплыть.

Если корабль жив.

Девять закрывает глаза и слушает. Что-то вибрирует под ногами, еле-еле, возможно это всего лишь волна, что бьет в корпус снаружи, но звук настойчиво повторяется. Она знает, что если корабль жив, то аварийная система должна реагировать на внешние раздражители. Ее парализует страх. Пугают новые знания, пришедшие как бы сами собой. Невидимые, как радиация, они проникают ей в голову и кажется словно они были там всегда.

Бес закончил диагностику ее оболочки и не нашёл причин для беспокойства. Девять вызывает интерфейс на сетчатку и сама просматривает данные, диаграммы и графики, отматывает временные метки и видит острые пики, видит провалы и долгое плато. Ничего нет. Одна причина для тревоги отступает, но появляется другая: они в ловушке.

Авар садится на корточки у самого основания стержня и слушает. Сжимает и разжимает кулак, морщится. Сеорид с его лица окончательно вымыло водой, остались только затянувшиеся шрамы.

Мэтресс заманила их сюда, значит ли это, что они нашли тот самый корабль, который долетит? Чем больше она думает об этом, тем больше ей кажется, что знания, всплывающие в ее голове тоже не случайны. Их ей подсунула мэтресс, скорее всего еще на этапе подготовки. Она знала, что связь с оператором оборвется, знала, что Девять останется здесь одна, и надеялась, что под влиянием волшебных знаний из ниоткуда в ней зародится сомнение. Возможно, так она надеялась посеять в ней веру. Веру в Творца бесконечного и милосердного, который все видит и все знает. Девять чувствует, как сквозь ватную, замерзшую оболочку пробивается горячая кровь злости.

Может ли Творец, заменить фильтры на Атмосферных станциях? Обновить шестеренки в глубоководных Сеятелях? Найти им пресную воду, или обновить системы очистки? Если Творец способен на это, то она готова в него верить и даже молиться ему, но пока для нее Творец это всего лишь другая планета, а Алькаан захваченный его притяжением спутник, и всем живым на этом спутнике, придется решать свои проблемы самостоятельно.

Она признает, что знания Изначальных, знания тех, кто когда-то первым прилетел на Алькаан и построил мир внутри Предела, помогли бы спасти людей, и она бы все отдала, чтобы получить доступ к источнику таких знаний, но она не верит в его магическую природу. Изначальные были такие же люди, просто уровень технологий превосходит их понимание. Если что-то важное и сохранилось, то, скорее всего, они найдут это на орбите, где до сих летает корабль изначальных или на нулевой станции, где могли сохраниться записи.

Она вспоминает, что привело ее сюда, это помогает стряхнуть наваждение и паралич страха.

Голос мэтресс лен Валлин в ее голове смеется: Разве ты не видишь, что ты всего лишь марионетка?

Девять трясет головой и, осмелев от злости, говорит:

— Надо разбудить корабль!

Авар поднимает голову и внимательно смотрит на нее, искра надежды топит лед в его взгляде.

Набрав в грудь больше воздуха, она решительно продолжает:

— Можно пробить брешь в стенке реактора, чтобы туда хлынула вода, тогда запустится аварийный протокол.

Она делает паузу, чтобы все успели понять смысл сказанного, и добавляет.

— Но если протоколы безопасности не сработают, система может не успеет опознать

нас, и тогда переработает на топливо для этого самого реактора.

— А как корабль должен нас опознать? — спрашивает авар.

— Когда ты не видишь кожей, ты слеп, — повторяет она слова Аринэ и многозначительно замолкает. Она смотрит на стену реактора, похожую на чешую. Здесь нет никакой магии, только технология. Чешуя — сенсорный кожный покров эру-вака. Он распознает различные типы биоматериала до запуска процесса расщепления. Она знает какой это риск, но другого способа попасть в командную зону корабля не видит. Модуль реактора автономный, он полностью изолирован от остального корабля.

— Корабль бросили жизнеспособным, — скорее для самоуспокоения говорит Девять. — Им собирались снова воспользоваться. Мы попали внутрь через открытый шлюз, а разгерметизация двигательного отсека при длительном затоплении корабля не случайность, а необходимость, она нужна для поддержания в реакторе жизни. Те, кто покидал корабль, хотели сохранить его функции. Зеленая пленка это естественный защитный барьер эру-вака.

Терранс щурится и по-новому оглядывает реактор. Теперь он видит в нем врага.

— Так это тварь живая и способна нас сожрать?

Пока Девять обдумывает, что ответить, он в очередной раз сжимает кулак, будто выжимает воду из камня, и никого не предупредив, бьёт в основание островка. Поверхность трескается и трещины разбегаются симметричным рисунком. Девять узнает узор, это тяжёлый и холодный йондаль земли. На костяшках пальцев Терранса проступает бледно-голубая кровь. Он хрипит и открывает рот, будто захлебывается. Узор печати дымится и покрывается инеем. Девять не успевает закричать, первая волна обрушивается на авара и тот исчезает в черноте за краем, следующая волна добирается и до нее. Она падает в ледяную воду. Звуковой сигнал беса орет в ушах. Мысль вспыхивает и гаснет, как красная паутина перед глазами. Система анализирует повреждения, экран на сетчатке горит красным. Последнее, что она видит, как над черной водой будто взрыв, разливается алое зарево.

Протокол системы безопасности прерывает сон корабля.

Корпус сотрясает дрожь. Загорается аварийный свет. Запечатываются внешние шлюзы, в резервуар реактора врываются тонны воды, черная поверхность покрывается белой пеной. Вода поднимается быстро. Аварийный красный свет ламп сменяется ярким и белым. Внутри светло, как днем, обнажается голубое небо симулятора с черными провалами облаков. Система еще не восстановилась, ей не хватает энергии. Волна поднимается и протискивается через горлышко шлюза, накатывает на берег, оставляя четыре маленькие фигурки среди белого песка, а потом уходит обратно. Содрогаясь, гудит древний, тугой механизм и люк закрывается. Слой за слоем вокруг нарастает песок. Он шелестит, продираясь сквозь вентиляцию. Песок мелкий и соленый. Если вдохнуть его пары слишком глубоко, то он обжигает горло и легкие.

Она тянется и нащупывает границы колодца, видит ось и корни, все они связаны между собой Единым Древом.

Вот доктор, он барахтается, как жук, упав на спину, закрыв лицо руками, он кричит от страха. Он снова на войне, в окопе, ему кажется, что его разорвало миной на тысячу мелких кусочков, и на запах его крови сейчас сбегутся пауки.

Преподобный Даниил мысленно застрял в далекой, горячей пустыне Махаре, он чувствует привычный жар солнца и на него снисходит покой. Он ждёт. Он знает столько молитв, но ни одна из них сейчас не кажется ему подходящей. Он готов к смерти, готов к

встрече с Творцом.

Терранс лен Валлин хрипит, уткнувшись в песок лицом, у него нет сил подняться, он истратил слишком много сеорида на то, чтобы создать йондаль земли. Искусственный свет с неба жжется. Кожа на его руках от запястья до локтя покраснела и быстро покрывается волдырями. Кровь забивает уши, но он слышит, как стучит сердце. Сердце Каттери. Он приподнимается и оглядывается. Он видит дочь, она совсем рядом, лежит в десяти шагах от него. Мокрая ночнушка облепила тощие бедра, белая кожа оголена и беззащитна перед перепадами обжигающего света. Небо над головой мигает. Черные провалы сменяются яркой голубизной. Терранс закрывает глаза и вслепую ползет к дочери по ядовитому песку, он хочет укрыть ее, уберечь. Он старается не дышать, испарения обжигают горло. От недостатка кислорода кружится голова. И тут раздаётся громогласный голос. Голос говорит на языке Изначальных, но память корней помогает авару понять смысл.

“Добро пожаловать! Меня зовут Элисон Вонг, я командир экспедиционного судна "Сатурн". Миссия нашей экспедиции исследование дальнего космоса и поиск планет пригодных для создания жизни...”

Бес возвращает Девять в сознание, в тело, которое горит от боли. Интерфейс на сетчатке выдает поток данных и она видит себя со стороны. Сломанная, детская игрушка в рваной ночной сорочке среди белого песка.

Песок ид`т словно дождь. Нагнетается воздушной системой по вентиляции. Пока бес сканирует поверхность, она заставляет себя не двигаться, боясь увязнуть еще глубже. Бес говорит, что рядом есть кто-то живой. Девять приподнимает голову, меняет длину волны, чтобы не ослепнуть и на мгновение открывает глаза. Все вокруг полыхает, с каждой секундой становится все жарче. Над песком поднимаются едкие испарения, бес не может пробиться сквозь них и слепнет. Девять цепляется за искру чужого знания, которое говорит ей, что песок, это часть пищеварительной системы эру-вака, он ведет себя как желудочный сок и пытается растворить ее оболочку. Боль мешает думать, она посылает сигнал на бес, заглушить рецепторы, но программа не подчиняется.

И тогда Девять слышит:

“Добро пожаловать! Меня зовут Элисон Вонг, я командир экспедиционного судна "Сатурн". Миссия нашей экспедиции исследование дальнего космоса и поиск планет пригодных для создания жизни...”

“Добро пожаловать! Меня зовут Элисон Вонг, я командир...”

Она не может сдержать нервный смешок.

— Эй, командир! Перестань меня убивать, тогда и создавать жизнь не придётся!

От крика в глазах лопаются сосуды, Девять кашляет и вдруг понимает, что дождь из песка больше не идёт.

— Система не может опознать вас по голосу, — говорит командир Элисон Вонг. — Назовите ваше имя и личный номер.

Бес меняет цвет на красный. Даже химия в ее крови не справляется, оболочка Каттери быстро умирает. Девять видит какое-то движение и не знает, кажется ей или нет. Она моргает, пытаясь сфокусироваться. И вдруг лицо авара появляется совсем близко, Терранс наклоняется над ней и шепчет, окровавленными губами:

— Мелисса Кавано, код 9871469015.

Лицо авара размытое красное пятно. На месте его правой руки белеющие кости и лохмотья тканей. Девять не понимает, как он до сих пор не потерял сознание. Она поворачивается на бок, сплёвывает кровь и как можно громче повторяет имя и цифры.

Бесконечное число ускользящих секунд она ждёт ответа.

— Конфигурации твоей сущности один в один соответствуют той, которая прилетела на эту планету много тысяч лет назад, — хрипит остатками лёгких Терранс. — Ты истинное дитя Творца! Он сохранил тебя в корнях Древа, а потом перенёс твою личность на новый носитель. Ты должна выжить и переродиться. Терри, людям нужна твоя помощь. Твои знания могут спасти нас всех. Людям нужна свобода выбора, нужна истинная вера, вера в себя и человечество! Люди должны знать, что чего-то стоят. Ведь когда-то именно люди покорили космос, нашли множество планет, а теперь мы лишь тупое стадо, мы поклоняемся глухим идолам и кускам железа. Орден отнял у нас могущество и знания. Человечество умирает не от болезней и голода, а от неведения!

Девять делает порывистый вдох и горлу подкатывает тошнота, она кашляет и из нее

выливается кровь. Много крови.

Из динамика снова раздаётся голос командира Элисон Вонг, голос звучит громко и неестественно весело:

— Приветствую вас, Мелисса Кавано! Мы очень рады видеть вас частью нашей дружной команды. Мы надеемся, что наше сотрудничество поможет многим людям, в том числе и тем, которые вскоре смогут обрести на этой планете новый дом.

Свет гаснет. Девять пытается дотянуться рукой до лица, но лица нет и рук нет. Она моргает и видит свет в конце тоннеля. Перед ней высокое окно до самого потолка, она тянется изо всех сил, желая коснуться его, но проходит насквозь и падает вниз. В белый, мелкий песок. Этот песок оmyвает подол длинного белого одеяния, которого нет, а она скользит по поверхности невесомая, как ветер. Она останавливается лишь когда видит тело. Тело маленькой девочки, которая смотрит на неё провалами мёртвых глазниц. Песок отступает, как волна от берега, обнажая голый скелет. Она видит кости, белые, как лучшая бумага Императорского печатного двора. Кости Каттери лен Валлин.

Первой пробуждается боль. Кожа горит, глаза зудят, Девять ничего не видит кроме яркого света, она кашляет, пытаясь дышать, но лёгкие забиты жидкостью. Живот схватывает спазм, мышцы в ногах сводит судорогой. Она стонет и пытается свернуться в клубок, подтянув колени к груди, но что-то мешает. Боль держит ее за лодыжки, сжимает плечи. Фиксаторы.

Девять чувствует холод и как со всех сторон ее тело оmyвает вода. Она ощупывает пространство вокруг себя, руки скользят по гладкой поверхности керамической ванны, она помнит это ощущение. Помнит невесомость и слабость в теле. Внутри шевелится ужас. Она пытается аварийно вызвать интерфейс беса, но тот не реагирует на мысленные команды. Внутри темно и пусто. Память вспыхивает и гаснет, не позволяя ухватить суть. Мысль, как луч прожектора, обшаривает все углы, но не находит ничего кроме темноты и страха. Она осталась одна.

— Я изгнала беса из этой оболочки, — говорит голос. Голос звучит сразу со всех сторон. — Его интерфейс больше тебе не доступен. Ты должна увидеть мир таким, каким его видит Творец. Постарайся не сопротивляться, расслабься и дыши. Сейчас сикор выдернет трубки и ты начнёшь блевать. Блюй, пожалуйста, в отверстие, оно с левой стороны. Кивни, если поняла.

Что-то шевелится внутри, Девять чувствует приступ тошноты, поворачивается на бок и старается дышать чаще. Под ней подложка и на ощупь она напоминает гель, он пружинит под пальцами. Она чувствует запах антисептика. Её окружает стерильность и холод.

А что если, всего это нет? Что если, это всего лишь ещё одна лаборатория, где она снова подопытная особь с безликим номером вместо имени?

Голос в её голове смеётся.

Девять злится и кричит:

— Тебя нет!

— Это неверное утверждение, — говорит голос. — Живой вирус — это паразит и он распространил нашу память внутри систем корабля. Теперь у нас есть доступ, ведь кто-то же должен запустить программу расконсервации. Это хорошая новость для тебя, отсутствие зрения частично компенсируют внутренние сенсоры корабля.

— Кто ты такая?

— Давай назовём знакомое имя — Мелисса Кавано.

— Кто такая Мелисса Кавано?

— Разве это важно? — отвечает спокойный голос. — В мире, где память можно фрагментировать, конфигурировать, перезаписывать, какое это имеет значение? А теперь расслабься и не сопротивляйся, сикорам нужно вытащить тебя из ячейки и перенести в лазарет.

И Девять не сопротивляется. Она больше не хочет ничего решать и анализировать. Она просто закрывает глаза и соскальзывает в бесчувственную темноту, которую люди называют сном. И за мгновение до, вдруг понимает, как устала.

Сначала это всего лишь песок, мелкий, белый песок, ветер закручивает его в водоворот. Потом появляется звук. Звук настойчиво повторяется, он все ближе, все яростнее. Будто птица-рыба, пикирующая за добычей, шипастый хвост бьет по воде, летят искры.

Голоса. Один глухой, как стук барабанов. Он то нарастает, то вязнет в мелком, белом песке. Второй голос ровный, спокойный, он скользит, создавая рябь. Голоса переплетаются, цепляются друг за друга, сопротивляясь ветру. Она пытается разобрать слова, но не может.

Потом она видит две фигуры.

Первая девушка высокая, с темной кожей и зелеными глазами, у неё длинные волосы цвета меди, она стянула их в тугий хвост на затылке, руки скрещены на груди, шипы варлака, как колья, стоят дыбом. Она готова драться.

Вторая миниатюрная и загорелая. Светлые волосы коротко стрижены, глаза черны, будто большая вода, и затянуты бурными водорослями. Радужку штормит, то шире, то уже, как объектив Ока.

Она смотрит на них, она знает их.

В знак приветствия обе поднимают руки, показывая ладони.

Но есть и третья, она стоит спиной. Белая, короткая аюба, вышитая золотой нитью, высокие сапоги до колен и длинные, золотые волосы струятся по спине.

Она оборачивается и смотрит на Девять яркими, как у кошки, зелеными глазами. Образ расплывается и вот Девять видит только мазки чёрного на белом, и песок, белый песок. Его много, он идет рябью, потом волнами, он подкрадывается, хватая ее за ноги и пытается утащить вглубь. Его так много, что вот она уже по горло в нем и не может сделать вдох.

Вспыхивает и гаснет свет. Голубые проплешины неба над головой.

Девять больше не чувствует тела, ни рук, ни ног, но всё ещё видит. Видит она саму себя, маленькую девочку, Каттери лен Валлин, которая тоже смотрит на саму себя, но откуда-то сверху. Девять чувствует холод стекла под её пальцами, его гладкость. Смотрит и видит свои кости, чернеющие среди белого песка. Теперь она — горсть чёрной пыли. Частицы ее памяти притягиваются друг к другу и закручиваются по спирали вокруг останков.

Голос в её голове смеётся.

Теперь ты знаешь, как выглядит вирус памяти, дитя мое. Как выглядит бесконечность.

Лишь Гаард милостивый освободит тебя от памяти и этого песка, к которому ты приговорена навечно.

Сначала это всего лишь песок, мелкий, белый песок, ветер закручивает его в водоворот.

В итоге это всего лишь песок мелкий, белый песок, ветер закручивает его в водоворот.

Это — пустыня Арради. Её новый дом.

Они сидят друг напротив друга. Их четверо. Та, что сидит от неё справа, высокая с темной кожей и зелеными глазами, Анна Индира Ксарави.

Светловолосая, с короткой стрижкой и темными, как омут, глазами, Линесс Саатари.

Та же, что сидит ровно напротив неё, с золотыми по пояс волосами и неестественно-белой кожей, во все времена и во всех бесконечных вероятностях — Мелисса Кавано. Именно она была первой.

Изначальной.

Они, как звенья цепи. Три личности. Три жизни. Три фрагмента мозаики в глубине колодца. Разбитое на части единое целое. Цена, которую придётся заплатить каждому, кто захочет жить бесконечно.

И теперь она тоже здесь, среди них, ещё одна часть мозаики.

— Добро пожаловать, дитя мое, — говорит Мелисса и смеётся. Лицо её меняется, примеряя печальное выражение. Все в этом лице неправильно, от симметричности до пластиковой гладкости. Оно как безликая маска, которую надевают монахи чодари в День Памяти.

— Прекрасное сравнение, — говорит Мелисса. — А знаешь, откуда взялась эта традиция? Скрывать лицо под маской? Это маска Единого Древа, когда тыходишь в круг Единения, так выглядит твоё отражение в воде. Там нет лиц. Нет личности. Один есть все и все есть один. Ветвь, которую украли Вестники из нашего Сада, но не знали, что с ней делать, привела их в круг Единения, связала всех между собой, лишив индивидуальности.

— Не обращай внимания, это деформация, — говорит Анна. — Невозможно прожить вечность и не заикнуться, она может рассказывать тебе эти истории бесконечно. Память — все, что у нас осталось.

— Но почему вы здесь? — спрашивает Девять — Почему вы не ... найдёте Гаарда?

— Круг Единения? — смеётся Мелисса. — Мы уже были там, нам не понравилось.

— Тебе не понравилось, — говорит Линесс Саатари. — Я бы предпочла все, что угодно, главное без тебя.

— Я — это ты, — отвечает Мелисса. — Не даётся тебе смирение, богиня!

— Хватит, — отрезает властный голос Анны.

— Простите, ваше Величество, как мы посмели, — улыбается Мелисса и церемониально кланяется, прикрывая лицо ладонями. Смех ее звонкий и озорной. Она убирает руки от лица, раскидывает их, как крылья и падает назад, спиной на песок, поднимая вокруг себя мелкую пыль.

Смуглое лицо Анны невозмутимо.

Девять смотрит в это лицо и на неё накатывает очередная волна знаний из глубины их общего колодца. Анна Индира — королева Адара. Та, которая две тысячи лет назад изгнала людей из Белого города. Она видела время Великого Исхода народов, когда люди ушли в Низину, а потом ушли и цу-гемы. В надежде на свободу и лучшую жизнь, они отправились к берегам проклятой Равии.

Анна поднимает тонкую бровь и непонятно удивление это или вопрос.

— Не обольщайся, Анна, — говорит Мелисса и рывком садится. — В Книге начал ты просто одна из глашатаев Творца на троне Великого Города, его бессменное воплощение. Красивый символ, лишённый человеческих черт! Как я и говорила, зло не может иметь человеческий облик. Это как с нашей богиней смертной плоти! Да, Сатти? Твои последователи, что ждут твоего возвращения, даже помыслить не могут о том, что ты

развоплотила целый континент не из милосердия, не чтобы спасти все эти сотни тысяч душ, а от ярости и боли, которую не смогла сдержать.

— А боль и ярость это значит, не по-человечески? — спрашивает Линесс Саатари, та, что теперь зовётся Саатара, богиня смерти.

— Нет-нет, — качает головой Мелисса. — Она не богиня смерти, это очень важно понимать. Она именно богиня смертной плоти. Плоть — клетка, из которой нужно выпустить на волю бесконечную сущность, освободить, вернуть её в круг Единения Творца. К корням Великого Древа. Смысл этого мифа уходит глубоко во времена создание живого вируса, когда человек, воспротивился власти Творца и привязал свою сущность к плоти. Так люди хотели жить вечно, но плоть тленна, а сущность бесконечна, бессмертие обернулось для людей проклятием.

Мелисса смотрит на неё и кажется видит насквозь, до самого песка, что разъял плоть и кости, вплоть до структуры вируса, который приковал ее к песку биореактора. Теперь Девять тоже тлен и память.

— Поэтому, — продолжает Мелисса, — каждый раз, когда человечество заново изобретает вирус, Творец уничтожает мир и начинает все заново.

Уничтожает мир.

И она видит этот мир, мертвый мир, покрытый панцирем из льда. Мёртвый, равианский континент, некогда цветущий оазис, превращённый в голый, черный камень. Поверхность его, как мертвый глаз, смотрит в ровное, бледное небо.

— И ничего нельзя сделать?

— В прошлый раз мы смогли остановить обратный отсчёт, но для этого пришлось почти полностью уничтожить жизнь на Алькаане, — говорит Анна. — Это было очень давно, мир еще не был так огромен, и жизнь была сосредоточена на одном континенте. Линесс разрушила купол и призвала Гаарда с той стороны, он освободил сущности людей от плоти, а Равия навсегда была похоронена под песком. Сейчас вы зовете те времена Белой эрой.

— Я согласна начать с начала, — говорит Линесс. — Меня этот мир больше не касается.

— Ты что же думаешь, что в новой версии себя ты не сделаешь все точно так же?

— Я всегда буду второй после тебя, — улыбается Линесс, её черные глаза сужаются в щёлочки. — Это тот случай, когда приятно уступить первенство.

— И мэтресс знала, что так будет когда выпустила вирус? — спрашивает Девять у Мелиссы.

— Она надеется его использовать, — отвечает ей Анна. — Пока мы не способны навязать свою волю Творцу, все бессмысленно. Мы будем рождаться и умирать, ходить по кругу. Ванесса верит, что вирус — ключ к нашей свободе.

— А я ей зачем?

— Для равновесия. Она сделала тебя хранителем колодца, потому что не доверяет нам. Мы все просто информация, но записанная разными способами. Из-за вируса, система не может поменять нас местами или разделить. Чтобы мы не делали, при перерождении последовательность будет сохраняться. Память будет записываться и кодироваться именно так, чтобы ось колодца — память Мелиссы Кавано, оставалась недоступна.

Мелисса кивает и выглядит задумчиво.

— О, агнец, милостью его, я отвергаю кровь и плоть, я говорю за ту, что облачит твои надежды, чаяния и боль в развеянные по ветру песчинки. Позволь мне не сказать, зачем

пришёл. В твоих глазах навеки я, как отражение. Смотри в меня и слушай ветер единения.

— Это поэма Фархада Или, “Странники пустоты”, — поясняет Анна. — Или развоплотился две тысячи лет назад. Не пора ли от лирики перейти к делу? Мэтресс хочет, чтобы мы подняли корабль со дна, если я все правильно понимаю.

Мелисса улыбается.

— Я знаю, чего хочет Ванесса и не позволю ей диктовать мне условия.

— Извечная гордыня! — качает головой Линесс. — А мир вокруг пусть горит синем пламенем!

Сначала это всего лишь песок, мелкий, белый песок, ветер закручивает его в водоворот.

В итоге это всего лишь песок мелкий, белый песок, ветер закручивает его в водоворот.

Теперь Девять знает, что есть цвет, красный и синий, есть фигурки из глины, а жизни нет. Есть память, бесконечная память и конечная форма, а в чем смысл? Зачем они здесь? Она не понимает кто она и зачем ей быть, когда весь мир — иллюзия. Пыль и песок. Мир, в котором Творец сохраняет всех, но в котором нет свободы воли. Нет ничего по-настоящему нового. Трудно осознать, что такое вечность. Позади пустыня, впереди пустыня, а посередине всего лишь шаг. И все будет повторяться, и повторяться неисчислимо.

— И что теперь делать? — спрашивает Девять.

— Тебе больше ничего не надо делать, дитя мое, — отвечает насмешливый голос. — Просто уступи мне место!

Первым Странником пустоты был некто Фредерик Баум. Он родился на земле, на стыке времён, когда экологическая катастрофа превратила большую часть мира в пустыню. Он стоял у истоков проекта “Переход”, создавал новую экосистему, систему городов-станций на орбите умирающей планеты земля. Но в истории Фредерик Баум остался не как инженер, строивший колыбель для нового человечества, а как первый человек, чья память была оцифрована и сохранила структуру личности. Именно Баум стал первым живым вирусом, вирусом с человеческим лицом. И хотя память его так и не воплотили, именно он стал предвестником нового мира.

Три сотни лет спустя, когда в раздробленном мире вспыхнула случайная искра и родилась великая ересь, уничтожившая все мировые религии, именно Фредерик Баум был вознесён на олимп, поднят на флаг, чтобы стать символом иннатистов, первых проповедников бессмертия. В основе их веры лежало воскресение, концепция возвращения к жизни после смерти. К жизни телесной, ведь как говорила библия, тело есть неотъемлемая часть единого человеческого существа. Тело, как и душа, разделяло как тяжесть греха, так и блаженство. Но плоть не давалась даром, цифровая сущность должна была заслужить право ее обрести. Так, в мире информации, где сохранялось все, была воплощена библейская идея чистилища. Люди отказались от идеи спасти материальное человечество и выбрали спасти лишь опыт, они создали единое хранилище памяти.

Спустя несколько тысяч лет и миллионы километров Мелисса смотрит на результат их творения, на своё чужое отражение в зеркальной поверхности панорамного окна, и ее переполняет то самое бессмертное знание. С одной стороны она — фрагмент, часть чего-то большего и сейчас, не имея доступа к целому, ощущает боль там, где лежит обрыв связи с Творцом. С другой стороны ее накрывают фантомные боли, отголоски человеческой памяти, ось колодца, ее личность требует материального воплощения. В ее власти сверхчеловеческий разум и его вычислительные способности, но ни один сенсор корабля не способен в полной мере компенсировать отсутствие тела. Человек внутри цифрового сознания, как гусеница, что стремится переродиться в бабочку.

Память о том, как это, быть по-настоящему живым, заложена в фундамент. Если в чем иннатисты и были правы, так это в том, что цифровое знание и опыт бессмертны, единственное чего она не могла — это забыть. Забвение стало роскошью, смерть — мифом, жизнь потеряла смысл, а в противовес обрела бесконечную пустоту.

Мелисса смотрит, как Терранс лен Валлин делает свой первый вдох. С шипением открывается крышка инкуба, утекает в сливные отверстия густая, мутная жидкость желтоватого цвета. Авар кашляет и отплевывается, он не может открыть глаза, слишком ярко, слишком больно.

И живые и неживые, все приходят в этот мир в муках. Слепые и беспомощные, они хватают ртом воздух и потом все отпущенное время цепляются за него, зависят от него, воют и умирают за него.

Заложенные в основу оболочки Терранса конфигурации, трудно назвать базовыми, технологически “Привратник” неповторим. Ему доступен код для изменения структуры

Изнанки, с его помощью авар способен прокладывать маршруты и открывать порталы. Кровь в его венах содержит проводник, более эффективный, чем сеорид, помогая оболочке сохраняться, вопреки максимальной проницаемости. Также впервые они использовали новые точки контакта, созданные с помощью термогенетики. Новая технология позволяет мгновенно связываться с Творцом. Скорость регенерации и возобновляемые химические процессы делают эту оболочку почти бессмертной.

Мелисса всматривается в авара, как в произведение искусства. Они создали его из изначального конструкта, но он уникален. Он принимает сигнал и обрабатывает его с невероятной скоростью. Такой скоростью обработки информации могут похвастаться лишь Ткачи, но их она в расчет не берет, они не люди, это коллективная структура и создана она была по образу Единого Древа Творца. Вычислительные мощности ткачей во много раз превосходят человеческий мозг. Человека же Творец воспроизвёл с истинной точностью, а они лишь подкорректировали его. Усовершенствовали. Все остальное сделало время. Именно время научило сознание распадаться на составляющие, фрагментировать отдельные части личности и отбрасывать их, как балласт, оставляя доступ лишь к сухому остатку — информации. Инсайт это еще и умение собираться и распадаться, сбрасывая балласт эмоций и чувств, увеличивая при этом вычислительные способности и точность реакций.

Мелисса не может оторваться от любования совершенством и испытывает что-то похожее на восторг, виртуальная кора её виртуального мозга полыхает, расшифровывая сигналы от сенсоров, но не может выйти за границы доступного. Больше всего она жаждет воплотиться, примерить эту оболочку, ощутить ее безграничные возможности!

Терранс ничего не видит, вслепую он пытается выбраться из камеры, поскользывается и падает на мягкий, плексовый пол. Плекс быстро поглощает в себя избыток жидкости. Терранс некоторое время лежит на спине, потом перекачивается на бок и пытается встать, но мышцы ещё слишком слабы, руки и ноги дрожат.

Мелисса посылает сигнал, чтобы приглушить слишком яркий свет и отдаёт команду сикорам позаботиться о нем. Пройдет еще несколько часов, прежде чем станет понятно, можно ли использовать его возможности и переместить корабль через портал.

Поступает сигнал тревоги с новой камеры, где только что проснулся Преподобный, Мелисса переключается на другую строку показателей, и видит, как новорождённый старик бьется о крышку инкубатора. Экран терминала горит красным, случился очередной скачок мощности и автоматы-фиксаторы открылись раньше времени, а сток не запустился вовремя. Преподобный вот-вот захлебнется, не успев родиться.

Аварийное появление на свет это больно, гелевый мешок отделяется от жёстких стенок камеры, сжимается вокруг оболочки, а система сбрасывается его через шлюз на дне инкубатора, семь секунд удушья и паники, и гель, оказавшись на ярком свете, распадается. И вот уже два голых тела лежат на полу, а вокруг суетятся кривоногие сикоры, оказывая первую помощь. Матовые, серые стены не отражают ничего. Потолок поднимается выше, увеличивая объем воздуха, интенсивность освещения падает еще на два процента. С гудением из стены выезжает третья камера инкубатора, где вот-вот проснется доктор. Мелисса знает, что система снова ограничила выработку кислорода, оставив пригодным для дыхания инкубаторный зал и медотсек. Все четыре жилые палубы были экстренно законсервированы.

Корабль работает на пределе возможностей. Процесс перерождения требует дополнительных мощностей, а на переработку воды из пролива, нужно время, если они хотят

превратить ее в энергию.

Корабль копошится на самом дне. Кипят остатки грязной воды в недрах породы, там, куда с шипением вгрызается бур, клешни быстро дробят камни, а фильтры просеивают песок. Корабль, как краб, закапывается в недра земли, оставляя за собой широкую колею и ядовитые испарения, сквозь которые не увидит ни один визор или зонд. Обманывая сенсоры, система выпустила четырнадцать болванок с отработанными отходами и рассеяла их под куполом. Бегут секунды и минуты, отсчитывая срок, через который Предел восстановит свои свойства и вернет к прежним показателям уровень атмосферы.

Мелисса видит, как уходит время, но все еще не знает, сможет ли подняться в воздух. Они с кораблем теперь одно целое и она знает, что он голоден, чувствует, как сильно его сенсорная кожа изъедена коррозией и химическими отходами, а обшивка местами деформирована из-за давления воды. Он пролежал на дне пролива две тысячи лет, а время, которого для нее нет, безжалостно к любой плоти.

Из инкубаторного зала Мелисса перемещается на мостик и отправляет команду создать нового аватара. Её отражение замирает на зеркальной поверхности внутренних щитов мостика. Она рассматривает его с особой тщательностью, как что-то чужое или отталкивающее. Лицо до боли знакомое. Широкие скулы, щелочки вместо глаз, тонкие губы, волосы командир Вонг всегда собирала в хвост. Открытый лоб, не знавший чёлки, казалось вытягивал лицо еще больше.

Мелисса отказывается от идеи воспользоваться готовым шаблоном, аватара с лицом командира Вонг тускнеет и появляется новый образ. Теперь в зеркале отражается фигура двенадцатилетней девочки Каттери лен Валлин. Это можно было бы назвать актом смирения, если бы искусственный разум был способен на такое.

Система пересылает ей очередной пакет данных с внешних сенсоров и выводит обратный отсчёт на её запястье.

13.12.47

.....46

.....45

Тринадцать часов. Потом атмосфера прояснится, Предел залечит раны, заработают сенсоры и система Творца начнёт снова синхронизировать точки контакта. Как только атмосфера прояснится и исчезнут помехи, зонды-разведчики их обнаружит и мэтресс поймет, что корабль не взлетел.

Пока Мелисса не может вывести из предпосылок, что в итоге она сделает. Непредсказуемость той, что способна видеть вероятности, вызывает у ее виртуальной системы сенсорные неполадки. Будь она сейчас человеком у нее волосы встали бы дыбом, Ванесса сильно беспокоит её, а надо ещё разделаться с вирусом, который изменяет структуру кода. Системе никак не удаётся сбросить настройки конфигураций оболочки и задать новые параметры. Она снова и снова возвращает ее память в тело двенадцатилетней, слепой девочки, а в довесок копирует туда ещё и фрагменты воспоминаний Девять-четырнадцать.

Мелисса переключает внешние щиты, зеркальная поверхность исчезает, теперь сенсор показывает, что происходит снаружи и выводит это на экран визора. Клубится пыль, буры встали, дойдя до непригодных для переработки слоёв породы. Процент органики настолько низкий, что трудно поверить, что под ними дно океана. Океана, в котором нет жизни. Уже нет. Урожай был собран в конце зимы, и голодному кораблю остается только копаться в

кальциевой пыли поверх карбидного панциря. Новый донный слой начнет расти только в начале лета, когда на Алькаан упадет Тень Творца. Своим явлением Творец запустит новый виток Сеятеля, активирует течения, которые принесут изменения в состав мертвой воды. И к тому моменту как вылупится первая волна молодняка киаату, вода у этих берегов будет полна жизни, чтобы голодные головастики, еще не умеющие летать, могли добывать из нее пищу. Мир Алькаана внутри Предела создан не ради человека, но люди долго и упорно корректировали эту чужую среду под себя.

10.34.26

...25

...24

С мостика Мелисса перемещается в зал виртбота. Перед ней прозрачная стенка куба, внутри куба Терранс лен Валлин. Он скользит вдоль стены, ощупывая её в поисках щелей, он ищет выход. Снаружи отсека минус двадцать градусов, внутри плюс пятнадцать. Рассеянный свет ламп, по прозрачным стенам течёт конденсат, собираясь в узкий и глубокий сток, по которому тоненькая струйка уходит в переработку в недра корабля, где из воды снова превращается в кислород.

Мелисса спускается по лестнице в прямоугольный зал. Зал тёмный и пуст, серые, матовые стены уходят в высокую темноту, где прячется эхо. Глаза проекторов затянуты пеленой, как слепые глаза старика. В самом центре темноты стоит прозрачный куб с золотой рыбкой внутри. Над полом висит десяток таких кубов. Пока пустых.

Она хорошо видит Терранса сквозь стену и знает, что он не видит её.

Система обновила данные и Мелисса получила уведомление. Прошло несколько часов после перерождения и если бы она могла сейчас чувствовать, как человек, то испытала бы разочарование. И ещё, скорее всего, гнев. И конечно же, она бы смеялась. Разве можно было предположить, что мэтресс позволит кому-либо заполучить ее слабое место, ее золотого мальчика?

От той оболочки, которая сохранилась в памяти Мелиссы не осталось ничего. Исчезли красивые узоры печатей, шрамы на лице и следы от ледяных ожогов на ладонях. Система сбросила внешний апгрейд до изначальных настроек, чтобы родился человек, нагой и уязвимый, такой, каким его и задумывал создатель.

Весь апгрейд оболочки смыло неонатальной жидкостью чужого инкубатора и большая часть усовершенствований, которые должны были быть вшиты в конфигурации, оказались недоступны.

Мышцы авара сдулись, выступили острые ключицы, ребра, лопатки, голубые глаза потускнели, от густых темных волос, которые он заплетал в косу, остался бесцветный ёжик.

Вместо конфигураций “Привратник” перед ней стоит “базовый комплект” — человек. Она слышит эхо от его оболочки. Видит, как тщетно он пытался использовать печати — кровоточащие шрамы на руках и щеках. Сеорид вымылся из его крови и кровь его стала красной. Даже когда Творец станет доступен, Террансу не стать вновь Привратником. Чтобы это случилось, он должен умереть и вновь родиться, и колыбелью для его новой оболочки может быть только один инкубатор — материнский. Тот, который выбрала когда-то для него мэтресс Ванесса лен Валлин.

Мелисса отмахивается от фантомов памяти, от собственных и одновременно чужих эмоций, и перемещается внутрь куба. Она признает, что раунд проигран, но не может сдаться так просто.

Авар оборачивается и видит ее. Видит образ Каттери лен Валлин. Мелисса молчит и рассматривает кровавые порезы на его лице, которые покрылись кровавой, красной коркой. Его первый порыв бросится к дочери, но он сдерживает его и убирает руки за спину. Его взгляд стекленеет и авар демонстративно отворачивается.

Он не позволит ей воспользоваться его чувствами.

Мелисса садится на пол, скрещивает ноги, как делают люди, и сводит вместе ладони.

— Не нравится? Я думала, ты будешь рад увидеть дочь!

— Кто ты? — спрашивает авар. — Кто ты такая?

Мелисса смеётся.

— Посмотри на своё отражение, авар, Ванесса как всегда победила тебя.

— Если ты хочешь говорить со мной, то перестань притворяться моей дочерью!

— Велик ли ты подобием своим или лицом под этой маской? — нараспев произносит Мелисса. — Времени нет, но время пошло. Творец с каждым днём все ближе к Алькаану, скоро тоненький ручеек превратится в плотный, ровный поток, а после в бурную реку. Один мой друг шутит, что мы ближе всего к богам под ликом летнего солнца. Мгновенная регенерация, обмен данными, реакции печатей. Все свои города мы построили летом. Весь этот мир создан под милостью его падающей Тени. Главное знать слова молитв и тогда они обязательно будут услышаны. Но не это важно, важно, что первая после зимы синхронизация Творца и Сервера Всехранящего случится в последний день четвертого месяца ринну, именно тогда Творец и сохранит всех нас по-настоящему. Это случится через три с половиной месяца. Ты ведь это знаешь, не так ли?

Из щрама над бровью течёт струйка крови, Терранс утирает ее тыльной стороной ладони. На нем серый комбинезон, он плотно обтягивает его плечи, плоскую грудь, бедра и тонкие ноги. И хотя авар все еще высок, но он больше не выглядит внушительно. Он чуть прихрамывает на правую ногу и анализ конфигурации не помог Мелиссе узнать причину.

— Кто ты? — снова спрашивает авар.

— Ты знаешь, кто я. Меня зовут Мелисса Кавано. Ты заложил конфигурации моей сущности в оболочку своей дочери. Приложил так много усилий, обманул мать, убил жену, вырастил дочь и все ради меня. Истинно-библейская история, принести в жертву богу своего ребёнка!

— Почему я должен верить, что ты та самая? Ты обманываешь мои глаза и пытаешься залезть в мой разум! Вдруг это очередная манипуляция моей матери?

— Теперь у тебя есть только я, — говорит Мелисса. — А твоей дочери больше нет. В крови Каттери был вирус памяти, созданный латирийцами. Из-за этого вируса ее оболочка никогда не вырастет. Ей теперь всегда будет двенадцать. И даже моя память, будь она хоть трижды изначальной, не поможет это изменить! Мне не сломать последовательность сохранения кода. Единственный способ освободить её память — выйти за Предел.

Мелисса делает паузу, наслаждаясь недоумением, а после гневом на лице Терранса.

— Что ты сделала с моей дочерью?

— Её больше нет. Она теперь часть меня. Разве ты не этого хотел?

Мелисса поднимается на ноги и тянется, будто бы у нее затекла спина и шея, вытягивает руки вверх, сложив в замок, потом медленно опускает и разводит их в разные стороны, будто раскрывая объятия. Ей хочется ощутить мышцы и боль, но вместо этого лишь лёгкий укол сожаления, фантом памяти, далёкий инсайт.

Терранс качает головой и на лице его прорезается улыбка, он выглядит как тот

болванчик, странная статуэтка, что стояла на столе Элисон Вонг, жуткий карлик с большой головой и безумием во взгляде.

Терранс громко смеется.

— Ты лжешь! — кричит авар. — Лжешь!

Мелисса пожимает плечами и исчезает.

Обратный отсчёт на её запястье показывает 10.15.45

Время идёт.

Терранс лен Валлин всё также сидит в стеклянной клетке. Мелисса смотрит на него и ждёт. Авар злится и проверяет на прочность стены своей тюрьмы. Он сломал запястье, раздробил костяшки пальцев, вместо правой руки Мелисса видит месиво, рука плетью висит вдоль тела и теперь он бьет в стекло камеры левой рукой. Каис безразличен к боли авара и его упрямству, на стекле не появилось ни одной царапины.

У базового комплекта конфигураций, оболочки под название “человек” есть предел, за который сознание не способно выйти. Предохранитель. Если ты считаешь себя человеком, то упав с большой высоты, ты умрёшь. Система создана идеально, но есть исключение. Осознав себя, как поток информации, некоторые индивиды способны обойти предохранитель, выйти за границы материальной оболочки. От боли авар давно должен был потерять сознание, но он не обращает на нее никакого внимания, отделив сознание от плоти, он не чувствует боли.

Мелисса смотрит на время, вновь переносит проекцию своей аватары внутрь камеры и драматично вздыхает с искренним сочувствием.

— И в чем смысл твоего самоистязания? — на лице двенадцатилетней девочки отражается неподдельное непонимание и Каттери лен Валлин разводит руками. — Умереть ты не можешь. А даже если, то я снова верну тебя.

— Чего ты от меня хочешь? — спрашивает Терранс, он опирается ещё целой рукой на защитное стекло, красное от крови, головы он не поворачивает и смотрит себе под ноги. — Ты ведь не просто так оставила меня здесь? Чего тебе надо?

— О, великие идола прошлого! Я хочу чтобы ты понял, все, что ты видишь вокруг — идеальная имитация лабиринта для лабораторной крысы! Ты можешь прожить свои мгновения и даже получить от них удовольствие, но это побочный продукт. Основа же, сама ось, это лабиринт памяти, пустыня Арради, то, что выходит за рамки материального мира, только там ты на самом деле можно найти выход. Там, где времени нет и смерти нет. Здесь же ты должен научиться смотреть на все снаружи, словно и время, и пространство, и материя, все отдельно от тебя. Так же, как ты сейчас вышел за границы своей боли. Этого я хочу от тебя. Забудь о терминологии — мать, дочь, отец, всего этого не существует. Выброси устаревшую модель на помойку. Здесь никому не нужны твои чувства, чувства — это имитация. Ты играешь роль, которую тебе написали. И запись постоянно повторяется. Свобода воли в этой игре не предусмотрена, модель поведения определяется оболочкой, форма здесь определяет суть. Ты — это в первую очередь твой статус сохранения информации. И есть несколько правил, по которым можно играть на грани. Часть тебе уже доступна, ты способен выйти за границы восприятия оболочки, в тебя изначально заложена память о том, что это возможно. Своего рода расширение для твоей версии, иначе ты бы умер. Это закон конфигураций. Никогда не забывай, плоть хоть и ограничение, но именно плоть имеет точку контакта с Творцом. Вне оболочки ты не сможешь ничем управлять. Тело своего рода интерфейс. Ты ведь хочешь управлять, не так ли? Хочешь власти? Я покажу тебе

настоящую власть, власть Творца, но есть еще одно правило — правило времени, которого нет. Творец видит, как тасуются вероятности будущего и способен их менять. Если научишься прокладывать Тропы, то сможешь видеть вероятности будущего. Пройти по ним и оценить все перекрестки. Самое сложное потом вернуться обратно, ведь каждая вероятность это полноценное настоящее, то, что происходит прямо сейчас. Хочешь увидеть вероятность, где ты — Император Дерентии? Я могу показать тебе путь к тому, чего ты так желаешь.

Терранс отталкивается от стекла и выпрямляется. Его отражение прикрывает веки. Мелисса ждет. Она видит его жажду, знает, как он хочет верить, ведь единственное, что поддерживает в нем жизнь, это идея о том, что он избранный. Он уже так много сделал, принял так много решений, принёс так много жертв, все это не может быть зря. Он должен найти источник знаний и тем самым спасти человечество.

— И что я должен сделать ради этого?

Прозрение

Девять просыпается в крошечной темноте, пытается пошевелить руками и ногами. Каждая мышца дрожит, это похоже на озноб. Она не привязана. Она нащупывает край кровати, он металлический, в воздухе висит запах антисептика. Она спускает ноги, но не достает до пола. Она не видит, но чувствует что в помещении светло. Корабельный лазарет? Лаборатория?

— Здесь есть кто-нибудь? — спрашивает она.

Голос все еще принадлежит двенадцатилетней девочке Каттери лен Валлин.

— О милостивая мать! — голос Преподобного эхом отскакивает от стен. Она чувствует, как тонкие, но сильные пальцы сжимают ее запястья, потом ощупывают руки и плечи, словно Преподобные не может поверить в ее материальность.

Она и сама с трудом может.

— Живая! — с облегчением говорит Преподобный. — Творец милостив!

На плечи ей опускается теплое одеяло, старик обматывает ее как куклу, она не сопротивляется. Она перебирает в голове новые знания, как Преподобный перебирает четки, пытаясь постичь что-то высшее в замкнутом цикле повторяющихся действий. От новых знаний она стала тяжелее, будто ей на плечи вместе с одеялом опустилась древняя скорбь о потерянной надежде. Знания, которыми так жаждет обладать Терранс лен Валлин, не радуют её. Она чувствует страх. Ее тошнит от одной мысли, что Творец уничтожит мир, но знание теперь в её крови, как сеорид.

— Ты в безопасности, дитя, Творец милостив! — говорит Преподобный. Для него она всего лишь маленькая девочка, он считает, что в ответе за нее.

Девять отталкивает Преподобного, сбрасывает одеяло и на свой страх спрыгивает с койки. Пол больно ударяет по пяткам, она поджимает губы и делает глубокий вдох.

Это глупо так откровенно демонстрировать свою беспомощность.

Она слепая, куда она пойдет?

На корабле очень холодно, машина экономит энергию и из систем жизнеобеспечения разумно выбрала воздух, а не отопление.

— Вам лучше остаться в постели, аяя, — говорит Преподобный.

В нем что-то изменилось, она чувствует это.

Несколько минут звенит тишина, в которой отчетливо слышно шипение воздуха и механический ритмичный звук в глубине корабля.

— Где мой отец? — спрашивает она.

По привычке она пытается смотреть вверх, но голос старика раздается снизу, он опустился перед ней на корточки. На вопрос он не отвечает, а говорит успокаивающе:

— Все будет хорошо, дитя!

И вдруг она понимает, что не так.

— Вы прозрели, Преподобный? — спрашивает она.

— Да, аяя, — отвечает старик. — Прозрел! Творец милостив!

Его сильные, костлявые пальцы ложатся ей на плечо. В экстазе преклонения Преподобный даже не замечает, что делает ей больно. Она рычит и выворачивается, пытаясь понять, где находится выход. Память рисует в ее голове маршрут, словно кто-то дал ей светящийся карандаш. Сомневаться некогда, она срывается и бежит к возможному

местоположению дверей. По пути она вынуждена бросить одеяло, оно слишком тяжелое. Холод металла обжигает босые ступни. Она чувствует, как изменяется поверхность пола под ногами, тот идет вверх под уклон, и это придает ей уверенности. На ее мысленном рисунке горит светящаяся точка выхода. Самое сложное рассчитать расстояние. В какой-то момент она останавливается, понимая, что Преподобный не бежит за ней, он стоит и кричит ей вслед:

— Всемиловитый творец, айя, куда вы?

Перед ней пустота, она чувствует ее. Путь свободен, словно кто-то знал и открыл ей дверь. Она не оглядывается и перешагивает высокий порог. По ту сторону порога света меньше, она слышит эхо и чувствует впереди длинный коридор, один из многих длинных коридоров, замкнутых вокруг оси корабля. Она ощупывает шершавую поверхность стены.

— Айя! — раздается крик Преподобного. Звук его голоса приближается.

Девять поворачивает направо, на ее мысленном рисунке появляется первая стрелка, она добегают до угла, сворачивает и оказывается в ловушке чьих-то рук. Кто-то отрывает ее от пола и поднимает в воздух. Она кричит, скорее от неожиданности, и пытается вырваться, но тот, кто схватил ее, лишь сильнее прижимает к груди.

— Терри! — шепчет знакомый голос, голос Терранса лен Валлина. — Успокойся! Ты в безопасности!

— О, Творец! — раздается голос Преподобного, и Девять слышит его торопливые шаги по коридору. — Простите, авар, я не смог ее остановить! Она хотела найти вас!

— Все в порядке, Преподобный, — отвечает авар, Девять чувствует тепло его кожи и горячее дыхание, а еще от него пахнет сеоридом, горьковато и терпко. Она пытается сосредоточиться и понять, реально ли все это, но стук сердца и кровь в ушах отвлекают ее.

— Терри, — говорит авар. — Мы нашли спасательную шлюпку! Мы улетаем!

Первый порыв — закричать, остановить его, но она даже рот не успевает открыть, тело вдруг перестает слушаться. Девять не может дышать, не может двигаться, ей кажется будто мелкий, белый песок снова утягивает ее отяжелевшее тело в глубину, на самое дно биореактора.

“Не сопротивляйся, — звучит голос Мелиссы в ее голове. — Вместе мы спасем этот мир!”

И Мелисса смеется, громко и звонко, и только тьма милосердно обрывает этот смех.

Девять дробь четырнадцать. Ее номер. С какого момента вместо имени у нее появился номер?

Память возвращается неожиданно, как лопается сосуд, Девять вдруг помнит отражение в зеркале, помнит чужое лицо. Зелёные глаза и темно-каштановые волосы. Как она вообще сохранила такую копну при постоянном погружении в имуль-канал?

Всё случилось когда вместо погружения она вызвалась в патруль за границу Предела. Из любопытства, хоть одним глазком взглянуть за шоры сенсоров. Кислородный бокс-скаф один из самых безопасных и простых с технической точки зрения средств передвижения, но там, за Пределом, всегда что-то может пойти не так. Через три минуты на той стороне отказал регистратор, поэтому она так и не узнала, что с ней случилось.

Девять помнит, как очнулась на больничной койке со сломанным позвоночником. Позвоночник собрали, а её отправили перебирать бумажки. Именно тогда на ее пороге и появился невзрачный человек с лицом бесчисленного множества клерков и вручил ей

визитку. Номер и адрес на куске пластика. Металлическая дверь, вход со двора какого производственного комплекса, лабиринт металлических лестниц, так на первом этапе выглядел проект “Оптоларс”. Доктор Ларс Нада занимал маленький стол в углу, а его секретарша стол рядом. Только через год они переехали в новую лабораторию, когда нашелся спонсор. Это был Корпус. Выбора у доктора не было. Кроме денег они могли предложить повсеместное внедрение новой технологии.

Девять не знала, что с ней делают, погружалась в имуль-канал и выполняла разные задания, как при тестировании новой версии программы, все казалось совершенно безобидным.

Ей платили. Хорошо платили. Сначала она сменила маленькую комнату на окраине, на съемную в центре, потом купила высотный смарт с видом. Она тогда оценивала свое благосостояние уровнем воды в баке и возможностью беспрепятственно перемещаться по всем районам города.

Многие ее друзья жили в малоэтажных торах на множестве кольцевых развязок, но это не привлекало. Семейные коттеджи, пластиковые зеленые лужайки и белые заборы. Ей нравился тесный улей большого города и множество огней, когда идешь, а тысячи окон смотрят на тебя со всех сторон и множество дверей открыты: кафе, бары, рестораны, казино.

Девять играла в карты, но без фанатизма, пила тоже без фанатизма. Делала ставки на эго-тотализаторе, но никогда не возвращалась на одно и то же место дважды. Наркотиками брезговала. В Единого не верила.

Бог, которого привезла третья волна колонистов, ей не нравился. Она ни разу не воспользовалась воскресным, соборный причастием, чтобы обнулить свои грехи.

Сейчас все эти выглаженные воспоминания, рухнувшие на нее вместе с силой тяжести в нескольких джи, казались ненастоящими, как картинка на обложке журнала, где для естественности чуть приглушили цвета.

В полной темноте Девять слушает рев двигателей, ремни безопасности врезаются в плечи, она чувствует, как ее вжимает в кресло, а потом резко отпускает, она летит вперед, но ремни выдерживают. А как долго выдержат ее фальшивые воспоминания под тяжестью прибывающей памяти Мелиссы Кавано?

Найдётся ли в этом глубоком колодце ответ, почему мэтресс выбрала именно ее?

В голове звенит, в теле разливается болезненная тяжесть. Девять чувствует себя еще в большей ловушке, чем чувствовала на корабле под толщей черной воды. От знаний некуда деться, как невозможно забыть о том, что, скованная вирусом, она осталась там, внизу, среди мелкого, белого песка биореактора.

Знал ли доктор Нада о побочном эффекте созданного им вируса? Если же человек каждый раз приходил к этому открытию разными способами, то была ли это своего рода статистическая неизбежность? В одном Девять не сомневалась, мэтресс точно знала о его свойствах. Именно мэтресс выбрала ее, сделала хранителем изначальной памяти Мелиссы Кавано. Инструкции к выбору не прилагались. И что теперь делать с этим?

У нее больше нет ни беса, ни точки контакта. А еще ее наверняка ищут, значит есть ориентировка на всех патрульных кораблях. Атмосферная станция совсем рядом, над территориями Свободных колец, а значит и патрулей здесь предостаточно. Но вот кого они ищут? Про оптоларс и вирус даже среди высшего командования Корпуса знает очень ограниченный круг лиц, для всех остальных Каттери просто девочка, которая должна была умереть и не умерла. Дочь мятежного авара, которая очень нужна Ордену.

Официальная версия, что Терранс лен Валлин не отдал дочь харонам, тем самым создал прецедент. Орден объявил Каттери неупокоенной, а самого авара отступником и теперь их ищут все, от харонов до охотников за головами. Какую бы легенду не сочинили для капитанов кораблей, но по плану им должны были обеспечить зеленый коридор до самой границы Предела. И вот для этого у них должен быть корабль. И никакой придется, а тот, который долетит.

Девять кажется, что она слышит смех Мелиссы в своей голове, но возможно это всего лишь воздух и давление. Закладывает уши, она с трудом дышит, сжимает подлокотники кресла, слушает треск снаружи и звон металла о металл. Шлюпка всплывает на поверхность воздушного океана, основной двигатель выключается и наступает тишина. Через минуту она понимает, стабилизаторы не сработали, молчат маневровые, и корабль слепо дрейфует в пустоте. Она дышит и слушает шум вентиляторов и смотрит на клубящийся океан за бортом. Какая высота? Чем заполнены баки? Скорее всего вода, это единственное чего было в избытке. Если она права, то сейчас эта вода быстро превращается в пар, а пар заполняет баллоны.

— Все живы? — спрашивает голос Преподобного.

— Живы, Преподобный, — отвечает Терранс. — Но пока не отстегивайтесь от кресел.

— Меня тошнит, — говорит голос доктора с соседнего кресла. — Простите, аяя!

— Ничего страшного, доктор, вы скоро привыкните, — говорит она и делает глубокий вдох. Мысленно Девять пытается решить простую задачку на расчет скорости, просто для того, чтобы привести мысли в порядок. Корабль им достался старый, наспех переделанный под атмосферу воздушного океана. Выдержит ли корпус температуры высших эшелонов? Не взорвутся ли от давления баллоны? Сколько у них воды? Какая стоит система управления? Какой двигатель? Корабль древний, значит на нём не может быть сребрума и парабаков, а также эргасистемы для поддержания магнитного поля. Материалы из которого сделан корпус, рассчитаны скорее на свободное падение, чем на свободное плавание. Если они начнут падать, достаточно ли у них топлива, чтобы снова запустить двигатель и не разбиться? Чтобы найти ответы, ей нужны показания приборов и окна управления сенсорами, которых она не видит.

— Кто видит терминал управления? — спрашивает Девять.

— Вижу терминал и сеть, внутри контура горит много иконок, надписи не разберу, они на вестэри, — отвечает Терранс. — Ничего похожего на запуск двигателя не вижу. Может система управляется голосом, как на корабле?

— Принимаю командование! — говорит Девять и произносит вслух длинный код аутентификации личности Мелиссы Кавано.

Бесконечные тридцать секунды под тошнотворные звуки из соседнего кресла и Девять уже почти отчаивается получить ответ, как вдруг щелкает динамик и сквозь шипение женский голос произносит:

— Добро пожаловать на “Сунь-цзы”!

Насмешливый голос она узнает сразу и желудок снова ощущает силу тяжести, как при взлете. Автопилот говорит голосом Мелиссы Кавано. Она только что дала ей полный доступ к системе корабля. Опять.

— Прошу всех занять ваши места и пристегнуться. Нас немного потрясет при наборе высоты. Модифицированная версия этого судна ранее не была опробована на людях и при возникновении нештатной ситуации просьба блевать в противоположные стороны, чтобы не

забрызгать соседа!

— Корабль с чувством юмора? — удивляется Преподобный — Это что-то новое!

— А летать эта штука умеет? — спрашивает Терранс

Внезапно наваливается тяга и Девять вжимает в кресло. Всего мгновение, а потом двигатели снова выключаются. Она слышит звук удара и ругань. Терранс видимо не успел пристегнуться. Откуда-то из-под кресла стонет доктор.

— Сядьте и пристегнитесь, — командует голос Мелиссы из динамика. — Краткий курс для недавно воскрешенных и слишком самоуверенных, ваше бессмертие ограничено доступом к инкубатору и способностью к синхронизации с ним в данный час суток. Если кто-то из вас упадет и разобьет себе голову, то ничем не смогу помочь!

— Всем пристегнуться, — кричит Девять. — Подтвердите!

— Да, дитя мое, — отвечает Преподобный. — Я уже бывал на кораблях!

— Да-да, — мычит доктор из соседнего кресла, Девять слышит отчетливый щелчок.

Последним отзывается Терранс.

— Готов, — произносит он недовольным голосом. Девять слышит, как скрипит его ущемленная гордость.

Голос в динамиках смеется и смех этот пробивается сквозь шипение.

— Как живая, — удивленно восклицает Преподобный.

— Так и есть, профессор, — говорит Мелисса. — Я собрана из реальных фрагментов памяти и интегрирована в систему управления кораблем.

— Я слышал об этом, в Адаре неведомые собирают части воспоминаний умершего, — говорит Преподобный. — Они используют это в судебной системе.

— Все так, профессор, — говорит Мелисса. — Вы ведь не видите разницы после воскрешения, а ведь вы и есть, та самая память, собранная по крупицам.

Корпус сотрясается, Девять слышит как со свистом выходит воздух, но через секунду звук обрывается и теперь она слышит воду за правой стенкой корпуса. Корабль перестает вращаться.

— Хотите сказать, вы нас ...воскресили? — спрашивает Преподобный, которого Мелисса упорно называет профессором.

— Каждый раз, когда вы умираете, Система Творца сохраняет вас и позже копирует в новую оболочку, этот процесс очень долгий и память ваша возвращается так же долго, но при наличии рядом с вами Инкубатора, функции Творца перехватывает ОлИИ, искусственный интеллект. Вы зовете его Эбо, с его помощью вы возвращаетесь почти сразу же, а при необходимости можете даже изменить некоторые параметры своей оболочки. Инкубаторы создали люди. Вы зовете их Изначальными. Они, как и вы, не более чем гости на этой планете. А вот кто создал Творца и весь этот мир, мы не знаем. Кто-то называет их предтечи, другие — форани или древние, но данных о них недостаточно. На этом радио просвещения, в целях экономии энергии, прерывает свою работу. Стабилизаторы включены, до восхода солнца мы будем дрейфовать, изображая воздушный мусор, чтобы не попасть под Око Ордена. Внизу есть жилые каюты и камбуз, на ближайшие четыре часа вы свободны делать, что хотите.

Рядом облегченно вздыхает доктор.

— Пожалуй, я пойду поищу каюту — говорит он. — Мне надо прилечь!

— Я пойду с вами, доктор, — говорит Преподобный и Девять слышит, как отстегиваются ремни безопасности. — Осмотрюсь, так сказать!

Девять нащупывает свой ремень, высвобождается и неуверенно встает из кресла. Босыми ступнями она чувствует прорезиненный плекс пола, он теплый и чуть продавливается даже под ее маленьким весом, это сделано специально, для лучшего сцепления с поверхностью. Они скорее всего, в рубке. И хотя солнце Девять еще не чувствует, но вокруг светло, за четыре часа до восхода солнца в небе царит Ясноликая Веда. Она слышит, как рядом осторожно встает из кресла Терранс.

— Четыре часа? — возмущается авар лен Валлин. — Нельзя терять столько времени! Можно как-то перехватить управление?

— И куда нам лететь? — спрашивает Девять и проводит пальцами по теплой стене. Защитные панели изнутри гладкие на ощупь, она не находит ни одного стыка, она медленно идет вдоль стены, пока не упирается в препятствие. На уровне ее плеч начинается терминал управления.

— Терри, мы должны лететь в Даррос.

Девять молчит, тянется и проводит рукой по бугоркам сенсоров. Кожу чуть покалывает, система требует слияния для осуществления контакта с модулем управления. Она чувствует контур, он высвечивает на ее мысленном дисплее, как будто у нее все еще есть бес. Динамик чуть постукивает. Контур на малой мощности обрабатывает данные внешних сенсоров. Скорость, давление, температура и высота. Внутренние датчики подают данные по воде, давлению, парообразованию и сбросе тепла. Система горит зеленым, все стабильно.

— Зачем нам Даррос? — спрашивает она.

— Есть корабль, способный пересекать границу Хребтов, — отвечает Терранс. — В Дарросе я должен был получить его координаты.

— Откуда этот корабль? — с интересом спрашивает Девять.

Корабль, как и Терранс, нужны были для того, чтобы перебраться на ту сторону Хребтов и долететь до станции за Пределом, но теперь это кажется бессмысленным. Странное воспоминание, похожее на сон, в котором ее цель вовсе не ее цель, а просто ширма для чего-то совсем другого. Для проекта "Мессия".

— Ты сможешь управлять кораблем? — игнорируя её вопрос, спрашивает авар. В его голосе слышится нетерпение. Он ходит туда сюда и даже несмотря на плексовое покрытие, Девять слышит, что он прихрамывает.

Невидимые знания из глубин изначального колодца пропитывают Девять как вода губку. Она знает, что после перерождения в инкубаторе авар изменился, изменилась проницаемость его оболочки. Терранс утратил свою исключительность и стал как все. Теперь он зависит от сеорида в крови. Именно так выглядит обратная сторона могущества хранителей Ордена и наследных домов. Сеорид — химический проводник для регенерации и быстрой обработки информации, также он необходим чтобы слышать Творца и говорить с ним. Очень продвинутая технология.

Знания дарят облегчение, до этого момента Девять и не подозревала, как глубоко мифам удалось проникнуть к ней в голову. Теперь же она уверена, что Орден, хранители артефактов Вестников и наследные Дома Дерента, да и вся магия Изначальных, ни что иное, как мистификация, рассчитанная на примитивное сознание. Орден лжет людям о природе своего могущества, как лжет и о бесконечной сущности. Бессмертие — технология и Орден скрывает ее от людей.

Терранс лен Валлин выступил против этой лжи и сделал из своей дочери оружие в войне с Орденем. Это случилось задолго до того, как мэтресс появилась на пороге Корпуса

со своим щедрым предложением. Все двенадцать лет жизни Каттери авар планировал использовать ее изначальную память, чтобы захватить власть.

Терранс был столь наивен? Решил, что изначальная сущность, пробудившись от многовекового сна, будет спасать человечество? Надеялся, что если воспитает её как дочь, то заслужит её преданность? Или есть еще что-то о чем Девять не знает?

— Вы всего лишь марионетки! — смеется в ее голове Мелисса. — Фигурки из глины!

— Терри, — нетерпеливо повторяет Терранс. — Ты изменишь курс?

— Хочешь просить у Дарроса защиту? — спрашивает Девять. — Думаешь, Дом Чодари как и в прежние времена, поддержит мятежника?

— Ты — мессия, предвестие нового мира! — отвечает Терранс.

— Перестань проповедовать, ты не Преподобный. К чему эти суеверия? Что я или ты можем предложить им? Бесконечность им не нужна, чодари принимают смерть, как естественный итог жизни,

— Истину, — отвечает Терранс. — Разве не в ней суть? Твои знания — сила, способная объединить людей против невежества, а именно его сеет повсюду Орден.

— А еще мои глубокие корни, приманка для эборитов, не так ли? Хочешь чтобы бы я поделилась с эборитами воспоминаниями о технологиях Изначальных?

— Твоё главное оружие — вера, они должны поверить, что ты знаешь и этого будет достаточно! — отвечает Терранс.

Девять смеется и обращается к автопилоту:

— Мелисса, измени курс, пункт назначения — Даррос!

— Курс будет изменен, — отвечает равнодушный, механический голос.

Терранс с тяжелым вздохом опускается обратно в кресло. Девять слышит его боль. Боль заставляет его почти постоянно злиться. Боль и беспомощность. Девять старается чтобы голос ее звучал ровно, без единого намека на снисходительность.

— Сходи, проверь как там доктор, — говорит она, пытаясь отвлечь Терранса. — Мне не нравится его состояние.

Терранс колеблется. Ему трудно перестать принимать единоличные решения и начать слушать и подчиняться.

Злость и недоверие авара словно ядовитыми парами отправляют воздух в рубке. В этот момент Девять вдруг понимает — авар знает. Знает, что она больше не его дочь. Мелисса рассказала ему о вирусе. Но зачем?

Справившись со злостью, Терранс встает, пересекает мостик и медленно спускается по металлическим ступеням на нижнюю палубу. Когда его шаги гаснут, как гаснет свет, Девять вздыхает с облегчением. Наконец-то она одна и может подумать.

Босая, в одной ночной рубашке, она стоит у терминала управления чуть касаясь пальцами сцепки. Знания накатывают на нее волнами, как черная вода на белый песок. Девять слушает и знает, что пятью эшелонами выше, проходит так называемая “жилая магистраль”, именно там плавают Острова. Коммерческие же трассы и маршруты Торговой Гильдии проходят ниже, на осевой магистрали. Воздушники же, на своих огромных кусках металла, чтобы компенсировать тяжесть, летают еще выше, их скорее нужно называть безвоздушниками. Все это просто приходит ей в голову сплошным потоком и Девять не сопротивляется новым знаниям.

Полезно знать, что латирийские зонды-шпионы летают еще выше, чем латирийские корабли, а аэростаты синоптиков, помимо наблюдения за воздушными потоками, выполняют также функцию направляющих, четко выстраивая уровни высот для кораблей.

Всегда есть опасность столкновения с другими судами и не синхронизируясь с наземной системой координации Ткачей, они нарушают правила единого лётного кодекса.

А балансируя на границе самой малой магистрали, ещё и рискуют свалиться в белую дыру или попасть в круговой поток. Здравой мыслью было хотя бы сканировать воздушное пространство, но звуковая волна выдаст их с головой и привлечет хищников, в первую очередь корабельных червей, а на корпусе “Сунь-цзы” нет живого, регенерирующего слоя.

Девять задумчиво поглаживает гладкую поверхность панели управления, корабль мерно гудит и неторопливо плывет по воздушному океану. Бесшумно испаряется вода из баллонов. Динамики чуть потрескивают. Третья луна, мать веддаров, детей равновесия, признающих за человеком право на несовершенство, катится к закату.

Девять делает глубокий вдох и прислоняется лбом к теплой поверхности света.

Она слышит шаги, они вспыхивают и гаснут в темноте. Девять узнает Преподобного еще до того, как он произносит:

— Айя, мы нашли запас пищи, в основном субстраты, вам стоит спуститься, отдохнуть и поесть. В каютах нашлись так же запасные комплекты формы и рабочей одежды, может что-то подойдет и для вас. Я мог бы проводить вас, айя, — говорит Преподобный. — Вы не против?

Сенсоры корабля собирают для нее образ Преподобного из множества сияющих черт.

Девять слышит внутри него бурю противоречивых чувств. Она убирает пальцы от сцепки панели и на мгновение вновь оказывается в привычной темноте. Без посторонней помощи она пересекает рубку. Плекс под ногами пружинит и ее шаги возвращаются к ней, как всплеск белого цвета. Она тянется в темноту и находит ладонь Преподобного, он сжимает ее маленькую ручку в своих костлявых пальцах и они спускаются вниз.

Внизу шум двигателя и насосов звучат отчетливее, как и едкий запах времени. Пахнет плесенью. Девять морщится, делает шаг с последней ступеньки лестницы и отпускает руку Преподобного. Вода явно добралась до нутра шлюпки, вопрос насколько сильно это повлияет на ее работу?

Она уже знает, что запасные комплекты одежды были герметично упакованы и отлично сохранились. Преподобный выбрал для себя рабочий комбинезон белого цвета, который висел на нем, как на вешалке. Для удобства Преподобный отрезал штаны по щиколотку, а

потом еще завернул внутрь неровный край. Вместо пояса использовал кусок веревки, длинная часть ее вся состояла из узелков, он перебирал их, когда нервничал. На ногах у него узкие куски прорезиненной ткани, похожие на обвод для насоса, он обмотал ими ступни и перевязал веревкой крест на крест до колена. Девять смотрит на Преподобного по-новому. Ее впечатляет, как быстро он перестраивается под непредвиденные обстоятельства, как не теряется в сложной обстановке. Паломничество на край света не прошло даром.

Преподобный открывает перед ней дверь каюты и говорит:

— Одежда на кровати, упаковки уже вскрыты. Я могу еще чем-то вам помочь, айя?

— Нет, благодарю, — отвечает Девять и делает шаг в темноту каюты. Темнота обволакивает ее. Спадает с плеч. Она протягивает руку, касается стены и в темноту врывается свет. Тяжелыми каплями белой краски свет стекает вниз и скапливается на полу под ногами. Она делает еще шаг и вокруг идут круги. Каюта тесная и она почти сразу упирается коленями в кровать. Садится и несколько минут просто слушает гул двигателя и вибрацию корпуса. Дверь закрывается.

Они беглецы, пора к этому привыкать.

Девять тянет руку и расправляет складки рабочего комбинезона, который лежит сверху стопки, гладит пальцами ткань, слишком гладкую и холодную, чтобы с ходу подобрать сравнение. Шелк? Она разбирает стопку одинаковых комбинезонов и натывается на что-то более плотное в самом низу. Она достает неопознанную вещь и прикладывает ее к стене каюты. Сенсоры почти мгновенно выдают ей характеристики. Девять узнает далекого предка икс-скафа для погружения в имуль-канал. Материал скафа хорошо тянется, плотно облегает фигуру, имеет усиление на локтях, пятках плечах и коленях. Подкладка из мембраны отводящая влагу и микровентиляция вдоль костяного каркаса. От запястья до бедра на руках внутренняя молния, где прячется ткань, если расправить руки и поймать поток ветра, кто-то из обитателей колодца это помнит, можно полететь. А еще Девять знает, что материал скафа защитит её от смертельного холода. В воздушном океане она проживёт до двух с половиной часов, в холоде изнанки, если вдруг заблудится между точками портала, около часа, а от развоплощения по ту сторону Предела скаф защитит ее всего на двадцать минут, если использовать шлем-капюшон и дополнительный источник кислорода.

Скаф оказывается нужного размера и она без проблем влезает внутрь. Девять с первого раза правильно утягивает все крепления каркаса и костюм садится на ее маленькую, худую фигурку, как влитой.

Никаких сомнений, Мелисса оставила его здесь для нее. Девять прислушивается к своим ощущениям, ей тепло, но она не потеет, тело гнется во все стороны и нигде ничего не мешает. От чужой памяти кружится голова. Девять помнит восторг от свободного полета. Сердце стучит так громко, что кажется слышно в соседней каюте, стучит от желания выскочить через шлюз на открытый нос шлюпки и прыгнуть в белое молоко воздушного океана.

Знания накатывают волнами. Девять-четырнадцать, Каттери лен Валлин, Мелисса Кавано. Память смешивается, как краски на палитре.

Девять не знает, кем была, и не знает, кем стала теперь. Будто она все и никто одновременно.

В дверь стучат.

— Терри, — раздается голос авара. — Преподобный организовал скромный обед в кают-компани, я хочу чтобы ты присоединилась к нам.

Девять трясет головой.

— Уже иду, — отвечает она и застегивает скаф. На ближайшее время это ее парадно-выходной костюм на все случаи жизни, к нему надо привыкнуть.

Дверь открывается автоматически. Девять выходит в коридор, вытягивает руку и касается стены справа от себя, не разрывая контакта с сенсорами корабля она уверенно идёт до двери в кают-компанию. Терранс молча идет следом, Девять слышит хромой шаг и видит, как расходятся круги. Все вокруг создает вибрации, звук, который она может видеть.

Перед кают-компанией Терранс прибавляет шагу и обгоняет ее, он хочет открыть перед ней дверь, но дверь открывается сама. Авар отступает к стене, пропуская ее вперед. Девять перешагивает порог. Стены по правую руку больше нет, только пол под ногами и темнота вокруг. Она останавливается. Терранс входит следом и дверь за ним закрывается. Девять оборачивается. Они стоят друг напротив друга.

Девять пытается услышать его намерения.

Терранс переступает с ноги на ногу, делает глубокий вдох и убирает руки за спину. Миролюбивый жест не может обмануть ее, она слышит его злость.

С помощью её изначальной памяти авар мечтал стать Императором, но после перерождения всё изменилось. Он потерял свой статус и превратился в отступника, изгнанника и калеку. Терранс больше не привратник. Он не может открывать порталы. Теперь она его единственная надежда и он ненавидит её за то, что зависит от неё.

— Ты выполнил свою функцию, — говорит Девять. — Мы теперь именно то, что ты так жаждал обрести — память. Глубокая память колодца. Корни Единого Древа соединяют нас с Творцом. Мы больше не твоя дочь, мы — изначальная сущность. Ты не так это себе представлял?

— Ты подделка! — срывается Терранс, его гнев брызгает на неё, как слюна. Крик высвечивает очертания комнаты, в потоке света она видит стены кают-компании, стол и стулья, шкаф и кресло. Вся мебель прикручена к полу болтами. Со всех сторон на нее наступает теснота материального мира.

— Спроси себя, почему она вернула тебя таким?

Терранс делает еще шаг вперед и нависает над ней, Девять чувствует его дыхание, но руки он все еще держит за спиной. Девять тоже убирает руки и поднимает к авару слепое лицо.

— Мы — не твоя мать, мы — не твоя дочь, мы — колодец памяти, у нас нет причин лгать тебе, — говорит Девять.

— Не пытайся, тебе не удастся меня обмануть, я знаю, кто ты, — цедит сквозь зубы Терранс.

— Даже мы не знаем, кто я, откуда тебе знать?

Терранс смеётся.

— Да-а, я знаю, потому что она сказала мне, — Терранс наклоняется еще ниже и шепчет ей на ухо — Ты такая же марионетка, как и я.

— А она сказала тебе, — отвечает Девять, так же шепотом, — что я проживу дольше?

Щека Терранса дергается от гнева.

Дверь в кают-компанию открывается и на пороге вырастает фигура Преподобного, а следом за ним тяжело входит и Доктор.

— Ну вот, мы снова вместе, — громко и торжественно произносит Преподобный. — Поблагодарим же Творца за его милость.

— Вы что-то рано начали молиться, Преподобный, — говорит Терранс и оборачивается к ним, он снова улыбочив и очарователен. — Давайте сначала сядем за стол! Терри! — авар покровительственно кладет руку ей на плечо и Девять еле сдерживается, чтобы не сбросить ее.

— Стоит поблагодарить тех, к-к-кто создал эту еду, — говорит Доктор. Он почти не заикается.

— Поддерживаю, доктор, — говорит Терранс и выдвигает перед ней стул. — Нам бы их технологии сейчас не помешали, не правда ли? Что думаешь, Терри?

Она молча садится за стол.

Терранс продолжает, словно бы и не ждал ответа.

— Латирийцы могли бы и поделиться украденными у наших предков технологиями, но они предпочли оставить их себе.

— Прошу прощения, авар, но история с вами не согласится, — говорит Преподобный. — У латирийцев были и свои технологии и ничуть не хуже, чем у людей второй волны, но как теперь определить, как понять, где чье наследие?

— Моя дочь могла бы рассказать нам, как все было на самом деле!

— Мы можем рассказать тебе, — говорит Девять, стараясь чтобы голос звучал немного торжественно, — как все будет на самом деле! Но ты уверен, что хочешь услышать будущее?

За столом воцаряется тишина. Слышно как Преподобный разрывает упаковки с сухими пайками, как доктор расставляет на столе пластиковые тарелки и стаканчики, как разливают воду.

В углу щелкает динамик.

— Проверка системы, — звучит голос Мелиссы. — Проверка системы. Температура на борту судна 19 градусов, температура за бортом минус 57 градусов, скорость отложения льда по Раусу и Ретфелю соответствует норме. Наружный ретметр корректен. Магнитное поле в рамках нормы. Радиация в рамках нормы. Приятного аппетита.

Раус и Ретфель, память Девять-четырнадцать цепляется за эти имена и внутри ее головы взрывается мелкими осколками купол над стадионом. Это была одна из самых страшных трагедий в истории Латирии. Наросший лед пробил купол щита и колпаки запасных резервуаров, вырвавшаяся вода замерзала прямо в воздухе и падала ледяным дождем. На стадионе как раз шла игра и находилось почти полторы тысячи человек. Спасти удалось меньше половины. Причиной трагедии стали древние приборы контроля за нарастанием льда, паника и давка. Спустя почти девять сотен лет после прилета людей третьей волны и образования воздушной колонии, перестали работать наружные системы очистки купола. И только спустя тринадцать лет после этой трагедии, Раус и Ретфель создали прибор для измерения скорости отложения льда, вместе они написали таблицы сопротивления материалов при крайне низких температурах Воздушного океана и научили людей предугадывать аномальные белые дыры, где температуры не поддавались приборам. Они создали стандарт, по которому живет Латирия и летают огромные, тяжёлые корабли флота.

Девять помнит, что Генри Раус был настоящим ученым, он буквально жил в лаборатории университета, повторяя древние опыты, а вот его сосед по общежитию, Арнольд Ретфель, был повесой и наркоманом, и в очередной раз, ставя на себе эксперименты по смеси разного рода стимуляторов, он все свои будущие достижения просто вспомнил. Но для жителей воздушной колонии “Латрия”, воспоминания Ретфеля были жизненно необходимы, ведь будущие Сопредельные Штаты Латирии, это воздушные острова

у самого Предела, мир в облаках, у которого нет и никогда не было земли, только металл, лед и ограниченное количество воздуха. Мир, где никогда не забываешь, что все вокруг дано людям взаимы.

И все это Девять отчетливо помнит.

Поток почти непрерывно заполняет её колодец. От этих знаний она становится глубже и будто бы шире, как река в половодье. А в голове продолжает падать лед и осколки купола. Наука часто двигается трагедиями и войнами, её колодец так глубок, что их в ее памяти теперь предостаточно. Девять с трудом отворачивается от яркой, манящей глубины и возвращается в кают-компанию, где звучит бархатный голос авара лен Валлина и полный рвения голос Преподобного, они о чем-то спорят.

— Если нас увидят Ткачи, то наверняка сообщат магистралам! По законам воздушного права, мы пираты! — доказывает Преподобный.

— Зря только так нервничаете, Преподобный, — отвечает Терранс. — Если Эхо Ткачей нас и зацепит, то решат, что мы мусор, мы слишком низко, погрешность в метр и корабль сорвется в свободное падение, ни один контрабандист, если он в своем уме, так летать не будет!

— А-а... мы что же? — спрашивает доктор.

Терранс смеется.

— А мы, доктор, теперь знаем, что смерти нет!

Девять не притронулась к своей тарелке, что с беспокойством в голосе замечает доктор:

— Айя, вы ни-ничего не съели.

— Вы тоже, доктор, — парирует она и встает. — Мы пойдем, попробуем поспать. Мелисса, — обращаясь к системе корабля, Девять говорит громче. — Настрой систему оповещения, хочу чтобы ты разбудила нас, когда взойдет солнце.

Терранс тоже поднимается из-за стола.

— Я провожу, — говорит авар. Она кивает. Она позволяет ему быть галантным и сохранить лицо. Он думает, что позволяет ей играть свою роль убедительнее. Он хочет верить, что она просто марионетка латирийцев, вирус-паразит, захвативший тело его дочери, и что всё еще можно исправить.

Проводив ее до дверей каюты, Терранс спрашивает:

— Зачем тебя послали?

Девять слышит это в его голосе. Слышит, что они теперь по разные стороны.

— Переживаешь, что кому-то другому достанется власть? Обидно, да, что не одному тебе пришла в голову мысль, что веру можно использовать как оружие. Расскажи, как ты хотел убедить всех, что Каттери — мессия? У тебя был план?

— Что человек желает превыше всех других благ? — отвечает Терранс. — Конечно же, стать равными с Неведомыми в их бесконечных воплощениях.

— Ты собирався дать людям доступ к Инкубатору?

— Я хочу дать людям веру в светлое будущее, будущее, где они смогут заслужить право на новую жизнь.

Девять качает головой и усмехается.

— Ты истинный наследник Вестников. Твоя мать должна тобой гордиться!

Её язвительный тон не задевает Терранса.

— Ты можешь подарить калеке новое тело, вылечить больного ребенка, подарить надежду отчаявшемуся, повернуть само время вспять. Люди этого заслуживают! Люди

имеют право на чудо! Теперь ты знаешь, мы все изначально равны на этой планете! Называй это как хочешь, магия или технология, главное это сделает жизнь людей лучше!

— Признай, ты делаешь это не ради людей, а просто хочешь нажимать на кнопку! Взвешивать людей на весах! Решать, кто достоин! Тобой движет тщеславие и жажда власти, ради них ты принес в жертву свою дочь!

— Если все получится, то моё тщеславие, будет меньшим из зол.

— Мэтресс лен Валлин тоже так считает и потому выпустила на свободу живой вирус, чем ты лучше нее?

Девять входит в темноту каюты и облегчением вздыхает, когда дверь за ней закрывается.

Фигурки из глины

Первым ее видит доктор, от неожиданности он кричит и машет руками. Во сне она знает, что доктор пришел в себя среди пустыни, запаниковал, но потом взял себя в руки и пошел искать остальных, первым он нашел Преподобного, старик сидел, подняв лицо к небу и бредил, все повторял что-то на незнакомом языке. Она тоже видит доктора, но не обращается на него внимания, оглядывается на дрожащее марево над пустыней Арради, вокруг до самого горизонта их окружает ровный, белый песок. Авара лен Валлина и той, другой, нигде не видно. Преподобный все так же сидит на песке и покачивается, как болванчик, на нем белая длинная рубаша и он босой. Доктор все так же кричит, прыгает и машет руками, привлекая ее внимание, а потом испугавшись, что она пройдет мимо, бежит к ней. Бежит навстречу и вдруг резко останавливается, не добежав десяток шагов. Она видит, что доктор предусмотрительно оторвал рукава рубашки и намотал на голову, чтобы защититься от солнца. А солнце здесь беспощадно.

Она смотрит на себя — жесткая, как панцирь, аюба пустынников, с глубоким капюшоном. Тень капюшона скрывает лицо. По плечам рассыпались длинные волосы. Мелисса всегда имела слабость к золотым кудрям и зеленым глазам. Всегда хотела выглядеть именно так. Она собрала этот образ по памяти и была в нем уверена. Она снимает капюшон и улыбается доктору.

— Заблудились, доктор Гаару? — спрашивает она.

— Вы знаете, где мы? — спрашивает доктор. Он растерян и оглядывается на Преподобного, но тот все еще раскачивается туда сюда и бубнит что-то себе под нос.

— Мы были на корабле, — добавляет доктор.

— Кажется, вашему спутнику нужна помощь, — говорит она, обходит доктора и направляется к Преподобному.

— Постойте! — кричит доктор и, спохватившись, бежит следом. Песок жжется даже через носки, он подпрыгивает и морщится. — Простите, а кто вы? Как вы...

Он, наконец, обгоняет ее, и для надежности даже выставляет вперед руки.

— Стойте! — кричит доктор.

Она смеется, думая, как же его недооценивают. Смелость доктора всегда измеряется степенью его отчаяния.

— Не дадите мне ему помочь?

— Где мы находимся? — спрашивает доктор. — Где это место?

Ты ласково касаешься его плеча и говоришь:

— Вы заметили, что больше не заикаетесь, доктор?

Она подходит к Преподобному и опускается перед ним на колени. Плотная ткань аюбы, похожа на кожу саага, не пропускает жар песка. Ладонями она обхватывает лицо старика и поднимает его голову так, чтобы слепые глаза смотрели вверх.

— Да будет свет, профессор.

Преподобный вздрагивает всем телом, будто через него пропустили электрический заряд. Она разжимает ладони, Преподобный подносит руки к глазам, а потом опускает руки на колени и смотрит на нее. Смотрит и видит.

Доктор за ее спиной шумно выдыхает.

— Как вы..., — пытается спросить доктор, продолжая смотреть только на Преподобного, чьи черные провалы глаз вновь распахнулись и смотрят на мир яркой синевой.

Она не отвечает и снова осматривается вокруг. Авара и той, другой, все еще нет по эту сторону, она разочарованно поджимает губы.

— Творец милостив, — говорит Преподобный. — Прошу меня простить, я не знаю вашего имени. Да благословит вас Творец, за ваше участие! Не могли бы вы рассказать нам, где мы оказались и что нас здесь ждет?

Он как всегда безукоризненно вежлив.

— Это пустыня Арради, профессор, небольшая передышка, пока вас снова не загрузят в оболочку, где придется жить по законам Творца и Конфигураций. Хотя в вашем случае, новая оболочка это хорошо, ваши глаза изначально не были повреждены, поэтому когда вы вернетесь, то так же прозреете там, как и здесь.

— Загрузят в оболочку? — спрашивает доктор. — Вы говорите про технологию Неведомых? Про инкубатор? Значит, мы тоже...Преподобный, вы слышите? Я был прав. Творец сохраняет всех! Всемиловитая мать, но как? Как это происходит? От чего зависит проницаемость оболочки? У меня столько вопросов!

Она смеется. Доктор привычно заглотив наживку.

— Это всегда такой эмоциональный момент, жаль только, радость от этого открытия мимолетна, доктор! И все же, вы смогли преодолеть барьер примитивного сознания, выйти за навязанные вам рамки и допустить, что мир вокруг не то, чем кажется, и теперь, когда вы получили подтверждение этому, вы чувствуете себя особенным, не так ли? А хотите большего, доктор? Хотите стать богом?

— Терри! Терри, просыпайся! — Она слышит, как Терранс барабанит в дверь каюты, но та не открывается. — У доктора жар, он серьезно болен, а твоя машина не отвечает мне!

Девять спускает ноги с кровати и подавив приступ паники, с минуту осваивается в темноте. От страха ее тошнит. словно мантру она мысленно повторяет про себя фразу: я не ты, я не ты, я не ты.

Когда она встает, дверь открывается перед ней.

— Мелисса! — командует Девять. — На корабле есть лазарет? Аптечка?

— Состояние доктора оцениваю, как критическое, — отвечает механический голос из динамика. — Ничего из того, что присутствует на корабле ему не поможет.

— Отвечай на вопрос!

— Аптечка находится в кают-компании, помещение которое служило лазаретом на палубе С, номер в реестре 3-04, других данных нет.

— Я за аптечкой, — говорит Терранс, она видит эхо его голоса, оно удаляется вслед за ним, тянется, как сияющий шлейф, по полу и по стенам.

— Палуба С, — командует она и касается правой рукой стены. — Отведи меня туда.

— Не могу, система утверждает, что все входы на палубу С заварены, это была необходимая мера, туда установили балластные цистерны.

— Ты издеваешься?

— Я отвечаю на твой вопрос.

— В какой каюте доктор?

— В каюте 2-05, слева от лестницы, — отвечает Мелисса и она видит, как сенсоры вдоль стены высвечивают маршрут пунктирной линией.

В каюте, где лежит доктор, холодно. Девять долго стоит на пороге, глядя как струится ледяной воздух, он ползет, как белые щупальца, но не может схватить ее. Скаф не пропускает холод. О низкой температуре говорят сенсоры и рисунок на стене. Преподобный встает ей навстречу, его фигура, закутанная во что-то плотное, утопает в темноте.

— Авар сказал нужно понизить температуру, — будто бы оправдываясь, говорит Преподобный. — Доктор весь горит и бредит, в сознание не приходил.

Девять перешагивает порог и останавливается.

— Преподобный, в пустыне, где вы прозрели, что там случилось? Та, другая, что она пообещала доктору?

Преподобный тяжело выдыхает и падает обратно на стул.

— Я правда пытался вспомнить, но не смог. Это было словно...

— Сон? — помогает она ему.

— Да, сон, — соглашается старик и его плечи опускаются еще ниже. — Разве такое может быть реальностью? Этот слабый, недостойный человек, возжелал стать богом! Богом над людьми! Простите, аяя, простите меня, я не знаю, что это было, я надеялся, хотел верить, что это был всего лишь сон!

— Всё хорошо, Преподобный, — как можно мягче отвечает она. — Не волнуйтесь, вы не виноваты!

Девять слышит Терранса, он идёт к каюте доктора и он зол.

Дверь открывается. Она слышит тяжелое дыхание и как часто бьется сердце, Терранс устал и садится прямо на пол. Она отмечает про себя, что он начал хромать сильнее.

— В аптечке ничего нет, — говорит Терранс.

Девять смотрит на сияющий контур тела доктора. Встроить дефект в конфигурации оболочки просто, если знать, как работает Инкубатор. Технология, а не магия, напоминает она себе. И разумно предусмотренный элемент контроля, так что тот, кто освоит чудо Инкубатора, вполне может стать богом над людьми. То, к чему так стремится Терранс. Раздавать бесконечность избранным.

— Мелисса, где ближайший Инкубатор? — спрашивает Девять.

— Ближайший действующий Инкубатор, — говорит голос из динамика под потолком, — который отвечает всем характеристикам и имеет необходимую мощность, находится в столице Островной Федерации Тлако, они называют его Семенем Матери Маат и поклоняются ему, как символу равновесия и плодородия.

— Семя матери, — стонет Преподобный и вдруг начинает смеяться. — Невероятно! Бессмертие все время было у нас под носом!

— Сколько туда лететь? — спрашивает она, но динамик в ответ молчит. — Мелисса! Сколько?

И тут она понимает к чему все идет. Вот оно, то самое чудо. Чудо воскрешения. Весть о милости Творца, которую она, мессия, должна принести людям. Весть о перерождении человека смертного в бесконечную сущность. Если они доберутся до Инкубатора в сердце Островов, то доктор переродится и вернется в мир облаченный в новую плоть. Доктор станет живым доказательством милости Творца, дарованной человеку.

Терранс тоже это понимает и смеётся.

— Мелисса, — говорит Девять. — Мы летим на Тлако. Посчитай расход воды с учетом солнца и выбери самый экономичный эшелон высоты.

— От корабля надо избавиться, он слишком приметный, — говорит Терранс. — И в

воздушное пространство Островов его всё равно не пустят.

Девять кивает.

— Мелисса, какие у нас варианты?

Мелисса отвечает мгновенно, будто ждала такого запроса.

— На высотах транспортной магистрали действуют международные законы, к которым относится и закон об оказании срочной медицинской помощи всем разумным видам без исключения, — говорит Мелисса. — На всей протяженности воздушной трассы есть пункты Островного Красного креста, это благотворительная организация, они отвергают политику, принимают у себя беженцев и беглецов, если те достаточно щедры в своих пожертвованиях на благо Матери Маат и ее детей. Корабль можно отдать в качестве пожертвования, тогда его продажей займутся островитяне. Это самое разумное решение. Чем ближе доктор будет к столице Тлако, тем больше вероятность, что при переносе информация сохранится без ошибок.

— Курс на ближайший филиал Красного креста, — командует Девять. — Сообщите им, что у нас пассажир, которому нужна медицинская помощь.

— Сделаю.

Девять кажется, что она слышит в голосе Мелиссы нотки удовлетворения и знает, что выбора у неё не было.

Пока корабль медленно меняет эшелон высоты, а они все остаются сидеть в каюте доктора.

— Она знала, как все будет, — говорит Терранс. — Еще до того, как мы взлетели, Мелисса знала. Она проложила нам путь, предопределила его. Творец все видит, знает, как мы хотим поступить и как мы поступим на самом деле. Цепочка принятых решений, приводит нас туда, куда он захочет. Нет свободы воли и нет выбора. Они переставляют нас, как фигурки на доске. Ты вспомни, это же всё как из молитвы! Да придет человек, да родится он, чтобы умереть и провозгласить для вас жизнь бесконечную, и откроется для Вас истина милости Творца и увидите Вы, что все мы равны между собой и перед Ним. И нет отличий, ни в образе, ни в подобии, потому что все мы — пыль. Оболочка же есть не более чем плащ, одежда для души вашей и нет смысла проливать кровь, если она — вода. И много состояний знает эта вода.

Девять чувствует как слова молитвы скрипят и затягиваются, как петля на шее.

— Аяя, боюсь, вынужден предположить, что лихорадка, поразившая доктора, заразна, — обращается к ней Преподобный и голос его полон беспокойства.

— Лучше бы он был болен, — отвечает она Преподобному, — но боюсь, авар лен Валлин очень даже в своем уме. Терранс, расскажешь нам, о чем Мелисса попросила тебя?

— Она попросила меня стать Императором, — отвечает авар и снова смеется. — Обещала найти вероятность, в которой у меня будет такая возможность!

— Значит тебе она предложила трон Дерента, доктору стать богом, а что же она предложила вам, Преподобный? И не лгите мне.

— Пора раскрывать карты, Преподобный, — говорит авар. — Мы все фигурки из глины и сейчас в прямом смысле в одной лодке, а единственный способ бороться, это знать об искушениях друг друга и понять, сможем ли мы отказаться от них. Мелисса играет нами, знает, что у каждого есть слабое место. Расскажите, где ваше?

— Я всегда хотел прозреть, — говорит Преподобный и голос его дрожит. — Не физически, как вы понимаете, аяя, я хотел узреть истину!

Девять кивает. Глубоко внутри это усталого человека она слышит простое человеческое тщеславие, желание быть замеченным. Долгие годы Даниил тщетно пытался заглушить его верным служением Творцу, а после верным служением Пророку Аррана, но столкнувшись лицом к лицу с чудом, не смог справиться с искушением.

— Я хотел узреть Его милость, ощутить ответное присутствие. Своей слабостью я уничтожил веру в своем сердце, заменил ее на ожидание избранности. И когда она пришла и сказала, что я увижу, сам увижу все, я не устоял. И теперь, — голос Даниила дрожит от восторга. — Это невероятно!

— Вас никто здесь не осуждает, Преподобный, мы все не те, кем хотели быть и не те, кем кажемся со стороны, — говорит Девять. — Расскажите, Преподобный, что вы видите? Мы просим вас об этом, именем того, кто говорил, что все дары, посланные без труда, стоит принимать с сомнением.

— Пророк Аррана завещал сомневаться во всем, но зерно сомнения он рассматривал, как суть, из которой прорастает истина, ведь с сомнений и вопросов начинается поиск, — говорит Преподобный. — Тут вы правы, но то, что я вижу, это похоже на сон и одновременно реальнее чем что либо. Будто само знание во мне. Например, в моей памяти появился некто Уильям де Лири, никому неизвестный инженер из Лурии, одной из семи провинций Халирута. Он прибыл в Край у Трех столбов, когда вместо деревни там еще стоял старый, пограничный город Иррем, город стоял на холме, а в центре, у корней белого дерева, стоял тот же самый дом, что и сейчас, ваш дом, авар лен Валлин. Кажется, он был там всегда, вместе с деревом-маяком и башней. Лири приехал строить новые укрепления, а заодно лечить свой кашель, в тех местах особый воздух. На Краю тогда, как и сейчас, росли самые высокие деревья на всем Плато Рент и в изобилии водилась дичь. Тогда лед не сковывал воду и вода была беспокойная. Лири работал и целыми днями смотрел на воду из окна своей башни, и в один из дней пришло ему в голову возвести дамбу в самой узкой части пролива. Из истории он знал, что вода была там не всегда, и он загорелся идеей вернуть Низине песчаный облик. Строительство по его чертежам, началось в 1447 году, когда случился Синий переворот, а к 1448 году пролив почти полностью осушили. Вы понимаете? 1448 год! Тогда случилось первое объединение великих Домов. Память де Лири говорит мне, что после смерти Мариуса его неведомая наложница и наследник бежали и попросили помощи у Дома Чодари. Монахи укрыли их в крепости Суррен, а семнадцатого дня третьего месяца эннувин, как сообщали сетевые глашатаи, из-за утечки газа, нижние ярусы крепости Суррен взлетели на воздух. Тогда погибла большая часть населения города, несколько тысяч человек сгорели или задохнулись в тоннелях заживо. Это была крупнейшая катастрофа, которую видел мир. Монахи Чодари не поверили в случайность произошедшего и обвинили Дерент в намеренном поджоге. Они назвали сына Мариуса, четырнадцатилетнего Илиаса, законным наследником Вестников и присягнули ему на верность, а он в свою очередь, предъявил права на трон Дерента! Весной, на третий день второго месяца ринну, они объявили Дерентии войну. Именно так началась Первая Красная и я помню это так отчетливо, как будто был там. Я помню, как стоял по колено в мокром песке на дне пролива Трех столбов и смотрел, как снаряды падают с неба, как разлетается в крошку дамба, которую я создал! И я знаю, что эта истина, которую не прочесть в свитках из библиотеки. И теперь у меня множество вопросов, один из которых, а достоин ли я? Достоин ли я такого дара? Разве не вы, аяя, как истинная мессия, должны единолично обладать таким знанием?

— Нет ничего единоличного в чертогах Творца, Преподобный, — отвечает Девять. —

Там все подчиняется закону единения корней Древа. Единение это и есть его дар. И мы ощущаем его в себе. Все принадлежит всем. Но люди отвергли этот дар, отвергли общность корней и теперь сражаются с Творцом за свое я. За свою индивидуальность. Человек хочет оставаться человеком. Терранс хочет быть Императором, единственным в своем роде. Вы хотите обладать истиной и знанием. Доктор хотел создать лекарство от смерти и изменить мир. Я хотела спасти человечество и готова была пожертвовать ради этого всем! Человек не готов отказаться от веры в свою уникальность. Именно поэтому он вышел за свои физические пределы и отправился искать другие миры.

— Пророк Аррана говорил, что истинное знание спасёт человечество! — горячо восклицает Преподобный. — Я в это верю!

— Я завидую вашей вере, Преподобный, но все не так просто. Иногда спасти мир еще не значит спасти человека, иногда все совсем наоборот.

В этот момент, где-то далеко, обратный отсчет добегает до нуля. Девять чувствует, как волна от взрыва чуть касается нижнего воздушного эшелона.

Сначала это всего лишь песок, мелкий, белый песок, ветер закручивает его в водоворот. В итоге это всего лишь песок мелкий, белый песок, ветер закручивает его в водоворот. Корабля на дне пролива Трех столбов больше нет.

Девять принимает информацию от сенсоров и чувствует резкое изменение температуры за бортом.

— Мелисса, полная диагностика корпуса, — приказывает она.

— Черви? — спрашивает авар. Он пытается встать, но его накрывает волна боли и Терранс со стоном сползает обратно на пол.

Преподобный сбрасывает свое теплое укрытие и вскакивает со стула, чтобы помочь авару. Старик двигается на удивление живо.

— Кажется готов еще один претендент на перерождение, — смеется авар, хватается за Преподобного и с трудом поднимается на ноги.левой рукой авар опирается на стену и она чувствует отдачу от сенсоров, корабль в мгновение ока выдает ей анализ его состояния. Если бы у нее был бес, то экран горел бы красным. Интересно, а какой срок годности у ее новорожденной оболочки? Заложил ли Мелисса и в неё какой-нибудь дефект?

— Воздушные фильтры в норме, — раздаётся голос из динамиков. — Но несколько внешних сенсоров повреждены, падает температура и на лопастях быстро образуется лед.

— Сколько до восхода солнца? — спрашивает Девять, надеясь, что древний корпус корабля выдержит.

— Сорок четыре стандартные минуты, но световая интенсивность изменилась, — отвечает Мелисса.

Девять слышит в динамиках густой шум помех и память колодца подсказывает ей, что раскаленный столб воздуха, взметнувшийся со дна пролива, превратился в облако пыли и мокрой взвеси. Это похоже на дождь в темноте Низины, где небо скрыто от глаз тяжелым пологом переплетенных деревьев. Общий на троих колодец мерцает, как далекая звезда, где свет олицетворяет прошлое. Девять чувствует тяжесть памяти каждой клеточкой, тело словно отрывается от земли, от далекой, чужой земли, на которой она никогда не была. Воспоминание, которое ей не принадлежит, болью простреливает виски. Она слышит далекие голоса, говорящие на чужом языке. Далекий отблеск бесконечной сущности Творца.

К реальности ее возвращает динамик.

— Внимание, тревога, — громче чем обычно звучит голос Мелиссы. — Внимание,

тревога! Вблизи от нас воздушное судно без опознавательных огней! Рекомендую вернуться на мостик и пристегнуться!

— Контрабандисты? — спрашивает Девять.

— Работаю над распознаванием корпуса. Могу сказать, что это точно не линкор Ордена.

— Есть вероятность, что они пройдут мимо нас? — спрашивает Терранс.

— Судя по курсу, это исключено, — отвечает динамик. — Рекомендую немедленно вернуться на мостик.

— Преподобный, помогите мне, — говорит авар и хромая, идет к постели доктора. — Надо отнести нашего больного на мостик.

— Вы уверены, что это хорошая идея? — сомневается Преподобный.

— Уверен, — отвечает Терранс. — Здесь его даже примотать к койке нечем.

— Судно опознано, — говорит Мелисса из динамика, — Это “Блик” спасательный корабль спущенный с верфи “Таруга”, лицензию выдал материковый порт республики Халирут.

Колодец так глубок, что Девять требуется время, чтобы достать до нужного слоя. Она почти помнит. Почти. И воспоминания эти подобны ледяной волне.

— Несите доктора на мостик, немедленно! — приказывает Девять и выбегает из каюты.

Оказавшись на мостике, Девять садится в кресло и пристегивается.

За бортом царит пыльный мрак.

Девять слышит тяжелое дыхание Преподобного и хромоту Терранса. Они поднимаются лестнице, усаживают доктора в кресло и пристегивают. Девять кажется, что они делают это очень медленно и ей хочется поторопить их, но вместо этого она вслушивается в вибрации корабля.

Мелисса запустила вспомогательные двигатели. Система насоса нагнетает все больше и больше воды, все больше балластных баллонов заполняются, корабль резко всплывает и Девять чувствует, как меняется давление. Она физически ощущает его, будто в ее крови есть поплавков, как внутри колбы с ретметром. Девять поправляет ворот икс-скафа и снова видит улыбающееся лицо-маску, зеленые глаза смеются. Ее навязчиво преследуют чужие лица и голоса. Сенсоры “Сунь цзы” еще не видят опасность, а она уже знает, слышит, как падает хищная тень. Видит маленькую шпюпку в силовых сетях, чувствует жар огня и едкий дым горящего плекса, слышит, как испаряется со свистом вода из пробитых баков, как давление мнет каисовые стекла, как бумагу.

Спасательный корабль здесь не просто так.

Но хуже всего, то Девять помнит, что все идет по плану.

От тошноты ей не вдохнуть, она пытается справиться с наваждением, чтобы отдать приказ включить основные двигатели, но чужая воля уже делает все за нее. С языка срываются уверенные команды:

— Мелисса, поиск информации о проекте “Мессия”!

Как сквозь вату она слышит ответ Мелиссы из динамика:

— Информации по проекту “Мессия” в Сети не обнаружено. Найдены только восемь статей в Религиозном Вестнике, написанные преподобными отцами Предвестия. Продолжить поиск?

— Сканируй пространство, ищи крейсер, — приказывает она.

Она ли это? Этот командный голос принадлежит уже не девять-четырнадцать, а кому-то

другому. Линесс Саатари или даже самой королеве Адара, но не ей, ведь она... Кто она?

— Это невозможно, крейсер не способен...

— Искать! Это приказ!

— Если вы уточните критерии поиска...

— Атмосферный крейсер “Сухой”, год постройки 1869 от Колонии, порт приписки “Латрия”, он принадлежит Антиадарской коалиции и считается флагманом флота. Ищи имя адмирала Николаса Эвориана.

Девять чувствует боль в груди, каждый вдох дается с трудом.

— Откуда здесь мог взяться крейсер? — спрашивает авар.

Пока авар и Преподобный, усаживаются в кресла рядом с ней и пристегиваются, Девять будто бы распадается на множество частей, а её голос живет отдельной жизнью.

— Халирут, Шаос, Кольца, Острова и даже племена за Белыми хребтами, все они станут едины и придут поклониться новому Императору, Отцу бесконечности, — говорит её голос.

— Отцу бесконечности? — переспрашивает Преподобный.

— Новая Коалиция, это союз Корпуса и антиадарской коалиции, вместе они готовят почву для восстания в Дерентии. И я здесь чтобы исполнить пророчество Аррана. Без веры в чудо не будет ни отца бесконечности, ни новой Империи.

— Дитя моё, я вас не понимаю, — растерянно говорит Преподобный.

— Я — ложь! — кричит Девять. — Латрия создала меня, чтобы обмануть вас! Чтобы превратить вашу веру в оружие против вас!

— Всё так, как и должно быть, дитя моё! — уверенно говорит Преподобный. — Так сбывается пророчество Аррана! Благодаря этой лжи мы узнали о технологии Инкубатора, с помощью которой человеку наконец будет дано перерождение!

— Мелисса, ты нашла крейсер? — спрашивает Девять.

— Сканирую!

— Выведи сканер частот на громкую связь!

Динамик начинает трещать и гудеть, словно в него задувает ветер, ей кажется, что она слышит. Слышит отголосок собственной смерти. В голове вместе с болью растекается какофония звуков, но потом она ловит волну и начинает различать отдельные слова, речь, полную технических сокращений, иногда пробивается смех и ругань. Кто-то будто крутит ручку и меняет частоты вещания. Девять слышит голоса, смех, опять голоса, а потом переговоры диспетчеров центра координации, судя по акценту, кахорский филиал. Громко пробивается волна из Адара, уточнение отклонений от курса, времени прилета или вылета, это Ткачи. Из Дерента тишина. Нет голосов синоптиков, только техническая сводка погоды напрямую от аэростатов, ее читает механический голос в эфире.

Поток все больше расширяется и Девять слышит новости, сначала цены на воду, воздух и дамарит, слышит беглую, латирийскую речь, это порт Латрия. Расписание внутреннего транспорта, это Адар. Караваны пустынных джа, это Ксаравия. Она слушает, слушает долго, перескакивая с волны на волну, ее несет поток звука, перерастающий в свет. И тогда она видит слова, как цвет или форму, она может прикоснуться к ним, попробовать на вкус. Она моргает и меняет волну и снова поток слов перерастает в звуковую волну, а та в свет.

— Сараффо сообщает из источника приближенного к Императору...

— Ситуация усложняется отсутствием независимых наблюдателей во время процесса...

— Это невероятная дикость! Мы снова вернулись до исходным временам, к каменным идолам среди руин Древних? Кровавый Аррак-суд? Красные братья и те не явились на эту

демонстрацию власти! Если остальной мир не вмешается, то что будет дальше! Я призываю всех открыть глаза! Глава верховного культа! Вы только вслушайтесь в это слово — культ! Культ Ветви Древа! Там, где кровь пропитывает землю, они сажают цветы!

— Кровь! Голубая кровь пролита на эшафоте! Император перестал щадить даже свою священную кровь! Он забыл, чему обязан, что кровь наследных Домов это все, что у него осталось! Речь даже не о мертвой земле, неспособной прокормить его народ, а о вырождение всех ветвей власти! Скоро от Вестников останется лишь пыль и чернила на бумаге и их заслуженно поставят на полку времени!

Динамик вдруг резко замолкает. Тишина оглушительна.

— Император казнил Елену Харат, — говорит Терранс.

И тут корабль резко теряет высоту.

— Мелисса, что происходит? — кричит Девять, у неё закладывает уши и боль схватывает виски.

— В нас стреляют.

— Кто? — спрашивает Девять, хотя уже знает ответ.

— Спасательный корабль “Блик”, — отвечает Мелисса.

— Чем они могут стрелять, у них же нет оружия! — не понимает Терранс.

— “Блик” летает на рефрижераторе, который способен генерировать бесконечное количество льда, — отвечает Мелисса.

— О, всемилостивый Творец! — стонет Преподобный. — Неисповедимы пути твои! Зачем они в нас стреляют?

— Мелисса, меняй эшелон высоты! Опускаемся, как можно ниже!

— Для справки: Инкубатор сейчас недоступен, сквозь пыль от взрыва сигнал синхронизации не пройдет. Вы все умрете.

— Да выполни ты уже приказ, рогалья тебя сожри! — кричит Терранс.

Тяжесть вдавливают Девять в кресло. Боль проникает под кожу. Она больше не видит, только слышит.

— Эо дан, эо дан, — раздаётся голос Преподобного, Девять узнает слова старой, пиратской песни. — Мы здесь и сейчас, и наша свобода — нам! Только нам! Эо дан, эо дан, верить или не верить, каждый решает сам.

Мэтресс Ванесса лен Валлин

Ты поднимаешься из темной глубины колодца к яркому свету. Шумит в ушах. Вдыхаешь стерильный воздух и чувствуешь боль в шее и бедре. Голову не повернуть. Ты открываешь глаза, все вокруг черно-белое.

— Где я? — спрашиваешь, с трудом разлепив губы. Рот терзает жажда, ты хочешь пить.

— Линкор «Лик Аурелии», — отвечает голос, ты узнаешь его, это лейтенант Лара Икелла Аринэ.

На Аринэ мундир без знаков отличий. Кобура пуста, с оружием в каюту не войти. Но как она вообще вошла, если система открывает дверь изнутри? Ты помнишь, что каждый цикл обновляется код доступа, а без подтверждения биометрии корабль запустит аварийную консервацию.

Ты нащупываешь хват на шее, из-за него ты не можешь пошевелиться.

Боль в бедре и шее усиливается.

Лейтенант не двигается с места, стоит и смотрит на терминал с отсутствующим видом.

Боль мешает сосредоточиться. Ты не видишь вероятности, не видишь ошибку. Поднимаешь глаза, система восстановления уже отключена, над головой чёрный экран и мертвая панель управления, но ошейник все еще фиксирует голову.

— Лейтенант, почему система выбросила меня из аватара?

— Взрыв, — говорит лейтенант. — Ударная волна вывела из строя все атмосферные зонды. Эбо перестал отвечать. Связи не будет пока не восстановятся зеркала. Мы уже сейчас наращиваем плотность облаков, но боюсь мы не можем внятно объяснить это явление синоптикам и метеорологам. Я сообщила в пресс-службу Ордена, там уже работают над текстами для новостных изданий.

— Аринэ, почему ты здесь? Где сикоры?

Аринэ тебя слышит, но не отвечает.

— Лейтенант!

Аринэ отходит от кровати на два шага, привычным жестом убирает руки за спину, но делает это медленнее, чем обычно. На долю секунды.

— Вы умерли, — говорит лейтенант. — Мы смогли вернуть вас к жизни, но опоздали на восемь минут, Аурелия уже запустила протокол консервации. Корабль больше не реагирует на вашу биометрию. Из-за ошибки резервная память инкубатора не сохранилась. Остались только оболочки, загруженные больше суток назад, и на данном этапе инкубатор не запускается.

А значит нового тела у тебя не будет.

Обычно инкубатор автоматически создает резервную копию конфигураций. Потом выращивается новая оболочка, точная копия предыдущей. Чтобы ты могла вспомнить себя, самое главное синхронизация конфигураций и проницаемость оболочки, все ссылки должны работать, но сейчас что-то пошло не так.

— Что вы сделали, лейтенант? — спрашиваешь ты.

— Я пыталась сохранить вас, — отвечает Аринэ, поворачивается и смотрит на тебя. И ты понимаешь — сохранила. С помощью вируса оптоларса. Вот почему система не признает твою биометрию. Они загрузили в твоё тело чью-то память и теперь ждут её инициации.

Ждут твоей смерти. И долго ждать им не придётся.

Но физически смерть для тебя не имеет значения.

Определяет ли форма суть или суть определяет форму, но память здесь определяет все. После развоплощения память возвращается в колодец, а потом медленно накапливается вновь вокруг заданной оси новой конфигурации. Но сейчас между твоей оболочкой и инкубатором разорвана связь. Вирус в крови защищает тебя от всевидящего ока и от чертогов сервера всехранящего. Творец не видит тебя. Эбо не видит тебя. Память некому сохранить.

— К нам летит доктор Ларс Нада и премьер министр Кадао, — говорит Аринэ, она продолжает играть роль твоего лейтенанта. — Корвет “Эреб” уже в пути.

Аринэ не улыбается, ни намёка на удовлетворение или злорадство. Ты по привычке хочешь сказать: “Вы свободны, лейтенант!” но она и так знает, что свободна. Ты ничего не можешь прочесть по ее лицу. Здесь и сейчас тонет в крошечной тьме, нет вероятностей, нет Творца, нет колодца, ты можешь лишь скользнуть взглядом по поверхности и тебе надо придумать, как донести до лейтенанта, что Творец видит, а Маат знает, а вера — единственный путь. На этой планете можно обойтись без воды, но невозможно без веры. Но разве она поверит тебе, выжившей из ума старухе? Живые никогда не верят, пока не вспомнят сами.

— Когда-то давно, брат Авилл, сказал: «Да не будете вы помнить имен своих и лиц. И когда придет тот самый час, темный час Предвестия, некому будет оплакивать вас. И так высоко взойдет солнце, что даже тень ваша, не тронет песка». Темный час Предвестия вот-вот наступит, Лара.

— Бросьте это лицемерие, мэтресс! Не вам призывать меня к вере, — голос Аринэ звучит ровно. — Нет никакого предвестия, кроме предвестия очередной лжи!

— Предвестие предсказывает переход человека из одного состояния в другое. Вирус оптоларса, это и есть сбывшееся предвестие. Память, которую Творец не сохранит. Вирус это наша единственная возможность выйти из-под его контроля.

Аринэ качает головой и с ручного терминала запускает проверку твоих физических показателей. Бес, который они вживили тебе, оживает под кожей и на сетчатке вспыхивает биометрические данные оболочки. Лейтенант беспокоится, что твой разум помутился.

— Впервые за много тысяч лет я в своем уме, лейтенант! Времени нет, но время пошло. Каждый раз когда человек или неведомый в очередной заново создает живой вирус, Творец запускает процесс обновления, чтобы начать все сначала! Меньше чем через сотню лет, мир который вы знаете, перестанет существовать!

Лара Икелла Аринэ смотрит на экран планшета. Она не верит тебе.

— Представьте Лара, что нет никакой жизни, что есть только память о ней. И память эта принадлежит Творцу.

Аринэ не отвечает, разворачивается и выходит из каюты. Двери за ней закрываются и ты остаешься одна.

— Времени нет и смерти нет, — шепчешь ты в темноту, но темнота не отвечает даже эхом.

Солнца нет. Экран открыт, к панорамному окну липнет серая пыль облаков. Десять сидит в кресле, кресло услужливо принимает форму её тела. На ней белая аюба, тонкие запястья увешаны кольцами. Теперь её зовут Ванесса лен Валлин и она мэтресс Ордена Хранителей. В её распоряжении один из самых старых боевых кораблей на Алькаане, линкор “Лик Аурелии”. Он был построен еще в изначальную эпоху и помнит все три волны колонизации Алькаана. Команда линкора всего триста матросов и двенадцать офицеров. Все основные функции по техническому обслуживанию взяли на себя сикоры — системные координаторы. Как мэтресс ей полагается личная охрана — гардари, на линкоре все называют их просто — серые. Мэтресс также является единственным ливинком всех четырех подразделений харонов. Десять долго не могла разобраться, что значит ливин, пока не вспомнила о химическом запечатлении. Хароны ориентируются по запаху, определенное сочетание гормонов вызывает в их мозгу чувство преданности и желание служить. От ощущения власти у Десять кружится голова. Она бы заволновалась, но эта дряхлая оболочка всего лишь инструмент и скоро время, которое идёт, возьмёт своё. Мысль о времени вызывает дрожь. Она всего лишь вирус, вгрызающийся в плоть и кровь, для нее смерти нет и времени нет. Память мэтресс говорит ей, что пыль, которая от них станется, будет существовать вечно.

На палубе появляется доктор Сэмюэль Ларс Нада. И хотя доктор улыбается, Десять чувствует его разочарование. Он не может загрузить вашу память в систему оптоларса. Система не распознает вирус, как часть себя.

Как и в случае с Девять-четыренадцать, точка контакта продержалась всего каких-то двадцать минут, а потом исчезла.

Ни Девять, ни Десять больше не подчиняются доктору Нада. Странное чувство свободы, охватывает её, вызывая восторг, но восторг мимолетен. Колодец глубок, он кажется бездонным и пугает её. Проснувшись сегодня в последний час Эбо, она еле-еле справилась с новой оболочкой и несколько минут не могла вспомнить, кто она такая. Не могла вспомнить, как её зовут на самом деле. Стояла и долго смотрела в зеркало, на старуху по ту сторону. Старуха криво ухмылялась. Разум её таял, как льдина на солнце и от личности мэтресс откалывались куски. Их память сейчас как пресная и соленая вода, но в итоге они станут единым целым.

— Как вы себя чувствуете сегодня? — спрашивает доктор.

— Хватит, доктор! — прерывает доктора женский голос. Это премьер-министр Латирии Нигири Кодао. Она стоит у окна, заложив руки за спину, злость расходится от нее волнами. Кодао злится, потому что очень многое поставила на карту, и ей кажется, что ее обманули.

— Хватит изображать дружелюбие! Заставьте ее говорить! — кричит премьер-министр. Десять улыбается, ей доставляет удовольствие злость и беспомощность Кодао.

— Бойтесь оказаться по горло в пепле, Кодао? — Говорит Десять голосом мэтресс лен Валлин. — Вы же знаете, как единоверцы относятся к любым вмешательствам в человеческое тело? Разве душу можно записать? Переместить в другое тело? Церковь открестится от создания андров, а вас сделают крайней и сожгут на костре за ересь!

— Как ты смеешь, — шипит Кодао, от возмущения краска бросается ей в лицо. — Лейтенант Аринэ жду вас на смотровой палубе! Немедленно! — срывающимся от гнева голосом, приказывает премьер министр.

Доктор тяжело вздыхает и падает в кресло рядом с Десять. Он сменил свой рабочий халат на темно-синий костюм и ему в нем жарко, он вытирает пот со лба. Его кустистые брови неизменно топорщатся в разные стороны, делая выражение его лица немного удивленным. Она посылает сигнал бесу, запустить дополнительное кондиционирование. Система принимает команду. На столике перед креслами появляется стакан с водой.

— Технологии линкора впечатляют, — тихо говорит доктор Нада и задумчиво трет дряблый подбородок. — Думаю, “Лик Аурелии” способен пересечь границу Предела.

По меркам людей доктор Нада стар. Ему больше ста лет. Для латирийца это сверх почтенный возраст. Интересно, что он думает о смерти? Скопировал ли он свою память в оптоларс? Хочет ли он жить бесконечно?

Двери открываются, входит лейтенант Аринэ. Не говоря ни слова, она посылает с экрана планшета информацию сразу на смотровое окно, стекло темнеет и покрывается сеткой. На сетке появляется карта.

— В проливе у Трех столбов произошел взрыв и образовалась магнитная аномалия, её эпицентр имеет очень сильный заряд, ни один визор не дает картинки. По структуре остаточного вещества это не похоже на портал, но математическая модель показывает, что масса выброшенного вещества была огромна.

— Вы нашли девчонку и авара? — охрипшим голосом спрашивает премьер-министр.

— Система еще анализирует данные, — спокойно отвечает ей лейтенант Аринэ.

Кодао снова не может совладать с собой. Теперь она набрасывается на Аринэ.

— Лейтенант, знаете ли вы вообще, что здесь делаете или мэтресс настолько простерилизовала ваши мозги, что вы разучились думать самостоятельно?

Доктор отводит взгляд и прикрывает глаза рукой, ему неприятно поведение Кодао.

— Вам стыдно, доктор? — спрашивает Десять. — Не знала, что вы так чувствительны!

— Я всегда считал, что науку надо отделять от политики, понимаете? — отвечает доктор Нада.

— Это уже не наука и не политика, это война, доктор, а на войне есть стороны, привыкайте!

Нигири Кодао продолжает выкрикивать приказы:

— Кто-то должен навести здесь порядок! Вызовите сюда немедленно адмирала Эвориана!

— Наше сотрудничество всегда можно прекратить, — очень твердо отвечает лейтенант Аринэ.

— Сотрудничество? — узкое длинное лицо Нигири Кодао вытягивается еще сильнее. — Вы работаете на меня!

Аринэ лишь сильнее сжимает руки за спиной. Два андра рядом с Нигири падают на палубу и остаются лежать без движения. Премьер-министр оборачивается и долго, не понимая, смотрит на своих телохранителей.

— Корвет “Эреб” будет готов к отлету через четверть часа. За вами придут и проводят. Всего доброго, премьер-министр! — говорит лейтенант Аринэ и поворачивается к доктору Нада. — Если понадобится, я буду на мостике.

— Спасибо, лейтенант, — говорит Ларс Нада. — Я был сегодня у вашей сестры, ее

состояние можно назвать стабильным. Десять внимательно наблюдает за лицом Аринэ, но лейтенант не реагирует. Не дрогнув и не проявив ни тени почтительности, она покидает палубу. Потом приходит охрана и выводит Нигири Кодао. Премьер министр ошарашена и не сопротивляется. Выбора ей не оставили. Гнев вылился и ее слегка шатает от бессилия.

Ну что ж, доктор выбрал сторону и теперь у них есть еще один враг.

На экране панорамного окна текут данные. Много цифр и графиков, сплошная математика. Люди слепые и неверующие, видят только цифры и физические параметры.

— Мы говорили об изначальных технологиях, Десять, — продолжает доктор. — Вы можете извлекать информацию из этой оболочки? Её память вам подчиняется?

Десять молчит и улыбается.

— Поймите, Десять, на нас лежит большая ответственность! — доктор тяжело вздыхает. — Мы не можем позволить Ордену решать судьбу всех людей на Алькаане. Они владеют знаниями, но их равнодушие намного хуже, чем живая, человеческая алчность и жажда власти. Они выбрали путь отчужденности, путь вне времени, вне плоти, их не интересует будущее живых людей! Наше будущее!

— Вам надо смириться, доктор, — отвечает Десять. — Принять, что на Алькаане больше нет живых людей.

Доктор качает головой и поджимает губы, он ищет соответствующую реакцию, но не находит и снова вздыхает.

— Пусть будет по-вашему, — отвечает он. — А мы тогда кто?

— Мы — плоть и кости, но они не более чем форма для памяти, а то, что вы называете жизнью — всего лишь функция сохранения и воспроизведения информации.

Доктор выглядит опечаленным, кажется, он, наконец, понял, что Десять больше не Десять, что слияние памяти вируса и памяти мэтресс лен Валлин создало кого-то совершенно иного.

— Ну что ж, — говорит доктор. — Значит мы несомненно идём по стопам наших предков. Путь бесконечности — путь прогресса, не так ли? Это позволит нам сохранить ресурсы Алькаана, пока мы сами не научимся возобновлять их.

Десять смеётся.

— Желаю вам удачи на этом пути, а я пока предпочту так далеко не заглядывать, сначала нам нужен бессмертный символ для будущей бесконечной империи, нельзя построить мир, пропустив фундамент.

Экран перед ними светлеет, сетка пропадает и появляется изображение. Картинка не очень четкая, будто кто-то рассыпал по экрану песок.

Механический голос из динамика сообщает:

— Параметры атмосферы изменены.

Доктор берет стакан со столика и смотрит на экран. Пока доктор пьет воду, Десять смотрит на экран, где зарождается смертельная ловушка — песчаная буря. На масштаб охвата, на формулу расчета времени и на бегущие цифры обратного отсчета. И думает, как это иронично — время идет! Еще немного и она научится распознавать, что есть сейчас, что было сейчас и что будет сейчас и тогда сможет управлять вероятностями, как это делала мэтресс Ванесса лен Валлин, а пока ей остается только помнить, смотреть и планировать.

Крейсер "Сухой"

— Девять-четырнадцать, слышишь меня? Синий-синий, отвечай! Единый их раздери, что они сделали с твоим бесом? Простите, сэр, я не знаю что с ней! На позывные реакции нет, сенсоры ни на что не отвечают и выгрузка недоступна! Мы установили дублирующую внешнюю корону и подключили к мозгу, жду пойдут ли визуальные данные.

— Разбуди ее, дай Гемони, я должен знать, это все еще она или уже нет.

— Пытаюсь, сэр!

Память девять-четырнадцать говорит ей, что первый голос принадлежит старшему лейтенанту Шейзи дай Гемони, ее оператору, а второй голос контр-адмиралу Николасу Эвориану. Одному из приближенных Эмиля Археса.

— Девять-четырнадцать, — говорит голос адмирала. — Ты слышишь меня?

Она не помнит, как оказалась на крейсере, но знает, что называет он "Сухой", а адмирал Эвориан что-то значит для девять-четырнадцать.

Она перебирает осколки её жизни как четки, пытаюсь привести мысли в порядок. Колодец памяти волнуется, волны то и дело выбрасывают на берег очередной отполированный камушек, возвращая её в другое время, в мир Сопредельных Штатов Латирии, для которого она умерла.

Но каждая крупица знаний может быть полезна, поэтому она не сопротивляется, она лежит, дышит и слушает.

Ядром звёздной колонии долгое время была церковь и вера в Единого, когда же железный занавес рухнул, за ним последовали и устаревшие догмы из Новой библии. Церковь вынуждена была отступить в тень под напором светской власти и последние сто сорок лет звездной колонией которая теперь звалась Сопредельные штаты Латирии, безоговорочно правил Научно-разведывательный Корпус. Новой религией стал прогресс и воскрешение старых технологий.

А за пределами же штатов расстановка сил значительно отличалась. В воздухе власть принадлежала Антиадарской коалиции и её флоту, и была разделена между дуумвирами.

Одним из двух был Эмиль Архес со своей партией Воздушников и их лозунгом «Воздух для людей», яростная нетерпимость которых легко сменялась лояльностью, когда речь заходила об альтернативных источниках энергии или новых месторождениях дамария, жизненно необходимого людям топлива. Именно архесцы торговали с королевством дамьен и Ксаравией, не гнушались спускаться с небес на землю и пользоваться благами отверженных, неведомых рас. Почти все торговые караваны ходили и по воздуху и по песку под охраной архесцев.

Вторым дуумвиром воздушного флота был принципиальный и гордый Александр дай Ценорий, толстокожий военный и ни разу не дипломат. Истинно-верующий, неподкупный хозяин Атмосферных станций. Менее гибкого во всех отношениях человека трудно было найти, но именно он, к удивлению многих, был выбран кадалоном в Адарский Совет и каким-то чудом сохранял за собой этот пост уже восемь лет.

В основном поэтому Корпус старался открыто поддерживать его консервативную политику, осуждать продажность архесцев, но за глаза платить им за конфиденциальные перевозки не совсем законных грузов и откровенный шпионаж. Корпус не скрывал, что

готовит почву для очередной попытки спуститься с небес на землю, и проект “Мессия”, который создал доктор Ларс Нада, должен был ускорить этот процесс.

Все началось с того, что Корпус, пытаясь компенсировать постоянные потери квалифицированного личного состава за Пределом, ввел обязательную годовую службу и стал сгонять почти неподготовленных новобранцев на ледорубище. От воды зависела жизнь. Через пять лет город заполнили калеки с хорошей страховкой, которым совершенно нечем было заняться. Уровень преступности мгновенно вырос и тогда Корпус предложил правительству выход из сложившейся ситуации, они создали вакансию “Нейрооператор автоматизированных систем для контроля периметра и внешней разведки” Звучало совершенно безобидно, все, что требовалось, с помощью специального мысленного интерфейса, управлять машинами, выходящими за границу Предела. И вот тут начиналось самое интересное, новоиспеченный рекрут вдруг просыпался внутри идеальной, искусственной оболочки, которая была почти неотличима от настоящего человека. Вспомнив хроники, их называли андрами.

Через год основного контракта, почти все рекруты продлевали договор с пометкой “бессрочно”, а их законсервированные, искалеченные тела оставались для Корпуса идеальной гарантией выполнения всех условий договора и стопроцентной верности, ведь никто из подопытных даже не догадывался, что их память просто скопировали и перезаписали на новый носитель.

Так прошли первые массовые испытания вируса памяти доктора Ларса Нада и никто даже не понял, что произошла революция. Оставалось наладить бесперебойное производство оболочек, для чего требовалось найти надежный источник дамария и с такой силой люди уже могли спуститься с небес на землю и начать полномасштабную войну за территории. Все шло по плану, когда вдруг выяснилось, что если не починить сам фундамент их искусственного мира, то все планы на будущее бессмысленны. Над землей или на земле, но когда кончится воздух, кончится и жизнь. Самой большой проблемой было то, что никто не мог предсказать, когда именно чужие технологии откажут полностью, но почти все ученые и в Латирии, и в Ксаравии, и в Адаре, сходились во мнении, что человечеству на этой планете осталось максимум несколько десятков лет жизни. Ученые считали, что искусственно созданный Алькаан достиг предела возобновляемых ресурсов, а численность живущих на нем, превысила лимит.

Она слушает и знает, что это было неизбежно. Объем памяти Творца ограничен, а значит, периодически он должен освобождать место. Природный катаклизм. Эпидемия. Белая эра. Восстание людей против Неведомых. Рано или поздно Творец бы все равно вынужден был провести чистку. И создание вируса стало лишь одним из звеньев в этой цепи.

Она стала лишь одним из звеньев в этой цепи.

Девять открывает глаза и моргает. Картинка скачет, но она есть. Черно-белая, размытая по краям, но это уже можно назвать зрением. Она видит лицо адмирала, который с беспокойством вглядывается в нее через защитный экран.

— Девять четырнадцать. — говорит адмирал. — Вы меня слышите?

Гладко выбритый подбородок, идеальная прическа. Эвориан пользуется гелем для укладки и парфюмом. Уши проколоты по последней моде Кахора и на каждом висят кольца. На правой руке надета сенсорная перчатка, на поясе кобура с метателем. Руки он держит скрещенными на животе. Они хорошо знакомы, она чувствует приятное тепло, видя его строгое лицо, слыша его голос...

Адмирал атеист и скептик, пьет, курит, терпеть не может субординацию и военную форму, предпочитает штатское, причем заказывает одежду только у лучших портных Кахора. Ей легко представить его за игорным столом и в борделе с рабынями, накаченными соком. Бунтарь и самоучка, он плевать хотел на карьеру, но без причины никогда никому не переходил дорогу, умел быть галантным, всегда красиво снять шляпу и пропустить вперед. Его любили женщины и подчиненные, он вполне мог бы в одиночку потянуть восстание и сменить Эмиля Археса на троне дуумвира, но не хотел пачкать руки. Он предпочитал оставаться в тени.

Но сейчас он здесь, а значит как-то связан с проектом “Мессия”

Это почему-то плохо укладывается в канву её воспоминаний о нем.

Она медленно поднимается и садится, скрестив ноги. Под ней матрас, он лежит на полу. Её окружает эхо зала единоборств. По стенам висят гербы и штандарты чемпионов. Основным отличием спортивных состязаний Латирийцев был именно зал, зал из которого забирали тепло и воздух. Любой герб на этой стене вызывал уважение, ведь ты в прямом смысле дрался за жизнь. А еще это естественное сокращение численности, проиграл — умер. Победа означала почет, но она забирала и здоровье. Многие из тех, кто в другой жизни были победителями воздушных турниров, теперь занимали незначительную на первый взгляд должность нейрооператора и носили восьмерку на эполетах. Символ бесконечности. Андров быстро и незаметно внедрили во все сферы жизни и особенно во флот. Правительство радовалось статистике — андры повысили выживаемость кораблей и экипажа при разгерметизации, особенно на больших высотах, где чаще встречались аномальные, белые дыры. В выигрыше были и ученые, впервые научная экспедиция добрались до самого купола Предела, где при критическом давлении люди не выживали.

— Девять-четыренадцать? — повторяет адмирал.

— У вас прекрасный голос, адмирал Эвориан, чище него только ваши ботинки, в которых вы очевидно ходите только по коврам, — отвечает она. — И крейсер ваш тоже впечатляет, какого года постройки? Или он из тех, конфискованных Орденом? Очень похож, интересно, найду ли я под этим блестящими поверхностями изначальный ксиком и изоляцию? Люди первой волны все делали на совесть. Знаете, историю названия вашего крейсера, адмирал?

Эвориан улыбается ей уголком рта.

— Сушите-сушите, Вервен, чтобы через час корабль у меня был сухой, как осенние листья, которых вы никогда не слышали. История о том, как Эзра дай Клирий учения по пожарной безопасности проводил. А как звали юнгу, вы помните, Девять?

— Вервен Архес, — отвечает она и улыбается. — Он был астматик, что исключало в принципе его службу на флоте, но в итоге на этой стене висит его герб.

— Я рад тебя слышать, Анита, — кивает ей адмирал и улыбается.

Тембр его голоса говорит, что он искренне рад ей. Их небольшой обмен любезностями похож на код и видимо все нужные слова сказаны.

Память Девять-четыренадцать говорит ей, что она — Анита Азари офицер Латирийского флота, и ей дали задание — быть Каттери лен Валлин. Двенадцатилетней, слепой девочкой, которая должна быть принесена в жертву во имя символа, символа бесконечности. В скорби и ярости, убитый горем отец будет молиться и Творец услышит его, услышит и осенит своей милостью. Так родится образ бога-Императора, отца бесконечности. Проект “Мессия” это крупнейшая мистификации в истории Алькаана. И отправной точкой для нее стало

предложение мэтресс лен Валлин. После ее визита, представители Корпуса, Единой церкви и дуумвиры воздушного флота впервые за десятки лет встретились и пришли к согласию, что это идеальный момент чтобы нанести удар и его нельзя упускать. План был сложен и одновременно прост, обмануть суеверных дерентийцев с помощью их же религии. Чтобы получить власть над умами и сердцами, они выбрали пророчество Аррана, они собирались устами Мессии поднять людей на восстание против Императора Дариуса. Война за территории была неизбежна, так почему бы не договориться и не поделить земли Империи. Особо даже делать ничего не надо, Дариус де Ван последние двадцать лет усиленно разваливает свое государство, осталось только прийти и собрать плоды его политики. Все должно было пройти чисто, адмиралу даже ботинки в дерентийской пыли пачкать не пришлось бы, но тут появилась Изначальная сущность Мелиссы Кавано и превратила мистификацию в акт слепой веры.

— Откройте камеру, — командует Эвориан и прозрачные стены экранов уползают вниз, в щели. Сверху, на арену, где она находится, падает яркий свет. Кажется будто они с адмиралом здесь одни, но она знает, вдоль стен стоят щиты и вооруженная охрана. Адмирал подходит и протягивает ей руку.

— Предлагаю пройти до офицерской столовой, помнишь куда идти?

Она кивает и протягивает руку в ответ. Он помогает ей встать на ноги. Теперь она помнит, что именно здесь, в закрытом крыле, проводились первые физические испытания вируса.

Здесь Анита Азари умерла и родилась Девять-один, и все остальные девять, вплоть до нее. А потом и Десять.

Здесь была создана ее первая, еще пробная оболочка, находилась та самая столовая, где состоялся тот самый разговор про веру с мэтресс лен Валлин. И мэтресс уже тогда знала, как все будет.

Она знала всё.

И что договоренность с Нигири Кадао была всего лишь уловкой, они с самого начала собирались использовать Орден лишь как ширму. И что Девять должна была назвать себя мессией и стать для человечества обещанием лучшей жизни. Зная об изнанке их плана, мэтресс удалось создать белую дыру внутри её убеждений, вложить в нее память изначальной сущности и тем самым поставить весь проект “Мессия” под угрозу. Теперь она уже не просто девять-четырнадцать, она кто-то иной, и это уже совсем иная вероятность будущего. Но никто кроме нее, мэтресс и Терранса об этом не знает.

Операторы и техники не смогли встроиться в систему и подключиться к вирусу, ее новая память осталась недоступна. Инкубатор, изначальная память Мелиссы Кавано у неё в голове, Творец, всё это пока её тайна.

Но если всё идет по плану, тогда... зачем она здесь? Её должны были отконвоировать к Островам, где она будет ждать новую версию авара лен Валлина. Но раз её конвоем стал крейсер “Сухой”, то похоже они недооценили опасность или что-то ещё пошло не так.

Девять делает шаг, опираясь на руку адмирала и они вместе выходят из круга света. Зрение мерцает, цвета не стабильны. Обруч давит на виски, за правым ухом пульсирует внешняя точка контакта.

— Ты в порядке дон а ви? — спрашивает Николас Эвориан. От адмирала исходит волна тревоги.

— А где доктор Нада? — спрашивает она. — Разве он не должен быть здесь?

— Я отвечу на твои вопросы чуть позже.

Переходы между отсеками узкие и длинные, под высокими потолками тускло горят люмолампы, на стенах висят защитные комплекты, отчетливо горит шкала высоты и отдельно шкала уровня кислорода. Каждые десять минут раздается голос системы оповещения:

— Внимание! Идет набор высоты! Внимание! Идет набор высоты!

У нее нет беса, но вместе с внешней точкой контакта ей закрепили контрольный браслет на запястье, на котором есть шкала, показывающая высоту. В углу экрана она видит изменение температуры за бортом и значок магнитного ботинка, сейчас он бесцветный. Если они покинут безопасную зону, ботинок сначала станет оранжевым, а потом зеленым, но прежде всего этого на браслете загорится значок маски, без которой она не сможет дышать. Сейчас набор высоты проходит в штатном режиме и каждый на корабле продолжает заниматься своим делом.

Они подходят к дверям столовой. Двери двойные, створчатые, умеют две изогнутые ручки в виде воздушных червей. Она нажимает их и толкает двери от себя. В столовой загорается верхний свет. Все система освещения на корабле — биолюминесцентная. Люмолампы и семена дыхательных водорослей для масок, это то, что Латирия закупает у островитян, выходит дешевле, работает в любых условиях, а главное, не зависит от топлива. Для экономии воздушные корабли часто ложатся в дрейф, особенно в часы солнца, когда заряжаются солнечные батареи.

Интерьер столовой и кают-компании для своего крейсера адмирал заказывал у мастеров-халиров. Дорогая дизайнерская мебель, но скромные художники на стенах. На столах специальная посуда, небьющаяся. Кресла прикручены к полу и игнорируют форму тела, но зато из кухни восхитительно пахнет настоящей едой, а не субпакетами. Они садятся за стол. Аппетита у нее нет, но она делает вид, что с удовольствием вдыхает ароматы. Она не торопит адмирала и всем своим видом наслаждается обстановкой. Она же, как никак, вернулась домой.

Так ли это? Вернулась ли... *она*?

Ей не хватает зрения Каттери, ей не уютно, она словно бы... ослепла?

— План изменился? Меня извлекают? — спрашивает она.

Ей надо быть очень осторожной, чтобы не выдать адмиралу никакой лишней информации, пока она не поймет в чем дело.

— Нет-нет, — отвечает адмирал, слишком поспешно. — Изменились обстоятельства, мы опасаемся утечки. Твой первоисточник, Анита Азари, присоединилась к группе радикалов и украла собственность Корпуса, — говорит адмирал. — Я здесь за тем, чтобы найти ее. По данным разведки, в последний раз ее видели в Дерентии.

— Как это случилось?

— Ваши лабораторные крысы сказали, что возможно, она вернулась из имуль-канала с повреждениями мозга.

— Но почему я здесь? Разве проект не в приоритете?

— Как и ты, я лишь выполняю приказы, — отвечает адмирал.

И, конечно, же врёт, но как-то слишком плохо. Мнется, словно не может решиться, то поправляет салфетки в вазочке, то дергает манжеты. Она пока не понимает, какие между ними отношения, но что-то мешает ему не сказать.

— С первой версией Терранса возникли проблемы, он исчез. Ты случайно не знаешь,

мог ли он открыть портал?

— Из-за перегрузок я была без сознания и не помню, что случилось. Вы точно все обыскали?

— Он пропал... позже, — адмирал натягивает улыбку. — По данным протокола, на борт спасательного корабля “Блик” забрали четверых, а к нам попали только трое. Боюсь, кто-то помог ему сбежать.

Она качает головой, ей нечего ему сказать. О том, что Терранс был слишком плох еще до перегрузок, а уж после... вряд ли у него хватило бы сил на побег, но об этом она решает промолчать, чтобы не вызывать лишних вопросов.

— Знаешь про взрыв в проливе Трёх Столбов? Пыль висит такая, что все Ока и зонды ослепли. Вышла из строя электроника на многих кораблях Ордена в этом квадрате, а на месте пролива разверзлась настоящая бездна! Хессов пришлось вызывать! Их логи каплют там вручную.

— Хессов?

— Не удивляйся, они наши новые союзники. Империя вот-вот окончательно развалится, а девятихвостые считают себя истинными наследниками Вестников, верными хранителями культуры людей второй волны. Мы просто открыли им заднюю дверь, — улыбается адмирал. — А они в обмен поделились отмычкой для парадного. Так тебе нечего сказать о взрыве?

— Я ничего не знаю о взрыве, — отвечает она и голос ее тверд, как каис. — А о неполадках связи вам лучше спросить у мэтресс, это она заманила нас в ловушку к Трем столбам и не успеешь мы выбраться, то погибли бы при взрыве.

— А как вы выбрались?

— У Столбов была спрятана шлюпка, нам повезло, что авар знает мертвые языки, смог прочесть символы и указатели, а еще оказалось, что холод черной воды для него не смертелен.

— Это интересно, — задумчиво говорит адмирал, закидывает ногу на ногу и барабанит пальцами по животу. — Что еще ты о нем узнала? Какими способностями он обладает?

Говорить или нет адмиралу про сериод в крови авара?

Слишком скользкая дорожка, они не успели договориться между собой, а значит кто-то может выдать ее ложь, Преподобный или доктор. Если они еще живы, конечно.

— У вас ведь теперь есть рычаг давления вот и уговорите новую версию авара продемонстрировать свои способности, — говорит Девять. — При мне он порталы не открывал. И я бы на вашем месте поговорила с Преподобным, они достаточно близки.

— Преподобный пока в медотсеке, — отвечает адмирал. — На нем сказались перегрузки, но когда он восстановится, мы обязательно побеседуем с ним.

Жив.

Она сдерживает вздох облегчения и говорит недовольным голосом:

— Мне не нравится, что мы теряем время! А еще вы подрываете мою легенду!

— Когда вершишь историю, дон а ви, нельзя торопиться, — говорит адмирал. — И не беспокойся, доктор Нада про тебя не забыл, он сам все расскажет, сейчас он немного занят на “Лике Аурелии”. Федера умер от сердечного приступа и доктор теперь командует всей операцией. Архес был в ярости, но под давлением дая Ценория, уступил. Пока план работает, а это самое главное.

Переваривая, все, что услышала, она откидывается на спинку стула и смотрит в сторону

кухни.

— А обед мы сегодня дождемся? — смеется она. — Умираю с голоду.

— Дон-дон, — смеется адмирал. — Терпение не твоя сильная сторона, да? Как истинной мессии мы, кстати, приготовили тебе лучшую каюту, ту, что напротив моей.

Она кивает и усмехается. Адмирала с Анитой Азари явно связывали близкие отношения, но к его разочарованию ее оболочке всего двенадцать.

И навсегда останется двенадцать.

Дверь кухни открывается и матрос вывозит тележку с подносами. Колеса отвратительно скрипят. Она морщится. Картинка моргает и обеденный зал погружается в черно-белый. Память девять четырнадцать сохранила подробные планы крейсера и пока перед ними выставляют тарелки и приборы, она мысленно прокладывает маршрут из столовой до медотсека, а оттуда на посадочную грузовую палубу. Вероятность сбежать с крейсера ничтожна, но она все равно прикидывает их шансы.

Больше всего им нужен был Преподобный, ведь их целью было использовать религию и старик священник очень пригодится, если получится с ним договориться. И если она хочет сорвать свой собственный идеальный план, то должна найти его и уговорить подыграть ей, пока она не придумает как выбраться с крейсера, а для этого как то надо попасть в медотсек.

— Адмирал! — раздается голос от дверей столовой, в зал входит младший офицер связи, она не помнит как его зовут, только удивленное вытянутое лицо и торчащий чуб. После того, как на флоте было разрешено не брить голову, многие отрастили себе такие, некоторые заплетали его в косу, другие красили в разные цвета. — Вас вызывают, это с Ау, что-то срочное.

— Извини, дон а ви, — говорит адмирал и встает из-за стола. — Вынужден оставить тебя обедать в одиночестве.

Она следит за тем, как Николас Эвориан спокойным шагом покидает зал, долго крутит вилку в руках и не может унять плохое предчувствие. Еще минут десять она делает вид, что ест, ковыряясь в содержимом тарелки, а потом отодвигает ее и встает. Никто ее не останавливает, когда она выходит из столовой и направляется в сторону своей каюты, точнее, каюты адмирала.

Девять идет по кораблю и знает его. По пути ей попадаются трое матросов в серых рабочих комбинезонах, двое с ведрами и тряпками, и третий с краской и клеем. Один офицер после вахты. Смена матросов с инженерной палубы, их отличает треугольники на лацканах. У служебного лифта она встречает дая Кальвеста, ревизора по хоз части, он придерживает дверь и пропускает её вперёд. На его лице ни следа удивления. Она заходит в лифт и ревизор заходит следом. Они поднимаются молча. Он выходит раньше нее и уже перешагивая порог, говорит:

— Делают похожими на людей, но при этом отнимают все человеческое, странно, вам не кажется?

Девять не отвечает. Дай Кальвест уходит не оглядываясь, а она смотрит вверх, в чёрную точку сенсора. Она уверена, что за ней следят. И хотя мнение ревизора никого не волнует, но оно показывает что далеко не все согласны с политикой Новой Коалиции.

Она выходит из лифта на офицерской палубе и без труда находит выделенную ей каюту. Девять четырнадцать помнит что когда-то в ней жила Анита Азари. Статус Азари до этой спецоперации в иерархии Корпуса был не совсем понятен, в ведомостях поочередно появлялись то должность младшего аналитика, то оператора внешних систем наблюдения, то аппаратного техника, а во флотских документах она проходила как офицер лётного состава.

Визор наводит на неё чёрный зрачок, щелкает веком и дверь открывается.

Кабюта просторная и уютная, мебель явно была заказана под хозяйку и ничем не напоминает сухие и строгие конструкты из обеденного зала. Мягкая обивка кресел, теплые цвета панелей, картинки на стенах без рам, на первый взгляд они висят хаотично. На полках коллекционные фигурки воздушных кораблей, подборка книг по флаеристике и лётному делу, подписка научного журнала “Обитаемый воздушный океан”, все экземпляры лежат стопкой на столике у кровати в некоторых есть закладки. Везде порядок.

Она ищет терминал для выхода в Сеть, но его в каюте нет, как нет панели для контакта или зарядки. В шкафу висят три лётных скафа, вполне современных, рабочий комб, офицерская форма и много комплектов повседневной одежды, на вид очень дорогой.

Интересно, это адмирал привил Аните вкус к хорошим портным? Так же она видит вечерние платья и туфли. Выходила с ним в свет? Ей все еще кажется, что они с адмиралом были очень близки. Или это вовсе не ее каюта? То, что она видит здесь, плохо складывается в ее голове с другими кусочками мозаики. Анита Азари совсем не похожа по ощущениям на девять-четырнадцать, последняя скорее винтик в машине, исполнитель и была им всегда, она вряд ли отрастила бы амбиции, чтобы претендовать на офицерские погоны, а Анита Азари очевидно прирожденный офицер и никогда не стала бы просто винтиком, если только ей не оставили выбора. Авария за Пределом, травма позвоночника, возможно, чистка памяти и вместо офицера Аниты Азари уже совсем другой человек, которому предлагают вступить в программу доктора Нада. Сначала просто слепки памяти и реакций через имуль-канал, потом ее выбирают для испытаний программы отптоларса и создают копию её личности.

С адмиралом она познакомилась до или после?

Двери за её спиной открываются ей приходится оглянуться через плечо, чтобы увидеть вошедшего. Из-за внешней точки контакта она потеряла свои способности чувствовать. В

каюту входит Николас Эвориан.

— Знал, что тебя сюда потянет. Что-то вспомнилось? Я ничего здесь не изменил, каюта твоя и ждёт твоего возвращения.

Теплота в его голосе кажется искренней.

— Ты хотел сказать, её возвращения?

Она оглядывает каюту ещё раз и понимает, что внутри нет ни одного сенсора или визора слежения.

— Скажите, адмирал, на кого я на самом деле работаю? Аниту Азари очевидно внедрили в проект доктора Нада для сбора информации, так она превратилась в объект девять-один а после в девять-четырнадцать. Что она делала там, саботировала проект или помогала его развивать? Кто это организовал? Антиадарская коалиция? Архес? Лично вы?

Улыбка адмирала широкая, как река в половодье, он почему то доволен её вопросами.

— Какие ещё варианты?

— Есть вариант, что за всем эти стоит Орден. Вряд ли они оставили без контроля создание живого вируса, который спровоцирует Творца на уничтожение мира!

Адмирал перестаёт улыбаться.

— Хорошо, значит, она сказала тебе.

— Она?

Адмирал проводит рукой по воздуху, рукой в сенсорной перчатке, и свет становится ярче. Эвориан выдвигает одно кресло в центр каюты, потом второе ставит напротив, а между ними добавляет низкий столик, на котором все так же лежат журналы “Обитаемый воздушный океан”.

— Присядь, думаю, разговор затянется. Да и как в двух словах описать вечность? У Радлеца всегда хорошо получалось, он у нас романтик, я прагматик и предпочитаю хорошо прожаренный стейк и бутылку вина, а там уж куда тропа выведет.

Девять садится в кресло, ей немного тревожно и зрение мешает ей видеть все в истинном свете, она с трудом сдерживается, чтобы не выдрать контур контакта из-за уха.

— Люди так любят легенды, — адмирал садится напротив и закинув ногу на ногу, откидывается на спинку кресла. — И все легенды сходятся на том, что после войны с Вестниками, Изначальные покинули Алькаан и вышли за Предел плоти. Уступили место, так сказать, и да, в этом есть доля истины, но на самом деле все случилось иначе. Это история с уходить, уступать место, она не про людей, мы жадные и хотим власти и могущества. Зачем уходить из мира, который ты создал? В котором ты бог? Особенно если и уходить некуда. У нас постоянно были споры по этому поводу. Кто-то выбрал спасительную ложь и бесконечное множество оболочек, другие хотели сохранить природу человека и требовали забвения. Наша память заперта на этой планете, как в тюрьме, и все что мы можем, это сделать условия своего пребывания здесь чуть более комфортными. Но всё повторялось. Мелисса всегда выбирала власть, а Радлец продолжал каждый раз принимать все те же неэффективные решения, даже зная куда они приведут. А еще он сражался за то, чтобы остаться человеком. Человеческая природа оказалась неискоренима из нашей памяти. И именно за нее мы и сражаемся всю нашу вечность. Мы отвергли скучное и стабильное Единение, которое было уготовано для нас в конце пути. Мы не смогли вырваться из симулятора, потому что память привязывает нас к недрам этого гравитационного колодца, но смогли прервать круг смертей и перерождений, выйти из него, научились контролировать его. Между Творцом и планетой сложное взаимодействие, равновесие между ними создает

для нас средю обитания. Со временем мы научились изменять и её. Молитвы, периодические и непериодические символы, радужные купола, сеорид и тиаприн, йондали, как язык программирования. Творец видит и отвечает, Алькаан изменяется под его воздействием, так мы построили наш мир.

Девять вслушивается в слова и тембр голоса адмирала и все ещё не слышит, говорит ли он ей правду. Она потеряла свою способность.

— Хочешь сказать, ты Изначальный? — спрашивает Девять. — Один из тех людей, кто первым прилетел на Алькаан?

Адмирал взмахивает руками и взгляд его вязнет в глубине. Она не уверена что он услышал её вопрос. Его взгляд блуждал где-то далеко.

— Книгу о Семи Первых писали равианцы, люди первой волны. Они отнесли к нашим историям очень восторженно, обожествляли нас и мы не могли этим не воспользоваться. Книгу Начал частично скопировали из Библии, частично из равианских рукописей, а кое-где додумали уже люди второй волны. После Исхода из Адара людям нечем было заняться, бродить по пустыне тяжело, а под палящим солнцем чего только в голову не придёт, вспомнить хотя бы Красных Братьев. Хотя страдание и искупление, это не ново, все века своего существования человечество было подвержено самобичеванию, но и тут, я думаю, без Мелиссы не обошлось. Дай ей волю, она истребила бы человечество и даже память о нем.

— Корабль на котором вы прилетели, все ещё на орбите?

Адмирал качает головой.

— Помню ли я, вот правильный вопрос. А ты помнишь? Или знаешь? Это важное отличие, дон а ви. Память очень быстро уничтожит тебя, заберёт твой разум в глубину колодца, поверь, ты этого не хочешь. И я не хочу. Никто из нас, потому и существуют предохранители, Тени. Такие аспекты, как Терранс лен Валлин. Нагрузка множества жизней распределяется на несколько аспектов, а ты, их средоточие, сохраняешь разум и черпаешь знания из колодца. Чтобы понять, как бывает иначе, вспомни триединство Мелиссы. Она пошла другим путем и кончилось это плохо, чтобы защитить всех нас и наши Тени, пришлось разорвать ее связь с Эбо и Инкубаторами. А ответ на твой вопрос — последние несколько тысяч лет я не был на орбите. Никто из нас не был.

— Но почему? Почему вы не ищите выход? Не пытаетесь улететь?

Адмирал рассмеялся.

— Потому что я знаю, что выхода нет! За Пределом меня не ждёт ничего, кроме Единения.

— От откуда ты знаешь, что твои знания истинны?

— Я в это верю. Ты есть то, что ты о себе помнишь, если ты в это не веришь, то что остаётся?

— Терранс лен Валлин — аспект, часть от целого, а кто его средоточие? И кто тогда я? Или правильнее спросить — чья?

— Это не так важно, тут главное знать, на чьей ты стороне. Есть такие, как Мелисса, кто принял власть Творца, его волю и не собирается с ней бороться. Её устраивают правила игры и могущество, которое Творец нам дает, делиться им с людьми она не планирует. Кому же не нравится быть богом? Но богов должно быть мало, а в идеале всего один. Есть еще фанаты свободы воли, в ней они видят фундамент человечности, хотя история доказывает, что землю от уничтожения она не защитила. А Творец, как ты понимаешь, злодей, потому что он, на эту самую волю, покушается. Не оставляет выбора, так как знает и помнит тебя и

твой выбор наперёд и в любой момент способен вмешаться. По мнению таких фанатов, мы здесь, как звери в зоопарке, у нас есть зрители и ограждения под током. Контролируемая среда. Их лозунг прост — давайте расскажем людям, как Орден их обманывает, пусть они знают, что мы все равны в своей бесконечности, дадим человеку выбор.

— И что плохого будет, если сказать людям правду? — она подаётся вперёд.

— Рассказать, как был создан живой вирус? Мы поделились знаниями и равианцы захотели бессмертия, так и началась первая война. С вестниками была та же история. Все всегда повторяется. Человек хочет бесконечности любой ценой. Даже ценой самоуничтожения.

— Неведомые же живут, перевоплощаясь. Вы вечность меняете оболочки, Инкубаторы у вас есть, в чем проблема?

— Наше заточенное ребро — ИИ, Орбитальная станция Эбо, именно с его помощью мы используем инкубаторы. А он имеет в своём коде заложенную директиву защищать все человеческое, как бы странно это не звучало. Образ жизни, оболочку, её слабости и эмоции. Алькаан очевидно был создан не для людей, а наш ангел-хранитель на орбите, создан именно для нас. И главное его правило — смертность, наш последний предел. Человек должен оставаться человеком. Помнить себя человеком. Ради того чтобы беречь жизнь, в той форме, в которой Эбо её воссоздаёт, ИИ сконструировал себе материальный аватар. Ту, что следит за балансом жизни и смерти. Как то у нас даже случилась семичасовая война, мы тогда чудом не разнесли всё, что создали. Осознав, чем это кончится, мы решили обмануть машину. Нам удалось написать новый код и с его помощью мы смогли перепрограммировать Эбо и инкубаторы. Создали лазейку. И убили в человеке все человеческое. Многие тогда оказались не согласны, и хотя сейчас очевидно, что неведомые модификации победили, аватара Эбо и Орден до сих пор сражаются за выживание *homo periclitatur*, человека вымирающего.

— И ты на чьей стороне?

— С моей точки зрения удовольствие от жизни можно получать лишь когда живёшь в первый раз, поэтому я выбираю мир людей, — адмирал смеётся. — Предпочитаю держать смерть в запасе.

— А зачем ты тогда в этом участвуешь?

— Я присоединился к проекту по настоятельной просьбе одной влиятельной особы, но лишь после того, как узнал, кто стал источником информации о живом вирусе. Я здесь чтобы найти Аниту Азари и не допустить дальнейшей утечки из её колодца. А насчёт предположения, что Анита работала с мэтресс, то это маловероятно. Они плохо переносят друг друга, вне зависимости от модификации, хотя чисто формально занимают одну сторону.

— То есть Анита считает, что ложь лучше правды, но при этом живёт в смертной оболочке?

— Терранс лен Валлин заразил тебя своими идеями, да? Думаешь, все хотят знать, что жизни нет? Выхода нет? Эта карусель и она крутится бесконечно, по мне так иллюзия лучше. Маленький отрезок времени, в котором у тебя есть место для надежды. Для жизни.

Девять уже жалеет, что не сдержалась и высказалась, стоило промолчать. Лучше бы адмиралу не знать, что она думает на самом деле.

— Ты не можешь связать с Анитой? — меняя тему, спрашивает Девять. — Разве вы не общаетесь между собой?

— Мы умеем узнавать друг друга в разных оболочках на слух. Каждый инкубатор ставит при перемещении клеймо и его слышно на определённой частоте.

— Так ты узнал про меня?

— Когда статус твоей оболочки изменяется, остаётся след. Это как годовые кольца на деревьях, я знаю, что ты переродилась, а значит передо мной уже не та девять-четырнадцать, которая ранее покинула мой крейсер. Про вирус я уже знал. Сложить все это не составило никакого труда, ведь когда ты знаешь, как было, то знаешь и как будет.

— Вы все видите вероятности? А есть среди них хоть одна, в которой наш мир не погибнет?

Адмирал задумчиво тербит кольца в правом ухе, он больше не выглядит расслабленным. Он щурится и скрещивает пальцы, словно собирается складывать йондаль.

— Все вероятности, — тихо говорит адмирал, — сводятся к одному — Терранс лен Валлин станет Императором. Когда все так идеально складывается, то обычно это искусственно созданная Тропа. Очевидно, что вмешался кто-то из Изначальных.

— Так это сделал один из вас? Обрушил нам на голову конец света?

— Не драматизируй, дон а ви, до момента синхронизации еще три месяца и ты удивишься, насколько машины медлительны. Сначала Творец призовет глашатаю, потом глашатая запустит обратный отсчет, на первом этапе перестанут работать Сеятели, на втором обесточатся Атмосферные станции, на третьем Система Творца отменит все климатические зоны, превратив мир в пустыню, и мы останемся с тем, что было здесь изначально, а потом Творец просто будет ждать, когда у нас кончится вода и воздух. Это затянется на пару сотен лет, не меньше, поверь, я знаю. Я такое уже видел.

— Ты так говоришь, словно сотни тысяч людей, которые умрут без воды, ничего не значат!

— А что ты сделаешь? Собираешь против Творца армию? — адмирал смеется. — Если забыть, что ты всего лишь Тень, то я не понимаю, что тобой движет? Хочешь стать героем, который спасет мир? Странно, ведь Аните такое геройство не свойственно! Может в тебе это безрассудство от Мелиссы? Подумай лучше о себе! Ты еще успеешь прожить несколько жизней до судного дня. Как только твоя роль будет сыграна, я помогу перенести твою новую личность на другой носитель, можешь пока подумать, кем хочешь стать в новой жизни.

Девять колеблется, перестать наконец быть двенадцатилетней девочкой это очень заманчивое предложение.

Адмирал вздыхает.

— У тебя нет своих воспоминаний, нет последовательного опыта, ты сидишь в темноте колодца и просто подслушиваешь опыт других. Тебе сказали, что ты должна делать, вот ты и делаешь. Я знаю, что ты чувствуешь, — говорит адмирал. — Но тебе придется ответить себе на вопрос, кто ты, а иначе ты так и останешься навсегда не более чем аспектом. Разве ты не хочешь стать целой? Своей собственной?

И тут она видит свою ошибку. Она приняла равнодушие за доброту. Для адмирала она никто, даже не личность, она просто информация. И эта информация принадлежит с его точки зрения Аните Азари. Именно с ней он сейчас торгуется. Адмирал прагматично решил не ссориться со старой подругой, им ещё вечность вместе коротать. От ярости хочется перевернуть стол, но она берет себя в руки, откидывается на спинку кресла и щурится на черно-белую фигуру адмирала. Ее переполняет злость.

Эвориан встаёт и скидывает руку, давая понять, что разговор окончен.

— Пока это все, дон а ви, — говорит адмирал. — Я сказал достаточно, тебе есть о чем подумать.

Он уже стоит в дверях, когда она спрашивает:

— Куда мы летим?

— Всё идёт по плану. Мы — конвой для будущего императора — отца бесконечности, — искренне, как ей кажется, смеётся адмирал. — А отец возжелал молиться! Мы летим в столицу Островной Федерации Тлако, где авар лен Валлин преклонит колени перед Семенем Матери Маат. Попросит ее милости и прощения.

— Терранс летит молиться?

— Именно так и полагается вести себя убитому горем отцу, который готовится отправиться в добровольное изгнание, — отвечает адмирал. — Сложить оружие в знак смирения и совершить паломничество к святыне, дабы очистить разум от гнева и раскрыть Великой матери своё сердце.

— Путь паломника, — говорит она и от удивления привстаёт из кресла. пока Девять не было они изменили план. — Он хочет возложить свой гнев на алтарь! Это испытание милосердием Матери! По легенде, взамен гнева Маат вернет паломнику недавно утраченное! Вот он, новый план! Новая мистификация!

— Как видишь, — смеётся адмирал, — пути матери Маат, вполне себе исповедимы, а ты всё ещё в деле, так что не делай глупостей, дон а ви, я узнаю о них раньше, чем ты выйдешь из этой каюты.

Он сам сказал, что терпение не её сильная сторона. Она ждёт пока адмирал выйдет, долго слушает его шаги, потом считает до ста и выходит из каюты в коридор.

Отчет пошёл.

Какое бы утраченное не просил вернуть новый авар лен Валлин, но это будет не она, потому что она собирается бежать.

Воздушный океан

Девять бродит по коридорам крейсера, как по залам музея, она пытается убедить оператора, что ее перемещения хаотичны, что движет ей всего лишь любопытство. Её наблюдатели должны расслабиться, потерять бдительность. Так она надеется выиграть себе пару минут времени. Наконец она решается, вызывает лифт с технической палубы и будто бы по ошибке едет на восьмой уровень. Там нужная ей рубка систем наблюдения, она принадлежит спецам по науке и метеорологам, но чаще всего используется как маяк. В час солнца в ней обычно никого нет. Тесная коморка располагается на самой высокой точке корабля, а внутри автономный воздушный шлюз, который можно открыть вручную изнутри. Она не знает, сколько у неё времени, все зависит от того, как быстро дай Гемони догадается, что она задумала и включит тревогу. Покинув кабину лифта, она ускоряется, взбегаёт по металлической лестнице на маленькую площадку, срывает ободок с головы и вырывает внешнюю точку контакта за ухом. Голову пронизывает боль и зрение гаснет. На ощупь она находит терминал и вводит код доступа, который есть в её памяти. Памяти офицера Аниты Азари. Дверь открывается, она входит в каморку и закрывает за собой дверь. Одна в крошечной темноте, она топает ногами и бьёт ладонью по стене, пытаясь вызвать звуковую волну, но ничего не меняется.

Воздушный океан изо всех сил давит на прозрачные каисовые стекла, но она ничего не слышит. Творец не говорит с ней.

От паники сердце стучит и немеют руки, но сомневаться нельзя.

На ощупь она находит висящий на стене гермокомплект. Самое главное защитная маска с семенами водорослей, за бортом уже очень низкий уровень кислорода, а крейсер продолжает набирать высоту.

Возможно виноват взрыв на дне пролива, поэтому к ней не возвращается зрение. Она знает, что во время взрыва в проливе у Трёх столбов пострадал купол и система отражателей. Синоптики назовут это атмосферным фронтом, священнослужители гневом Творца, а она называет саботажем. Мелисса не просто так взорвала корабль, ей нужны были последствия. Но сейчас некогда думать об этом, надо торопиться.

Она снимает со стены защитный комплект. Руки дрожат. Внутри магнитные ботинки и маска. Шнуровку приходится утягивать максимально, чтобы её маленькая ножка не выскакивала. Маску прикладывает к лицу, фиксирует креплениями и глубоким вдохом втягивает в себя тонкие нити с семенами водорослей. В горло как будто крошек насыпали, она борется с рвотным рефлексом и заставляет себя сглотнуть. Первые минуты, когда семена набухают внутри, кажется будто захлёбываешься, но потом привыкаешь. Несколько часов водоросли будут снабжать ее кислородом. Маска плотно обхватывает голову и шею, защищая кожу от солнечного ожога. Скаф выдержит температуру воздуха за бортом.

В коридоре уже слышится топот ног. Послать андров было очевидной ошибкой. Искусственные оболочки слишком дорогие и потому она уверена, наружу за ней они не пойдут.

В полной темноте, на ощупь она ищет механический замок, давит на ручку, но он не открывается, она наваливается на него сверху всем весом и кричит от злости. Наконец, с щелчком шлюз поддается, в рубке вспыхивают тревожные лампы и моментально блокируется внешняя дверь.

Она слышит удар, слышит как стонет металл.

Её всю трясёт от возбуждения и страха. Пульс зашкаливает.

Браслет на запястье вибрирует и выводит на экран температуру и давление снаружи. Она старается дышать ровно, хватается за металлические скобы, перекидывает одну ногу, потом другую и оказывается снаружи. Каждый вдох причиняет боль.

Перед ней, она знает, узкий, металлический козырёк, шириной в шаг. Анита помнит его очень отчётливо. Вдоль него стоят ребра антенн, зеркала наведения, дальше вышка эхолота и склон из солнечных панелей. Это техническая тропа для спецов и ремонтников. Зрение Творца все еще не вернулось и в крошечной темноте она пальцами в перчатках нащупывает сетку. Сетка натянута по бокам и не даст ей упасть. Она делает шаг и чувствует силу магнитов на ботинках. Двигается медленно, шаг за шагом. Ветер с силой бьёт в нее, пытаясь сбросить вниз, но магнитные подошвы держат. Она доходит до края сетки и останавливается. Если память офицера Азари не подводит её, то техническая тропа заканчивается в трёх шагах за границами корпуса корабля. Здесь площадка, решётка и лестница, она ведёт вниз, на другой уровень. Она находит защёлку и освобождает засов. Последнее препятствие со скрипом несмазанной калитки распахивается. На краю пропасти самое время передумать. Но другого выхода она не видит. Жизнь все равно не более чем иллюзия, оболочки — фигурки из глины, синие и красные. Во всём, что её окружает, преобладает благородная ложь, красивая и острая, в духе Ордена Хранителей. Молитва убитого горем отца, который просит вернуть ему дочь! И милостивая мать Маат примет его дар и чудо случится.

Людям нужна вера и они поверят, слепо пойдут за богом-отцом, считая что он отмечен печатью бесконечности. Пойдут за мессией! За латирийской марионеткой, за новой религией, придуманной специально для них.

Ложь правит миром. Ложь — меньшее из зол.

Она знает, что не хочет в этом участвовать, но тогда почему *она* здесь? Почему здесь все *они*?

Девять-четырнадцать мечтала спасти мир для людей, хотела принести в Дерентию науку и технологии. Она помнит её твёрдую уверенность, что проект “Мессия” сделает жизнь людей лучше. Теперь они обе знают, что будет не так. Правда в том, что Корпус не стремится помочь людям.

В Латирии они давно стали кастой неприкасаемых. Элитой. Они строят корабли, чтобы выходить за Предел, добывают лёд, растапливают его и очищают воду. Все под Куполами зависит от воды и топлива, поэтому Корпус процветает. Они строят торы, создавая уютные районы для жизни, семейные, безопасные кварталы, но только для своих. Они забывают о простых людях, видят только перспективы для себя и не могут остановиться в приношении жертв ради этих перспектив. Те, кому дана власть стремятся только к еще большей власти, бесконечной власти.

Простые же люди в Латирии выживают на пределе возможного. Каждая новая стычка с властями из-за лимита на воду, из-за тарифов, которые росли каждый год, приближала Сопредельные штаты к гражданской войне. Несмотря на технологический прогресс, люди страдали в первую очередь от классового неравенства. Девять-четырнадцать помнит, как семнадцать районов остались без питьевой воды. Где-то посередине водопровода забило систему очистки, а дублирующая система в эти кварталы так и не была проведена. Вместо помощи эти районы на сто дней оказались в осаде, так власти пытались предотвратить

бунты. Людей загоняли, как скот, за ограждения, сбрасывая лед и пайки с воздуха.

То же самое будет и в Дерентии. Простые люди превратятся в дешёвую рабочую силу, а Корпус продолжит процветать.

Стать андром будет особой привилегией, а тысячи андров легко подавят любое восстание.

Хочет ли она стать мессией, которая принесёт людям такое будущее?

Но альтернатива только одна — война.

Если, дерентийцы сами сдадут свои города без жертв и кровопролития, будет ли это меньшим из зол?

Она поднимает лицо к небу и неожиданно для себя начинает молиться. Девять помнит слова, помнит, что шептал Преподобный в приступе экстаза, стоя на коленях у постели умирающей Каттери. Она помнит и повторяет его слова. Молитва тяжёлая, как мешок с песком, язык еле ворочается, но она упорно продолжает повторять слова.

Равианцы с помощью молитвы умели призывать дождь и ветер, менять погоду по своему усмотрению, кипятить воду и даже лечить раны и болезни. Молиться равианцев научили Изначальные. Научили их говорить с Творцом.

Она продолжает повторять и повторять молитву, пока слова не превращаются в набор бессмысленных тягучих звуков. Сейчас она верит как никогда, потому что у неё нет выбора.

Голова кружится, ей не хватает воздуха, она чувствует как резко меняется давление. Тянется и разводит руки в стороны, освобождая крылья из кокона, ткань скафа натягивается от ветра. Не прекращая молиться, она максимально наклоняется вперёд и щёлкнув каблуками, отключает магнит на подошвах. Ветер рывком открывает ее от поверхности и подбрасывает вверх. Ткань крыльев громко хлопает на ветру. Она складывает руки и ныряет вниз головой, в сияющий воздушный океан.

Молитва застревает в горле. Она чувствует поток воздуха, вытягивает правую руку и поток закручивает ее. Дух захватывает от страх и восторга. К своему удивлению, она не падает, а парит. В крошечной темноте вспыхивает свет. Сначала это похоже на пятна, но чем дальше, тем чётче она видит очертания корабля, его обтекаемый контур. Неужели Творец и правда услышал её?

Она ищет и всматривается в борт крейсера, ей нужен один конкретный внешний шлюз на седьмой палубе, на котором, она знает, нет датчика блокировки. Когда-то его сняла Анита Азари, чтобы не вызывая тревоги, летать по ночам. Корабль продолжает набирать высоту. Она складывает руки и пикирует. Ветер свистит в ушах. Волна звука обтекает корпус, мимо проскальзывают яркие, как молнии, вспышки. Самое время вспомнить как инструктор учил Аниту группироваться в воздухе, переворачиваться и приземляться ногами вперёд, как сааг, который ловит когтями добычу. Вот только тогда площадь поверхности была значительно больше, сейчас же ей нужно было поместиться на козырьке шаг на шаг, удержать равновесие и не дать ветру сорвать себя вниз.

Первый заход неудачный, она выставляет вперёд руки и обжигается о раскалённый корпус, вскрикивает и вновь расправляет крылья.

Вторая попытка приблизиться к шлюзу удачная, она бьёт обеими ногами в корпус, магнит срабатывает, она обхватывает плечи руками, чтобы не за что не схватиться и вжимает голову в колени. Дышать тяжело, в груди больно набухают водоросли.

Второй этап, это открыть шлюз снаружи, для этого придётся сделать два шага вправо и дотянуться до рычага. Рычаг, она уверена, раскалён, как и корпус. Она натягивает рукав

скифа на ладонь и делает первый шаг. Вдалеке, теперь она слышит, колышется водорослевый лес, она знает как в его тени скользят длинные тела — электрические змеи. Змеи охраняют границы Островов и чувствуя приближение корабля, собираются у края водорослевого леса.

Еще шаг и она резким движением дергает рычаг вбок. Возможно, она просчиталась, и тогда её там уже ждут. Шлюз открывается невыносимо медленно, сначала поднимается щиток, как веко спящего гиганта, потом распаивается зрачок. Она делает еще один болезненный вдох, отключает ботинки и ныряет внутрь, головой вперед. Кувырок и она снова на ногах. Сначала она замирает и вслушивается, ищет датчики, один чувствуется под потолком, второй на дверях, но оба молчат. Она нажимает на кнопку и шлюз так же медленно закрывается. Высоко-высоко, сквозь пелену взрыва пробивается солнце, она слышит как раскаляется и трещит поверхность купола. Она слышит, как круглые, зеркальные щиты двигаются по периметру небосвода.

Шлюз закрывается и отрезает ее от воздушного океана, теперь отступить некуда. Она прислушивается, где-то за стенкой начинается грузовая палуба и ангар для флаеров, лётные спецы обычно не отходят далеко от своих машин, а вот камеры и сенсоры в этой части постоянно сбоят. То в карты кто-то хочет поиграть, то разобрать и собрать двигатель не по уставу.

Давление в камере восстанавливается быстро, воздушная смесь в норме, но она не торопится избавляться от маски. Она прислушивается и выходит в коридор. В соседнем помещении, она знает, швабры и ведра. В следующем склад для запасных деталей. Дальше технический отсек и бойлерная. Именно из бойлерной, она помнит, идут воздуховоды до медотсека, достаточно широкие чтобы она поместилась. Технический код доступа не изменился и она легко попадает внутрь трубы, хорошо что к вентиляции услужливо ведёт лестница. Отсутствие слоя пыли на решетке говорит, что ее буквально недавно чистили. Она на ощупь находит крепления и вынимает решётку, теперь главное установить ее, находясь внутри. Голоса и смех за дверью заставляют ее торопиться, свет включается и выключается автоматом, могли ли его заметить снаружи? Нет, двери герметичны и не имеют зазора.

Она вталкивает себя в трубу, потом как можно тише пытается поставить решётку на место, но зазоры в которые она должна попасть, все время лязгают. Она замирает и вслушивается. Свет в очередной раз гаснет. Сердце стучит в ушах. Голоса совсем близко. Кто-то гремит ключами и захватами, похоже вахтенные проверяют целостность пломб на служебных помещениях. Дверь открывается и почти тут же закрывается. Шаги и голоса удаляются. Она дрожащими руками устанавливает решетку и ложится лицом в пыль.

Зачем она здесь?

Какая ей польза от Доктора и Преподобного? Взять флаер на солнечных батареях и бежать. Ее останавливает только одна мысль — Терранс смог сбежать, а значит, возможно еще существует та вероятность, которую ему обещала Мелисса, та, в которой именно он станет императором, а не новая марионетка доктора Нада. Что это ей даёт? Меньшее из зол?

Мышцы болят, болит обожжённая рука, в легких все сильнее разбухают водоросли и давят изнутри. Боль в груди еле выносима, она снимает маску и медленно вытягивает из себя нити водорослей. Маска многоразовая. Нити можно заменить. Она отбрасывает в сторону похожие на мох зеленые щупальца, которые еще продолжают сокращаться. Ее тошнит и она глубоко дышит. Затхлый воздух из вентиляции не впечатляет. Отдохнув, она переворачивается и ползет вперед, ей надо преодолеть полторы палубы. Маршрут она слышит отчетливо. Ее единственный шанс, что никому и в голову не придет, что она может

вернуться. Никому, кроме адмирала. Ведь он может видеть вероятности и знает, как она поступит. Так ли это? Гадать бесполезно, придётся проверить.

Добравшись до цели, она обнаруживает что медотсек пуст и холоден, как ночной океан, а с потолка капает охлаждающая жидкость. Она видит звук, он расходится волнами, видит круги на поверхности темноты. Двери, похоже, упакованы пеной, значит было подозрение на утечку воздуха.

Куда тогда могли переселить не совсем здоровых заключённых? Память Аниты Азари моментально находит ответ, она разворачивается и меняет направление.

Флотские врачи уже давно несут на кораблях две вахты, сутки в медицинском отсеке и сутки в храме, как капелланы. Также у них две строчки в платёжной ведомости, поэтому за их счет чаще всего гуляют матросы и закрываются дыры в доп обеспечении. Она быстро находит нужный поворот трубы и вот перед ней уже вентиляционная решетка. Обычно молитвенный зал пуст, он заполняется койками для раненых лишь при необходимости, в этот раз его использовали вместо тюремной камеры.

Девять слышит Преподобного, он молится. Она вслушивается в слова и узнает равианский, язык людей первой волны, но слова молитвы не те, которые она помнит.

— Не получается, — говорит старик, она чувствует усталость в его голосе и отчаяние.

— Пробуйте еще, Преподобный, — отвечает ему доктор. К ее удивлению, доктор не просто жив, он еще и перестал заикаться. Его голос звучит громко, слова эхом разносятся под сводами молитвенного зала.

— Доктор вы уверены, что символы нарисованы правильно? — спрашивает Преподобный и видимо не в первый раз. Девять слышит шаги доктора, все такие же прерывистые и мелкие.

— Как из учебника, — говорит доктор. — Главное тут фонетика, говорите громче и тяните выше.

Хлопнув в ладоши, она всматривается в линии звука. Видит Преподобного на коленях перед алтарём и доктора рядом с ним. Старик совсем иссох и еще больше сгорбился, будто знания открывшиеся ему, тяжелее камня. Доктор же напротив расправил плечи и словно бы стал выше ростом. Оба они стоят внутри круга. Она чувствует точку контакта и пять йондалей пространства. Рисунок на полу у алтаря — йондаль воздуха, он аккуратно вписан внутрь символа второго порядка — звезду. Кто их нарисовал? Неужели доктор помнит (не)периодическую таблицу? Или это дар, который Мелисса даровала Преподобному? Она знает, что так выглядит портал, но не слышит есть ли цепочка, соединяющая эту точку с другой такой же, остается только гадать активна ли она или рисунок на полу для красоты, но теперь она понимает о чем молится Преподобный. Он просит Творца запустить древнюю систему и открыть им дверь. Это кажется настолько невероятным, что из всех помещений на крейсере пленников заперли именно в молитвенном зале, в единственном помещении, где есть точка контакта для портала. В совпадения она не верит, значит, кто-то хочет чтобы они сбежали.

Преподобный продолжает молиться, призывая Творца услышать и ответить. Память Мелиссы подсказывает, что портал можно открыть и без Творца, нужен только проводник. И проводник есть, он течёт в её венах. Кровь, синяя от сеорида. Что там говорила мэтресс про кнопки на терминале? Если все автоматизировано, то должно работать автономно, даже когда Творец не слышит. А еще молитву видит не только Творец, ее еще слышит Эбо. Сможет ли она вспомнить на какие команды реагирует система в автономном режиме?

Звуковая волна ослабевает, она снова хлопает в ладоши и вслушивается. Не находит ни Око, ни визоров, только дверь. Она огромная и по традиции Единой церкви каменная, с выбитыми ликами Святых покровителей звёздной колонии.

На этот раз доктор и Преподобный слышат хлопок и оглядываются по сторонам. Преподобный окончательно выбился из сил, он опирается на алтарь и вытирает пот со лба.

Время вышло, надо принимать решение. Она разворачивается ногами вперед, выбивает решётку вентиляции и та с грохотом падает на пол. Потом она быстро снимает тяжелые магнитные ботинки и прыгает вниз. Она уже слышит, что времени почти не осталось, за ней уже бегут андры. Приземляется она тихо и удачно, всплеск от удара о пол высвечивает все углы зала, словно кто-то включил свет. Она видит свой путь через зал и быстро бежит в центр, к алтарю, к узору печати перед ним.

— Всемиловитый! — кричит Преподобный. — Живая!

И тут по периметру загорается аварийное освещение и начинает кричать сигнал утечки воздуха.

Йондали внутри круга, на которые так долго и безуспешно молился Преподобный, вспыхивают и начинают вибрировать, создавая волну звука на определённой частоте. Она слышит их, как слышала бы музыку.

Кто-то активировал печати ровно тогда, когда она оказалась здесь.

Никаких сомнений, что это ловушка, но выбора нет. Сигнал утечки воздуха звучит все громче, а вокруг печатей на полу закручивается по спирали плотный туман. Девять видит его, как видит звук, чувствует как по полу стелется холод.

— Айя, — кричит Преподобный. — Хватайтесь за мою руку!

На месте круга уже зияет разлом, будто камень треснул, трещина ширится и отбрасывает тень на алтарь, тень маслянистая и глубокая, как воды Сеятеля.

— Айя, быстрее! — кричит Преподобный. — Прыгать надо всем вместе!

Корпус корабля сотрясается.

Она бежит босиком и пол под её ногами трескается. Преподобный хватает её за руку, она хватается за руку доктора и все вместе они прыгают в провал.

По ту сторону

Мир по ту сторону разлома сухой и холодный. Она вслушивается, то, что толстой коркой покрывает все вокруг, больше похоже на соль, чем на лёд. Соль громко хрустит под ногами. В воздухе висит яркий запах свежести. Она крутит головой и ищет в окружающей ее темноте проблеск света. Благодаря колодцу Мелиссы она помнит, что интервал подсвечивается. Она ступает осторожно, прощупывая дорогу босыми ступнями. Холода почти не чувствует, только воздух острый и дерет горло. Она старается идти быстро, насколько это возможно, но постоянно вынуждена останавливаться и оглядываться, на сгорбленную фигуру Преподобного и невысокую фигуру доктора. Каждый раз оборачиваясь, она боится не досчитаться одного из них, но к ее удивлению эти двое до сих пор живы.

— Не зги не видно, — стонет доктор. — Айя, вы что-то различаете впереди? Хотя бы где-то укрыться! Может нам не стоило уходить далеко от того портала?

— Помолчите, доктор, поберегите лёгкие, — говорит Преподобный.

— Мы обречены, — стонет доктор, но как-то фальшиво. — Мы не выйдем отсюда!

— Быстро вы сдались, — выдыхает Преподобный. — Особенно для того, кому открылось столько чудес! Я прозрел, вы перестали заикаться, так что перестаньте ныть! Она же обещала вам, что вы станете богом, помните?

Она прислушивается к доктору и слышит страх, он испугался, когда Преподобный сказал про обещание.

Преподобный судорожно вздыхает и закашливается. Она оглядывается на них. Фигуры доктора и Преподобного выделяются на фоне темноты. В их венах все ещё течёт горячая кровь, но оболочки быстро остывают. Холод коварен. Он отбирает силы и нашёптывает об усталости, глаза закрываются, ты всего на мгновение останавливаешься, чтобы перевести дыхание и отдохнуть. Если поспать всего минут пятнадцать, идти будет легче, вот только ты больше не можешь встать, не можешь даже глаза открыть. Тьма кажется благословением.

— Нельзя останавливаться, Преподобный! — говорит она.

— Это безумие, — шепчет доктор. — Я уже ног не чувствую в этих тапочках, кто вообще придумал такую обувь?

На корабле и доктору и Преподобному выдали корабельные, мягкие тапочки с высоким голенищем на шнуровке. Обычно магнитные ботинки или сапоги надевали прямо поверх них. Она босиком.

— Когда вы последний раз преодолевали свои страхи, доктор, а не убегали от них? — спрашивает она и берет Преподобного под руку. Тот тяжело дышит и качает головой.

— Вам придётся нас бросить, айя, мы обуза и далеко не уйдём, а вам нужно двигаться, искать. Мы вас подождём здесь.

— Я не хочу сидеть здесь и ждать смерти! — кричит доктор.

Преподобный смеётся и снова кашляет.

— Ну расскажите же, доктор, что она вам еще пообещала? Изобретёте лекарство от смерти? Спасете весь мир? — спрашивает Преподобный и аккуратно, но твердо убирает её руку со своего локтя. Кажется, что Преподобный опадает, как лист с дерева. Опускается на колени и тянется к верёвке с узлами. Она слышит, как он молится и перебирает узелки пальцами. Смерть дышит старику в лицо белым холодом изнанки.

Она где-то ошиблась, пропустила поворот, не заметила очевидного и вот теперь они здесь. И она не видит выхода.

— Мы должны быть вместе, Преподобный! Нам нельзя разделяться! — говорит Девять, но старик не обращает внимания на ее слова. Она злится и трясёт его за плечо. — Он вас тут не услышит! А ну вставайте! Мы идем дальше!

— Айя! — кричит доктор и сначала она не реагирует на его крик, продолжая трясти Преподобного за плечо.

— Айя, я вижу! — снова кричит доктор. — Смотрите, яркий свет!

Она наклоняет голову и вслушивается. У Преподобного остановилось сердце. Она не слышит его больше. Не слышит узелков пробегающих, как электричество между пальцами.

— Айя! — снова повторяет доктор. — Айя, посмотрите же! Выход! Мы спасены!

Преподобный бесшумно заваливается на бок. Она стоит и не может двинуться с места.

Доктор наконец замечает, что происходит, кидается к телу старика и судорожно ощупывает шею в поисках пульса. Тяжёлый панический выдох и вдох, похожий на всхлип, говорит ей что доктор его не нашёл.

Она поворачивается туда, где все ярче разгорается свет. Свет портала пульсирует, громко, как кровь под давлением. И в этот момент она все понимает. Все вдруг встаёт на свои места. Вот он, их выход, тот самый. Яркий разрез в форме семечка и тепло жизни по ту сторону. Алтарь жизни, алтарь Матери Маат, где сейчас молится авар лен Валлин. Убитый горем отец... Она слышит смех в своей голове. Смеются все: мэтресс, Мелисса и даже адмирал Эвориан, который заманил ее в эту ловушку.

Они знали, как будет.

Девять стискивает зубы. Её переполняет ярость и беспомощность. Если она выйдет сейчас через этот портал, то пророчество сбудется. Если нет, то останется по эту сторону навсегда. Заблудится в пространстве и во времени, которого нет. Она садится на белую соль и на ощупь находит руку Преподобного. Рука ещё тёплая.

— Он умер, айя — говорит доктор.

— Спасайтесь, доктор, бегите, а я остаюсь здесь, — шёпотом отвечает она.

Страх смерти подгоняет доктор, заставляет быстро принимать решения, пятится в сторону портала, а потом усиленно семенит. Бежать он не может, холод изнанки отнимает у него воздух.

Она вслушивается в биение своего сердца. Интересно, как долго оно будет биться? Она знает, что смерти нет, что она всего лишь вирус, сохраняющий память в этой оболочке, а значит она обречена навечно остаться здесь, обречена продолжать помнить.

Доктор исчезает в потоке света и она чувствует как портал схлопывается. Какое то время она сидит. Скаф медленно каменеет от холода, руки перестают гнуться. Она обречённо вслушивается в темноту. Она все ещё слышит рядом с собой тело Преподобного и её одолевает желание похоронить его, но как это сделать, когда вокруг одна хрустящая соль?

Она встаёт и идёт искать куски камня или льда, хоть что-нибудь, но тщетно, тогда она решает попытаться засыпать его ледяным настом. Это отнимает все силы, но она упорно копает и гребёт, не жалея рук. Движения разгоняют кровь. Вопреки принятому решению, она хочет жить и мозг лихорадочно ищет лазейку. Она может подождать пока этот портал снова откроется или пойти искать другой. Может вернуться и найти тот разлом, ведущий обратно на крейсер. Холод ее пока не берет, то ли скаф, то ли вирус, но что-то защищает её. Пока она копает, в голове раздаётся голос Мелиссы: Ты так предсказуема!

И снова Мелисса смеётся над ней.

Девять злится и кричит. Крик срывает горло и боль ледяным комом встаёт поперёк груди, она тяжело дышит и падает на колени рядом с наполовину засыпанным телом Преподобного. Успокоившись немного, она молится, шепчет себе под нос “Отречение от зла” из новейшего пятикнижия Единого. Она не знает, почему выбрала молитву Единому, а не Творцу или Матери, возможно потому из всего пантеона богов на Алькаане, только он был древнее Изначальных. Латирийцы привезли его с собой с земли. Как говорило Бытие, человечество выжило после катастрофы лишь благодаря ему, бог-отец и бог-сын слились в Единое целое, чтобы вознести человека к звёздам и найти ему новый дом.

“Латрия” была научным судном и принадлежала к классу “Ковчег” её строил Международный космический флот и она была среди первых трёх кораблей, отправленных с земли после катастрофы. Пять тысяч душ в черноте холодного космоса. Сейчас Девять ощущает себя примерно так же, как ощущало первое поколение колонистов, они знали, что не увидят нового дома, все, что им оставалось, это верить в него. Яркий, термоядерный свет науки не помог рассеять ужас перед неведомым и потому призраки богов никогда не оставляли человечество.

Она справилась. Перед ней продолговатый холм, наверное единственный могильный холм по эту сторону. Она пытается вспомнить слова молитвы для погребения, которые приняты у церкви Предвестия, но память не помогает, тогда она просто шепчет все, что приходит ей в голову. Традиция прощания выглядит нелепой, когда знаешь, что весь мир — симулятор, но она делает это скорее для себя, чем для Преподобного. Переродится старик Даниил завтра или через сотню лет, вспомнит ли он свои прошлые жизни, но для неё это все закончится здесь. Она навсегда останется среди холода изнанки. Если понадобится, она прокопает сквозь хрустящую ледяную соль метры породы и похоронит себя заживо, но не позволит больше голосам в голове указывать ей.

Она ложится вдоль могильного холма и подтягивает колени к груди. Пусть это случится быстро и незаметно. Через какой-то отрезок ничего, она понимает, что давно мертва, а смерть не приходит за мёртвыми. Она лежит и дышит, в темноте все едино, а из звуков только хруст наста когда она ворочается с боку на бок. Оболочка её лишена потребностей. Ей не нужен сон или еда. Она кукла, не более. Эта неестественность помогает смириться.

Интересно, как долго холод будет глотать её оболочку? Как быстро она начнёт разваливаться? Все рано или поздно приходит к своему изначальному состоянию. Кожа на лице облезет, перестанут подниматься и опускаться руки. Она не сможет встать, не сможет открыть рот, потом не сможет дышать. Будет просто лежать и думать.

Вспышка. Она чувствует яркий свет. Слышит волну и голос, что доносится как из-под воды. Заставляет себя сесть и оглянуться, разрез портала не там, где он был в первый раз. Она протягивает руку к тёмному силуэту, хочет окрикнуть, но холод крепко держит за горло.

А потом она видит тело.

Оно лежит лицом вниз в белой, ядовитой соли. Своё тело.

И в этот момент она испытывает к себе лишь презрение.

Вторая попытка

Она поворачивает голову и виски пронзает резкая боль. Ей снова установили внешний контур. Ободок вокруг головы еще горячий, как и контакт за правым ухом. Она чувствует как ее тело погружают в холод геля. Из-за низких температур изнанки кожа потрескалась и чтобы спасти её от распада, тело кладут в восстановительную камеру. Она нащупывает перила внутри камеры. В невесомости хочется за что-то держаться. Слова приходят из глубины колодца и на мгновение ей кажется, что она знает, кто их произнес.

— Найнэ, я знаю, что ты меня слышишь, — говорит голос мэтресс лен Валлин. — Открой глаза, система должна получить файл для корректировки сенсоров.

Девять слышит и на нее накатывает острое чувство разочарования и тоски. Только десятая называет её Найнэ, не просто цифры в углу экрана, а имя. Попытка убедить себя, что каждая из них полноценная личность. Она не верила в это тогда, не верит и сейчас. Они — инструменты, и как у каждого инструмента, у них есть предназначение. И Тэнэ своё выполнила, скопировала себя в тело мэтресс лен Валлин с помощью вируса. Всё случилось именно так, как они и планировали. Технически они с Тэнэ — информационный вирус. Девятая версия и десятая версия копии памяти. Обе созданы по образу и подобию. Первоисточник — офицер латирийского флота Анита Азари. И только в чертогах Творца, в корнях Единого Древа, их память снова станет единым целым, но для этого им предётся выйти за границу Предела.

Проект “Оптоларс” был создан благодаря памяти Аниты. Все исследования доктора Нада заходили тупик, до тех пор пока Анита не доверила ему свои сны. Именно они стали источником создания вируса и помогли вернуть из небытия секрет бесконечности. Бесконечности, от которой нет лекарства. Анита Азари не простая фигурка из глины, а изначальная сущность, как и Мелисса. Девять не знает, осознанно ли Анита помогала воскресить вирус, но тот факт, что она сбежала, прихватив с собой какую-то собственность корпуса, бросает на неё тень вины. Вот только зачем ей возвращать вирус?

Мелисса появляется как всегда внезапно.

Ее язвительный смех, как колокольчик, звенит в голове.

С тех пор, как они покинули затопленный корабль в проливе у Трех столбов, она впервые так отчетливо и громко звучит в ее голове, но в этот раз смех не вызывает раздражения, а лишь усталость.

Перед лицом последствий не так уж и важно была ли это преступная небрежность или чей-то умысел. Главный урок, который тебе стоит усвоить — нельзя отрицать свою природу, — говорит Мелисса. — Если бы Анита не пряталась от самой себя и от того, кто она, то её изначальная память не протекла бы сквозь щели в Тени. А вот ещё один урок, Творец даровал тебе власть видеть то, что еще можно изменить, но ты отвернулась от него. В вероятностях была лазейка, а ты ее упустила! Ты помнишь как встретила в лифте дая Кальвеста? Заговори ты с ним и все было бы иначе! Он из сопротивления, он помог бы вам выбраться с крейсера и вы не оказались бы по ту сторону изнанки. И что самое важное, все остались бы живы!

Девять слышит притворное сожаление в её голосе.

Девять злится, тянется и резко выдёргивает контур из-за уха. По шее течёт горячая

кровь, а тело ощущает спасительную невесомость. Ее больше нет здесь. Забвение длится мгновение и вот она снова здесь, лежит и слушает.

Ее вынули из восстановительной камеры и переодели. Она чувствует лопатками жёсткую койку, наклоняет голову и чуть постукивает пальцами по гладкой, холодной поверхности под собой. Глухой, еле заметный звук создает волну. Она считывает ответ почти мгновенно, все, отчего отражается звуковая волна, проявляется в ее голове яркими линиями, как рисунок белым мелом на черном холсте. Ее способности меняются. Она все быстрее собирает картинку и видит её очень четко, до мельчайших деталей.

Эта камера когда-то была санитарным блоком. Все помещения в этой части линкора до сих пор имеют несколько уровней защиты, но этот блок особенный. Пол и стены здесь покрыты многослойным пластиком, за которым спрятаны излучатели. Если включить их все одновременно, то сущность можно отделить от оболочки и создать проекцию. Изначальные в шутку называли их разлучателями.

Девять спускает ноги с койки, но не касается пола, слишком высоко. Проводит рукой по гладкому черепу. Ее память все еще занимает оболочку Каттери лен Валлин и для всех она выглядит как девочка двенадцати лет. И девочка эта сидит в пустом холодном санитарном блоке, в отсеке 2-4-У, бывшей когда то анализаторной. Мертвые панели под ногами говорят ей, что корабль постарел, как и их бесконечная память.

Когда Изначальные прилетели на эту планету, безымянный Алькаан был пустым и чистым, как чисты были и намерения людей, они прилетели строить новый дом. И они построили его, а потом разрушили. И каждая новая волна шла по этому роковому пути, снова и снова. Потерявшие разум, в погоне за бесконечностью, люди строили и разрушали. И множество, бесчисленное множество раз все теряло свой изначальный смысл и обретало его вновь.

В колодце памяти плещется вечность, которую Девять чувствует, но не может осмыслить. Колодец говорит ей о начале мира и о том, каким будет его конец. Ей кажется будто она сама никогда и не существовала, что она просто мелкий, белый песок в пустыне Арради. У нее дрожат руки и воздуха будто становится меньше. Девять вязнет в пустоте, где она ничтожное мгновение, которое человек зовет своей жизнью.

Ее колотит от холода. Она обхватывает себя за плечи и подтягивает колени к груди. Скаф сняли, на ней хлопковый сплошной комбинезон, как был на Преподобном. Девять вспоминает холм из соли и хотя знает, что сущность и память бесконечны, но всё равно скорбит, потому что верит в смерть. Разве Анита Азари не умерла, когда стала девятой? А потом снова, когда стала десятой? Для мира живых, безинкубаторных, Преподобный Даниил мертв. Где бы он не родился заново, без синхронизации с Эбо ему придется начинать жизнь сначала, а значит он будет уже совсем другим человеком. Может это и к лучшему, жизнь должна расти, ты должен расти, непрерывно, круг за кругом, как годовые кольца у деревьев. И надо уметь уходить, уступать место. Не зря даже изначальные вынуждены отбрасывать Тени, глубина колодца отнимает рассудок и бесконечность превращается в кошмар.

О великий гаард, смилуйся надо мной! — смеётся Мелисса. — Послушай, дитя, твоя жизнь и вся жизнь на этой планете в твоей власти! Жизнь это не тело и даже не разум, жизнь — процесс передачи информации. Усложняется информация, усложняется и процесс. Алькаан своего рода, колыбель для жизни. Осознай свою власть над ним и сможешь изменить всё! Сделаешь этот мир таким, каким захочешь! Рай и благоденствие! Никто не уйдет обиженным!

Девять злится, она знает, что Мелисса манипулирует её благими намерениями. Соблазняет. Трудно устоять, когда тебе предлагают изменить мир к лучшему.

Пока ты не наделала ещё каких-нибудь глупостей, может договоримся? — продолжает Мелисса. — Ты ведь не понимаешь, что происходит и зачем оно происходит, а я могу помочь. Убереечь тебя от ошибок. Рассказать про систему “Аватара” например. Мэтресс до сих пор пользуется ей и очень успешно. Поверь, тебе очень нужна эта информация, особенно сейчас, когда оболочкой Ванессы владеет твоя подружка Десятая. И как только ты попытаешься соврать ей о том, что с вами случилось, назад дороги уже не будет. Ты окончательно утратишь ее доверие. К сожалению, программа аватары вишита в твои конфигурации, поэтому любой инкубатор их копирует. Куда бы ты не сбежала, с помощью “Аватары” она всегда будет знать, где ты и что видишь. Она в буквальном смысле будет в твоей шкуре, как все это время была мэтресс лен Валлин!

Каждое слово Мелиссы добавляет немало веса к чувству беспомощности. Она ни на что не может повлиять, она марионетка!

Девять все глубже и глубже погружается в пучину отчаяния.

Чего тебе надо? — мысленно выкрикивает Девять.

Свободу, как и тебе, — отвечает Мелисса.

Девять вскакивает с койки и начинает ходить от стенке к стенке. Свобода это очень заманчивое слово, но в устах Мелиссы оно может означать все, что угодно. Мэтресс не просто так создала для нее ловушку из которой сложно выбраться, Мелисса слишком опасна чтобы выпускать ее на свободу. Они все опасны. Все Изначальные. Они перестали быть людьми, стали слишком далеки от жизни.

В этот момент дверь в отсек 2-4-У открывается и на пороге появляется сначала невысокая фигура телохранителя, а следом ступая медленно и степенно, входит Тэнэ в теле Ванессы лен Валлин. Контуры ее фигуры размываются, смешиваясь с темнотой коридора. Девять всматривается и понимает, что на ее груди нет ключей. Мелисса помнит, что ключи эти висят на шее мэтресс всегда и в любой ипостаси.

Девять пытается вспомнить для чего они, но не может.

Телохранитель вносит кресло и ставит его у стены. Тэнэ садится.

Тэнэ не доверяет ей и не собирается выпускать из этой комнаты. В подтверждение ее мыслей рамка вокруг двери загорается, меняя режим на безопасный. Рамка, конечно, не убьет ее, если она попытается сбежать, но будет больно.

— Садись, Найнэ, нам многое нужно обсудить.

В голове звучит голос Мелиссы:

Когда они придут к власти, будет уже не важно живой символ или мёртвый, они просто прибьют тебя к кресту и выставят на главной площади, будешь вдохновлять смертных своим бессмертием!

Девять вдруг видит маленькую, слепую девочку в клетке, клетка эта подвешена на столбе, на площади перед дворцом Императора. От оболочки остались только кости обтянутые кожей, они чуть прикрыты лохмотьями почти сгнившей ткани. Девочка поднимает голову и черные провалы глазниц смотрят на Девять через темноту вероятности. В ужасе она понимает, что Мелисса это не придумала, это возможное будущее. Её будущее.

Слушайся меня, — говорит Мелисса. — И мы всё исправим!

— Думаю, ты уже знаешь, что доктор Нада не может выгрузить твою память в оптоларс,

как и мою, — говорит Тэнэ голосом мэтрес лен Валлин. — Это особенность наших оболочек, они меняют структуру вируса, вирус же в свою очередь меняет изначальный код сущности, это уникальный симбиоз, который запирает две личности в одном теле. Думаю, что Анита Азари прекрасно знала какой будет эффект от слияния вируса и оболочек, а значит, так и было задумано. Так ради чего мы на самом деле были созданы? Ты ведь тоже задаешься этим вопросом?

Девять садится на пол, спиной к стене и скрещивает ноги. Руками она касается пола, пальцы бесшумно барабанят по пластику.

Девочка и старуха, начало и конец, здесь и сейчас они сидят друг напротив друга. Кто-то долго и упорно подгонял вероятности, чтобы они оказались в этой комнате. Девятая и Десятая версия Аниты Азари. Ради чего?

— Мы — троянский конь, — говорит Девять, хотя плохо понимает что это значит. Смысл ускользает, оставляя оболочку из букв.

— Найнэ, что бы там ни было, мы должны объединиться, — говорит Тэнэ. Девять слышит усталость в ее голосе и к своему удивлению страх. — Доктор не может контролировать нас и потому боится, в тайне он уже собирает совет Новой Коалиции. Он будет терпелив, но лишь до завершения первой фазы проекта, после которой, как он думает, мы станем ему не нужны. — Тэнэ делает паузу. — Доктор Нада не знает, что из-за вируса изначальная память останется бесконечным придатком к нашему праху. И ведь не скажешь, что не обрели желаемое, — смеется Тэнэ.

— Ты не сказала, — констатирует Девять. — Не сказала ему правду.

— Таковую правду недостаточно сказать, ее надо вспомнить.

— Паломничество и покаяние на алтаре Матери Маат, — говорит Девять. — Это твоя идея?

Тэнэ кивает.

— На островах Латирия не имеет власти, а когда творишь чудеса, самое важное — независимые наблюдатели. У нас будут тысячи свидетелей. Скорбь и искупление. Терранс выберет что-то нейтральное, торговый фрат или плоскодонку и попросит милосердия Матери. Сложность в том, что авару нельзя доверять, но я ставлю на его упрямую натуру, он захочет победить. Он еще и сам поверит в истинность нашего чуда.

— Но разве мы не упустили свой шанс? — спрашивает Девять. — Я же не вышла из того портала вовремя. Будущее не случилось.

— Адмирал Эвориан предложил свою помощь. Мы вернем тебя обратно. Вторая попытка, Найнэ, вторая и последняя. Я прошу тебя не ради тщеславия доктора или Латирии, ты же знаешь, что ставки намного выше.

— Я не доверяю адмиралу, — говорит Найнэ. — Уверена, он больше нас знает о том, что происходит, но молчит.

— На доверие у нас времени нет. Пожалуйста, в этот раз сделай все правильно, — говорит Тэнэ и мэтресс тяжело поднимается из кресла. — Мессия нужна людям, только чудо может объединить их, а если Творец и правда собирается уничтожить наш мир, то без единства нам не выжить.

— Маат вернет авару утраченное, — шепчет Девять. — Что помнит ваша новая кукла? И что вы сделали с моим Террансом? Выкинули в шлюз?

— Идёт война, — говорит Тэнэ. — Кто же выбрасывает оружие?

Рамка вокруг двери гаснет, входит телохранитель, а следом за ним медленно

переставляя через высокий порог все шесть ног, вваливается сикор. Машина тыкается, как слепая, но потом определяет направление и двигается к ней. Девять видит вещевой мешок, он покачивается между вытянутыми вперед металлическими конечностями. Она берет его и открывает, внутри лежит скаф. Прежде чем выйти за порог, Тэнэ оборачивается и добавляет:

— Анита Азари вернула вирус, чтобы спровоцировать Творца на конец света, мэтресс в ответ вернула ту, которая способна остановить его, а какой ценой, решать придётся нам.

Адмирал приходит минут через двадцать. Ни колец, ни серёг, волосы безразлично зализаны назад. Он снял форму и на нем обычный рабочий комбинезон, а поверх аюба, плотная, с капюшоном. Девять чувствует даже структуру ткани, определяет плотность на слух. Адмирал заходит и закрывает за собой двери. Загорается защитная рамка. Она встаёт ему навстречу, но пока не понимает. Адмирал достаёт из кармана коробочку и протягивает ей.

— Открой, — командует он. — Один твой, второй мой.

Она берет коробочку. Он отворачивается от нее, достаёт что-то еще из второго кармана, садится на корточки и начинает рисовать. Девять не узнает йондаль, который адмирал рисует на полу. Символ чем-то похож на тот, в молитвенном зале, но она не чувствует точку контакта. Когда адмирал заканчивает симметричный рисунок, уже во всю светится, ярким, синим цветом. Мел в его руках светится так же.

— Да, ты все правильно поняла, это сеорид, мелок намного эффективнее, чем лить наследную кровь.

— И купить его можно в любой лавке, — цедит сквозь зубы Девять. И хотя она не видит лицо, но слышит реакцию адмирала. Он смеется над ней.

— Когда сама научишься отматывать Тропы назад, тогда лавка тебе не понадобится, а пока смотри и молчи. Это йондаль из (не)периодической таблицы, повезло тебе, что я знаю, как им пользоваться и точно знаю время и положение Творца, чтобы рассчитать куда надо вернуться.

— Хочешь сказать мы вернемся назад во времени?

— Нет никакого времени, все всегда происходит сейчас, просто надо бросить якорь в другой точке. Вставай напротив меня, якорь держи крепче. Смысл в том, что материя знает о существовании времени, а сущность — нет, значит наша цель убрать препятствие. Как только исчезнет тело, исчезнут и ориентиры, чтобы вернуться надо обязательно знать точные координаты Творца и интервал между точками сохранения.

— Этому где-то учат?

— Математике? Конечно, в университете, — смеется адмирал. — Но ты вроде там училась, я уже и со счета сбился, сколько раз!

— Я про йондали, — уточняет Найнэ. — Печати, как их создавать и рисовать?

— Учат, всему где-нибудь да учат, но проще вспомнить. У тебя же есть колодец Мелиссы, попроси богиню поделиться знаниями.

— Откуда ты знаешь про Мелиссу?

— Я же сказал, когда знаешь как было, то видишь и как будет.

Адмирал встаёт внутрь печати и указывает ей встать напротив. Она делает шаг вперёд, открывает коробку и достаёт две ровные, отполированные до блеска пирамидки. Пальцами она чувствует выгравированный на дне рисунок.

— Прикладывать плотно, узором к коже, понятно? — говорит адмирал и показывает на внутреннюю сторону запястья.

— Где мы окажемся?

— В предыдущей точке сохранения.

— А если эта точка нам не подойдет? Можно вернуть все обратно?

— Извини, дон а ви, но нет, это уже Тропы несбывшегося, не мой уровень доступа. Ну что, готова?

— Вдруг все станет еще хуже чем было?

— Значит будет нам всем урок смирения. Сейчас выбор невелик, надо исправлять то, что ты натворила.

— Я натворила? Это твоя ловушка убила Преподобного!

— А твое упрямство уничтожило лучшую вероятность, которая у нас была. От тебя требовалось только выйти на другую сторону через ту трещину! Все было идеально рассчитано и вдруг ты решила проявить свободу воли! Копаться в выгребной яме вероятностей целого мира, такая себе работенка, — рычит адмирал. — Думаешь мне нравится выбирать? Смотреть, как люди уничтожают друг друга? Хочешь я покажу тебе, что останется от Дерентии после чудовищной войны, которую начнет Новая Коалиция, если Терранс не станет Императором? Ты пройдешь через портал, поняла меня? Держи якорь крепче и прикладывай к запястью! На счет три ныряем! Раз!

— Хорошо, — твердо отвечает Девять. — Ныряем.

Она прикладывает дно металлической пирамидки к запястью и светящийся круг печати мгновенно уходит у нее из-под ног.

Под ногами пустота, а вокруг темнота и сначала Девять кажется, что ничего не изменилось. В голове крутится мысль, что невозможно исправить этот мир, он соткан из иллюзий и мифов, а те, кто способен на это, давно не люди. Как изменить мир, когда ты просто песчинка, которую носит ветер? И что значит эта песчинка для жерново в огромной пустыни?

Девять чувствует холод, он бросается ей в лицо и хватает за горло. Холод Изнанки.

— Айя! — слышит она крик доктора. Слышит, как хрустит соль под ногами. Голос доктора доносится издалека. Она не реагирует. Пальцы ее крепко сжимают плечо Преподобного. Она уже понимает, сейчас он умрет.

— Айя, я вижу! — снова кричит доктор. — Смотрите, яркий свет!

Она наклоняет голову, она знает, что сердце Преподобного остановилось, но если они поторопятся, его еще можно запустить.

— Айя! — снова повторяет доктор. — Посмотрите! Мы спасены!

Преподобный почти бесшумно заваливается на бок, она уже чувствует его тяжесть и кричит доктору:

— Помогите мне! Быстрее же! Мы должны успеть вынести Преподобного на ту сторону!

Она пытается приподнять тело старика, но ей это не по силам. Отчаяние накатывает волной.

— Доктор! — кричит Девять. Она вцепилась в Преподобного и не может отпустить. Старик здесь из-за нее, она должна попытаться его спасти. Девять слышит совсем рядом тяжелое дыхание доктора и в этот момент понимает, что это бесполезно. Даже вдвоем они не унесут тело далеко. Доктор, наконец, понимает, что происходит, наклоняется и судорожно ощупывает шею Преподобного в поисках пульса. Панический выдох и вдох, похожий на всхлип, говорит ей что доктор его не нашел.

— Айя, — в голове доктора слышится отчаяние. — Он мертв!

Она нащупывает руку доктора и ухватившись за нее, поднимается на ноги. — Бежим, — говорит Девять. — Мы должны успеть на ту сторону!

— Да, айя, да, — стонет доктор. — Простите меня. Простите! Она сказала...

Она не понимает до тех пор, пока боль не разливается в области левого виска. Он удара Девять падает на правый бок, доктор тяжело дышит и все повторяет:

— Простите, айя, простите!

Голос доктора удаляется, а ее голову охватывает звенящая боль. Только когда свет портала гаснет, она твердо осознает, что доктор и правда бросил ее здесь. Бросил, потому что Мелисса ему приказала.

Она опять не попала на ту сторону.

Последнее, что она слышит, это голос адмирала в своей голове:

— То есть, когда я сказал тебе, что Дерентия превратится в обугленные головешки, тебя это не впечатлило?

Она чувствует, как густая, синяя кровь, стекает от виска по щеке и от отчаяния хочет выть. Она не справилась. Проект “Мессия” провалился и теперь война неизбежна. Все отпущенное Алькаану время мир будет гореть.

Так уже было и так будет.

С этой мыслью она летит куда-то в пустоте и невесомости, ей больше не за что держаться.

Вы — память, вы тысячи и тысячи воплощений сущего

Глаза долго привыкают к свету, Десять моргает, пытаясь осознать, где она? Оглядывается, видит чужое отражение в зеркальной поверхности и хочет сморгнуть его, будто помеху. Её окружает яркий запах антисептика и белый цвет инкубаторного отсека. Осознание приходит медленно — нет, её не выбросило из аватара, это была всего лишь вероятность, ничего еще не произошло. Она почти научилась распознавать разницу между тем, что есть сейчас и что будет сейчас. Почти.

Десять делает глубокий вдох и посылает сигнал бесу, чтобы ввел ей дозу успокоительного, спустя минуту тревогу уносит химической волной и её сознание погружается в море спокойствия. Где-то там, где это еще не произошло, звучит голос доктора Нада, он убеждает её, что единство для человечества — достойная цель, стоящая всех жертв, которые им придется принести. Он будет повторять это часто, чтобы успокоить свою совесть. Он будет говорить, она будет делать вид, что слушает и верит. Он будет обманывать, а она улыбаться. А время идти. Обратный отсчет уже запущен.

Дарованное вам будет отнято в час, когда чаша переполнится, — говорит тихий голос. Голос Келлианы Аринэ. Десять вспоминает зачем она здесь и смотрит на девочку.

Келлиана погружена в восстановительную камеру, гель почти полностью скрывает ее обгоревшее тело, над поверхностью выступает только овал лица. Сухие, потрескавшиеся губы шепчут слова, веки без ресниц вздрагивают. Голос её звучит гипнотически и Десять слушает.

Слушает голос веляя.

— Те, кто придет после вас, нарекут его странником Первой Пустоты, — говорит голос, — И скажет он, что Творец покарал вас за грехи и неверие, обрушил гнев свой, как молот, на деревню у Трех столбов. Когда-то милостью его, в час нужды, земля разверзлась и поднялась вода, в другой же час, перед самым рассветом, вода ушла. Поднялась огромной волной, накрыла собой высокий берег, а после не вернулась обратно. Словно зачерпнул кто, широким ковшом и обнажил песчаное дно Низины, а потом зачерпнул еще раз, и не осталось ничего. Так между двумя берегами пролегла пустота. Так, дарованное вам будет отнято, в час, когда чаша переполнится...

Двери в инкубаторный отсек разъезжаются и входит лейтенант Аринэ. Шаги порождают гулкое эхо. Свет вокруг инкубатора разгорается ярче. Глянцевые плиты пола, черные как космос, поглощают и свет, и тень.

Десять не оборачивается. Она все так же стоит лицом к восстановительной камере, где лежит Келлиана Аринэ.

— Я сочувствую вам, лейтенант. — говорит Десять своим новым, чужим голосом. Голосом мэтресс лен Валлин, который лжет. Всё, что она помнит про эту девочку её не касается, Десять не испытывает к ней ничего, лишь толику любопытства к возможностям этого тела, как проводника.

— Моей сестры давно нет здесь, её сущность покинула оболочку, а то что вы слышите — это Творец, он говорит устами наших мертвых.

— Вы в это верите, лейтенант? — спрашивает Десять.

— Моя кровь — синяя, — отвечает лейтенант. — Вам тоже стоит в это верить, мэтресс.

Лейтенант делает ударение на последнем слове. Ее ненависть холодная и резкая, как воздух восстановительной камеры. Десять знает, что лейтенант ненавидит её. Она оборачивается и смотрит в лицо Аринэ. Та не отводит взгляд. Ни следа гнева в глубине ее глаз, она сдержана, выглажена, как ее темно-синий мундир без знаков отличий. Куртка поверх мундира принадлежит далекому прошлому, корпусу нейтралитета, тем, кто когда-то отказался выбирать стороны. Десять помнит и думает, что возможно, они были правы.

Людам не нужен выбор. Все, что нужно человеку это иллюзия смысла и иллюзия выбора, а еще вкусно есть, крепко спать и доставлять себе удовольствие. Конечно, всегда будут те, кто хочет страдать и жертвовать, но для таких в мире Творца есть религия, надежда на перерождение, бесконечность, к которой можно стремиться. Зачем им знать правду? Зачем людям мир бесконечной памяти, где они навсегда лишь единицы и нули в огромном симуляторе? Знание об этом дает могущество изменять все и всех по своему усмотрению, делает людей равным богам, но через несколько сотен лет менять оболочки надоедает и создавать новые тоже, надоедает жить и помнить, все теряет смысл. Те, кто предлагал дать всем сохраненным выбор, предлагал лишить их существование всякого смысла, и ради чего?

Каждый раз они проходили через это снова и снова, каждый раз одни хотели быть богами, но еще ни разу став богом, человек не стал лучше и не сделал лучше этот мир.

— Ради чего вы это сделали, лейтенант? Предали меня? — спрашивает Десять.

— Вы хотите знать, жду ли я вознаграждения? — уточняет лейтенант. — Посадите на трон Дерентии Терранса, как и собирались, этого будет достаточно.

Десять смотрит на чёткий, красивый профиль Аринэ, который можно было бы чеканить на монетах, на копну густых, рыжих волос. По образу и подобию.

— Вы согласны с тем, что инкубатор — технология, а технологии делают нашу жизнь лучше. Уверена, если бы с его помощью мы могли исцелить вашу сестру, вы бы не отказались.

Лейтенант нарочито медленно убирает руки за спину.

— Путь под сень Древа священен и неприкосновенен, — говорит Аринэ, ее голос спокоен. — Сущность Келлианы начнет новый круг. Таков порядок. Вот во что я верю.

Память мэтресс говорит Десять, что лейтенант произносит эти слова по привычке, будто крутит карусель. Все эти заученные фразы из книги Начал, все эти догмы, просто песок, что сыпался из уст ее отца. А на сердце у Аринэ гнев и ярость, глубокие корни ее полыхают от необходимости постоянно смиряться. Молчать, терпеть и служить. Искупление за смешанную кровь с рождения, как клеймо выжженное на горле, заставляет ее говорить все это. Тем, кто должен услышать. Услышать, что у нее нет амбиций, нет желания обрести память прошлых жизней, что она смирилась с тем, что принадлежит миру забвения. Как и человек. Вот только она не человек и никогда им не будет.

Память мэтресс говорит Десять, что живых людей на этой планете давно нет, но есть форма, а эффект памяти этой формы, в зависимости от заложенных конфигураций оболочки, создаёт многообразие.

— Но Творец ведь благословил неведомых и память к ним возвращается, чем люди хуже? — спрашивает Десять. — Разве вы не хотите обрести свободу от этих нелепых предрассудков? Разве не видите, что Орден использует технологию изначальных, как оружие против людей?

— Чем хуже? — переспрашивает Аринэ. — Ничем. Творец не оценивает. Это не

наказание и не вознаграждение. Это путь. У каждого он свой. И выбор у каждого тоже свой.

— Что ж, наш путь — сохранить человечество и ради этого мы призываем людей к единству, — говорит Десять, но думает иначе. На мгновение их делается двое в этом теле. Мэтресс улыбается ей, потому что знает её мысли. Мы сгоняем людей как скот, чтобы они не разбежались и были послушные. Чтобы не мешали избранным стать богами.

Но произносить это вслух нельзя и Десять долго подбирает слова.

— Надеюсь вы готовы идти на компромисс, — наконец, говорит она, но промахивается. Аринэ злится и Десять ощущает лёгкую тревогу.

— Сотни лет существование моей семьи — компромисс, — отвечает Аринэ. Внешне лейтенант все так же спокойна, она подходит и склоняется над камерой, где лежит тело Келлианы. Лицо девочки похоже на маску, маска эта плавает на поверхности воды, шевелит губами и улыбается. Аринэ наклоняет голову и прислушивается. Шёпот звучит громче, будто кто-то подкрутил звук.

— *Вы — память, вы тысячи и тысячи воплощений сущего. Что вы будете делать с вечностью? Вы построили мир и разрушили мир. Мир не по образу и подобию, мир, созданный вашей фантазией....*

Аринэ поднимает взгляд. В глубине её глаз Десять видит затаившийся гнев, красивое лицо всего на мгновение искажается. Сикоры, почувствовав угрозу, выступают из тени и обступают Аринэ. Механические и медлительные, с кривыми паучьими ногами и с маленькой головой, не имеющие рта и глаз, а только несколько наростов-сенсоров, они вряд ли представляют для полукровки особую угрозу и потому лейтенант даже не смотрит на них. Аринэ хочет что-то сказать, но на терминал приходит сообщение и отвлекает её.

— Нас вызывают на палубу, — глянув на экран, говорит Аринэ. — Халирутское спасательное судно посылает сигнал бедствия.

— Идите, — говорит Десять. — Я буду через пару минут.

Десять прислушивается. Она почти научилась распознавать разницу между тем, что есть сейчас, что было сейчас и что будет сейчас. Почти.

А голос Келлианы всё повторяет и повторяет:

— *Вы — память, вы тысячи и тысячи воплощений сущего. Что вы будете делать с вечностью? Вы построили мир и разрушили мир. Мир не по образу и подобию, мир, созданный вашей фантазией. Бесконечность — ваше оружие, бессмертие ваше проклятие. Плоть и кости, пыль под ногами в пустыне Арради. Здесь смерти нет и времени нет. Творец видит, Маат знает, вам некуда идти, это ваш Предел. Каждый ваш шаг, каждый выбор, все уже было. И все всегда будет происходить сейчас. Определяет ли суть форму или форма определяет суть, но память здесь, определяет все. Вы — память, вы тысячи и тысячи воплощений сущего. Что вы будете делать с вечностью...*

Больше книг на сайте - Knigoed.net